0-78

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.
Шкафъ ~~XXVII~~ XXIV Sec II
Полка 7 8 4
№ 21. 34 30

С. Т. Аксаковъ.

1791—1891.

Критико-біографическій очеркъ

В. П. Острогорскаго.

Изданіе К. Т. Мартынова.

О-78

СЕРГѢЙ ТИМОѲЕЕВИЧЪ

АКСАКОВЪ.

КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. П. ОСТРОГОРСКАГО.

5572

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

1202/Зам.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.
1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 Сентября 1891 г.

Типографія и Фототипія В. И. Штейна, Почтамтская, № 13.

Дозволено цензурою. Спб., 19 Сентября 1891 г.

Типографія и Фототипія В. И. Штейна, Почтамтская ул., № 13.

Домъ въ Знаменскомъ «Аксаково».
Описанный въ Семейной Хроникѣ.

Критико-Біографическій очеркъ.

Видъ мельницы на рѣкѣ Бугурусланѣ.
Описанный въ Семейной Хроникѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Портретъ.
Виды: Мельница на рѣкѣ Бугурусланѣ VII
» Домъ въ Знаменскомъ «Аксаково» IX
Критико-біографическій очеркъ 1

Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ

20 Сентября 1791—20 Сентября 1891 г.

(КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

I.

Ровно столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ появленія на свѣтъ человѣка, который, проживъ 68 лѣтъ своеобразной, но небогатой внѣшними фактами, жизнью, тихо сошелъ въ могилу еще 30 Апрѣля 1859 года, оплакиваемый не только литературой, но и всѣми, кто его сколько-нибудь зналъ. Родившись и получивъ первыя впечатлѣнія дѣтства еще въ прошломъ вѣкѣ, въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и тяжелую эпоху Императора Павла Петровича, въ отдаленномъ глухомъ краю, въ Уфѣ и нынѣшней Оренбургской губерніи, С. Т. Аксаковъ кончаетъ свое долголѣтнее земное поприще въ первопрестольной столицѣ Москвѣ въ свѣтлую пору пробужденія Россіи, наканунѣ великаго событія — освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Отецъ двухъ высоко-даровитыхъ сыновей, Константина и Ивана Сергѣевичей, наиболѣе горячихъ и искреннихъ представителей славянофильства, Сергѣй Ти-

мовеевичъ представляетъ въ нашей литературѣ явленіе совершенно особенное, оригинальное. Между тѣмъ какъ крупнѣйшіе представители ея, какъ Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Лермонтовъ и многіе другіе еще въ молодости составляютъ себѣ громкое имя и сходятъ въ могилу, не достигши даже пятидесяти лѣтъ, Сергѣй Тимовеевичъ, кое-что только переводившій для театра, да пописывавшій незначительныя театральныя рецензіи, вдругъ на 56 году жизни выступаетъ съ оригинальной книгой «*Записки объ ужень рыбы*», обратившей на себя общее вниманіе, а 65 и 67 лѣтъ, на краю могилы, выпускаетъ въ 1856 и 1858 гг. *Семейную хронику* и *Дѣтскіе годы Багрова внука*, сразу поставившіе его въ рядъ самыхъ крупныхъ представителей русской художественной литературы. И это тѣмъ удивительнѣе, что содержаніе его сочиненій, кажется, всего менѣе соотвѣтствовало интересамъ современности, направлявшимся въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на изученіе ея самой. Въ этотъ лихорадочный періодъ всякихъ злобъ дня и страстнаго отношенія къ настоящему, спокойные, наивно-эпическіе разсказы старика, отвлекая умъ отъ ежедневнаго, современнаго, въ глубь недавняго прошлаго, отъ городской сутолоки въ тишь привольныхъ степей, болотъ и лѣсовъ, подъ сѣнь матери природы съ ея мирною жизнью растительной и животной, были для читателей студенымъ ключомъ, встрѣченнымъ въ жаркій день разгоряченнымъ путникомъ. Какъ онъ, этотъ путникъ, жадно бросились они на эти разсказы, чтобы въ нихъ почерпнуть хоть на минуту отдыхъ отъ злобы настоящаго и въ созерцаніи вѣчной природы и патріархальной старины обрѣсти новыя силы для дальнѣйшаго пути по новому поприщу исторической русской жизни, открывшей съ царствованіемъ Освободителя невиданныя дотолѣ перспективы.

Такія сочиненія могли создаться только Аксаковымъ, и никѣмъ больше, и именно только въ такомъ возрастѣ автора, когда онъ, подобно Пуш-

кинскому Пимену, могъ спокойно углубиться въ даль минувшаго, но тѣмъ болѣе ему дорогого. Не представляя собою творческаго вымысла, въ томъ смыслѣ, какъ понимаемъ мы его въ созданіяхъ Пушкина или Гоголя, гдѣ передъ нами вымышленные художественно созданные общіе типы и картины, *Хроника* и *Дѣтскіе годы* — совсѣмъ особенныя, высокоталантливыя воспроизведенія по памяти дѣйствительно бывшаго, но только въ строгомъ выборѣ характернаго, и притомъ глубоко-прочувствованнаго и дополненнаго фантазіею, или нѣсколько измѣненнаго тамъ, гдѣ автору самому измѣнила память, или же, гдѣ что-нибудь, какъ слишкомъ личное, интимное опускалось имъ изъ уваженія къ близкимъ лицамъ.

Еще никогда въ русской литературѣ не было ничего подобнаго и «Запискамъ объ уженьѣ» и охотничьимъ книгамъ Аксакова, гдѣ самыя разнообразныя животныя являются не какъ аллегорія въ басняхъ и сказскахъ, не какъ таинственныя существа животнаго египетскаго или индѣйскаго священнаго эпоса, а просто сами собою въ реальныхъ характерныхъ портретахъ, съ своей дѣйствительной физіономіей и нравами, и притомъ изображенныя такъ живо и съ такимъ участіемъ, какъ будто авторъ изображаетъ не животныхъ, а людей.

Посмотримъ же, что за человѣкъ былъ этотъ оригинальный авторъ; какъ сложилась и шла его жизнь, которую онъ самъ описалъ въ своихъ книгахъ, представляющихъ главнѣйшій матеріалъ для его біографіи, а въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о его особенностяхъ, какъ писателя, и историко-литературномъ его значеніи.

II.

Приволенъ и богатъ своими природными условіями былъ Оренбургскій край, гдѣ прошла большая часть дѣтства Сергѣя Тимоѳеевича. Широкія, безпредѣльныя степи, изобильныя водами, богатыми рыбой, лѣса, густо населенные дичью, скотъ, покосы и хлѣба—всего было здѣсь вволю. Никто не мѣрилъ еще этого приволья, гдѣ кочевали на свободѣ башкиры, у которыхъ по какой-нибудь полтинѣ можно было накупить удобнѣйшей земли сколько угодно десятинъ. И столько тамъ этой земли, что при всѣхъ заселеніяхъ ея чуть не цѣлое столѣтіе русскими помѣщиками, еще въ семидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія ловкіе аферисты и всякіе плуты, искатели наживы, скупили за безцѣнокъ въ Оренбургскомъ и Уфимскомъ краю у тѣхъ же башкиръ, въ какіе-нибудь три, четыре года, около двухъ милліоновъ десятинъ чернозема и лѣса, совершивъ пріобрѣтеніе по большей части по закону, благодаря злоупотребленіямъ мѣстныхъ властей. Но въ то отдаленное время, когда дѣдушка Сергѣя Тимоѳеевича переселилъ своихъ крестьянъ въ башкирскія земли, пріобрѣтеніе послѣднихъ совершалось тихо и полюбовно, и только гораздо позже возникли споры изъ-за земель между помѣщиками и прежними полудикими землевладѣльцами.

Дика и едва тронута плугомъ и косой была въ этомъ восточномъ краю природа; дики были въ послѣднее дѣсятилѣтіе прошлаго и въ первое нынѣшняго столѣтія помѣщичьи и чиновничьи нравы, и едва едва только тронуто образованіемъ наше восточное дворянство, живущее по глухимъ деревнямъ, и городское, большею частію, чиновничье или помѣщичье общество, среди которыхъ родился и провелъ Аксаковъ свое дѣтство и юность. Неразвитость нравственнаго чувства уваженія къ себѣ, а тѣмъ болѣе къ чужой личности, особенно низ-

шей по положенію и происхожденію, какъ крестьяне, извращеніе самыхъ естественныхъ понятій по отношенію даже къ близкимъ людямъ, грубость, ложь, невѣжество, отвращеніе отъ труда, жестокость, своеволіе, не знавшее себѣ удержу — вотъ черты нравовъ, яркія картины которыхъ мы находимъ въ сатирическихъ журналахъ Новикова «Трутень» и «Живописецъ», въ Запискахъ Данилова, Болотова и въ другихъ литературныхъ памятникахъ того времени, и не только въ такой глуши, какъ Оренбургскій край, но и повсемѣстно въ Россіи, за рѣдкими исключеніями. Такую же малоутѣшительную картину нравовъ, среди которыхъ выросъ и образовался Аксаковъ, представляютъ и «*Хроника*», и «*Дѣтскіе годы*», и «*Воспоминанія*». Дѣдушка едва знаетъ грамотѣ, бабушка и тётки почти не знаютъ даже и ее, за исключеніемъ одной тетеньки, любящей читать пѣсенникъ, и не носятъ на себѣ никакихъ слѣдовъ какого бы то ни было образованія. «Дѣтское чтеніе» Новикова, читаемое вслухъ старикамъ и теткамъ малымъ ребенкомъ,—единственная духовная пища этихъ людей. Съ какимъ трудомъ и какъ случайно добываются книги для своего ребенка болѣе начитанной матерью писателя! Какой узенькій кругъ занятій у этихъ людей: ѣда, спанье, сплетни, нетрудная служба, игра въ дурачки, пасьянсъ, хозяйство, охота во всѣхъ видахъ, въ городахъ балы; развлеченія, въ родѣ раздразниванья столяра, или восьмилѣтняго мальчика пріѣзжими офицерами; богатырское подбрасыванье, въ припадкѣ веселости, помѣщикомъ Александромъ Михайловичемъ Карамзинымъ толстой приживалки, возбуждающее общій хохотъ, чудачества какого-то богача Д., воспитывающаго англійскихъ свиней и забавляющагося хорами доморощенныхъ пѣвицъ; прибавьте ко всему этому у натуръ, въ родѣ Куроѣдова, мужа двоюродной бабушки писателя, безобразное пьянство и кутежи — вотъ все времяпровожденіе этихъ людей, такъ живо обрисованное въ «*Добромъ днѣ Степана Михайловича*», въ эпопеѣ о

Куролесовѣ, и нѣкоторыхъ другихъ сочиненіяхъ Аксакова.—Не говоримъ уже о безобразіи отношеній въ семьѣ напр. у Куроѣдова, или обоихъ дѣдушекъ, гдѣ у перваго, Зубова, истязается дочь вздорной бабой мачихой, а у второго, подъ худой часъ треплется за волосы собственная жена и избивается такъ, что побои не заживаютъ цѣлый годъ.—А что творится въ самой администраціи, которая и понятія не имѣетъ о своихъ обязанностяхъ или той роли, которую она призвана играть въ государствѣ. Стоитъ закупить полицію и судъ, пьянствовать съ властями, и Куроѣдовъ можетъ запарывать на смерть своихъ крѣпостныхъ и творить безчинства, не боясь, какъ и помѣщика вообще, никакой отвѣтственности за свои противозаконные поступки. Въ болѣзнь помощника Уфимскаго намѣстника Зубова всею канцеляріею заправляетъ дѣвица, его дочь, а губернаторъ, разсчитывавшій на великія милости отъ новаго Императора, по полученіи извѣстія о кончинѣ Императрицы, приказываетъ на радостяхъ звонить въ колокола и сзываетъ къ себѣ на балъ цѣлый городъ и пьетъ за новаго Императора. Какого же развитія малѣйшаго гражданскаго чувства или сознанія общественныхъ политическихъ интересовъ можно ждать отъ этого полудикаго общества, которое на этотъ балъ ѣдетъ? Живущее совсѣмъ замкнутою узенькою жизнью эгоистическихъ мизерныхъ интересовъ, это общество до того боязливо относится ко всему, выходящему изъ этого круга, что даже обо всѣхъ извѣстіяхъ, получавшихся изъ Петербурга и всѣхъ приводившихъ въ смущеніе, говорило всегда не иначе, какъ потихоньку. Каково же было его самолюбіе, легко видѣть хоть напримѣръ, изъ того, что позорное тѣлесное наказаніе, которому подвергъ офицера, дворянина, отца писателя, какой-то полоумный полковой командиръ, не вызвало даже со стороны отца, или товарищей, никакого судебнаго дѣла. Подобные факты однако не мѣшали этимъ людямъ чваниться своимъ давнимъ дворянскимъ происхожденіемъ, напр.

при заключеніи браковъ, какъ это было со стороны дѣдушки при сватовствѣ сына, и вполнѣ сознавать и проявлять свою неограниченную волю надъ личностью, благосостояніемъ, чуть не надъ самой жизнью несчастныхъ крестьянъ, какъ это дѣлалъ Куроѣдовъ.

Если только изъ однихъ сочиненій самого Аксакова пособрать всѣ черты, обнаруживающія невѣжество и грубость этой среды, совершенно лишенной культурности даже въ самыхъ лучшихъ личностяхъ, какъ дѣдушка, пожалуй, двоюродная бабушка, и даже болѣе образованная мать; если вдуматься, какая это была чисто стихійная, примитивная жизнь, внѣ всякихъ интересовъ общественныхъ, государственныхъ, то нельзя не признать, что эта среда весьма мало могла способствовать нормальному развитію даровитаго ребенка, а тѣмъ болѣе угадать въ немъ литературное призваніе, которому слѣдовало дать во время правильное направленіе и болѣе здоровую пищу, чѣмъ одна только природа, которая и спасла ребенка.

III.

Благодаря разъясненію сына Сергѣя Тимоѳеевича, Ивана Сергѣевича, мы уже знаемъ, что *Семейная хроника*, а также и *Дѣтскіе годы Багрова внука*, представляютъ дѣйствительную лѣтопись жизни родныхъ и автобіографію покойнаго писателя, и что, вмѣсто Багровыхъ, слѣдуетъ только поставить Аксаковыхъ, вмѣсто Алексѣя, отца Багрова—Тимоѳея, вмѣсто Софьи Николаевны Зубиной, матери,—Марью Николаевну Зубову, вмѣсто Куролесовыхъ—Куроѣдовыхъ, вмѣсто Багрово—Аксаково и т. д., что и указано въ предувѣдомленіи къ посмертному изданію сочиненій Аксакова. Такимъ образомъ, отсылая читателей къ такому интересному и прав-

дивому матеріалу, какъ собственныя сочиненія покойнаго писателя, мы не будемъ подробно слѣдить за разсказами автора, а укажемъ изъ нихъ только въ хронологическомъ порядкѣ существеннѣйшія біографическія черты, освѣщая факты съ точки зрѣнія лица посторонняго, какими они могутъ казаться позднѣйшему біографу.

Хотя дѣдушка Аксакова и любилъ говорить о древнѣйшемъ происхожденіи своего рода отъ знатнаго варяга, племянника Норвежскаго Короля Гакона Слѣпаго и тщательно наблюдалъ свою родословную, но къ особенно сановитому дворянскому роду Аксаковыхъ причислить нельзя. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ встрѣчаются еще между ними воеводы и стольники, но затѣмъ пошли больше стряпчіе и простые помѣщики, причемъ нѣкоторые служили въ военной службѣ, но выше поручиковъ дослуживались рѣдко, а по достатку принадлежали къ помѣщичьему среднему кругу. Никто изъ Аксаковыхъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался, и широкая извѣстность этой фамиліи начинается только съ славянофильской дѣятельности сына Константина, съ самаго Сергѣя Тимоѳеевича подъ конецъ его жизни и затѣмъ его другого сына, Ивана Сергѣевича. Тѣмъ не менѣе, Аксаковы всегда строго держались старинныхъ и помѣщичьихъ традицій въ лучшихъ его сторонахъ, и домъ Аксаковыхъ, впослѣдствіи получившихъ средства къ вполнѣ безбѣдному существованію — всегда былъ въ Москвѣ лучшимъ образцомъ хлѣбосольнаго, гостепріимнаго, богобоязненнаго и радушнаго барства.

У дѣдушки, кромѣ пятерыхъ дочерей, которымъ онъ не далъ никакого образованія и которыхъ, даже замужнихъ, держалъ вмѣстѣ съ женой въ постоянномъ страхѣ передъ своей особой, былъ только одинъ сынъ, Тимоѳей, красивый собой, но женоподобный, робкій, застѣнчивый и недалекій умомъ, легко подчинявшійся чужой волѣ и находившійся всегда въ строгомъ повиновеніи у отца, человѣка безспорно умнаго и, по своему, высоко честнаго,

но совсѣмъ «стихійнаго» самодура, доходившаго до самой дикой расправы не только съ дворовыми и крестьянами, впрочемъ, его любившими, но и съ домашними.—Образованія не далъ старикъ и сыну, и едва исполнилось послѣднему 16 лѣтъ, отдалъ его въ военную службу. Въ ней «прослужилъ Тимоѳей Степановичъ три года, и былъ даже по протекціи мужа двоюродной сестры дѣдушки, Куроѣдова, безсмѣннымъ ординарцемъ при Суворовѣ.» Но Суворовъ уѣхалъ изъ Оренбургскаго края, и какой то нѣмецъ генералъ (кажется, Трейблутъ) безъ всякой вины жестоко отколотилъ палками молодаго человѣка, не смотря на его древнее дворянство. «Дѣдушка взялъ сына въ отставку и опредѣлилъ въ Уфу въ Верхній земскій судъ, гдѣ сынъ усердно и долго служилъ и былъ впослѣдствіи прокуроромъ.» Человѣкъ это былъ, что называется, простой, тихонькій, не чуждавшійся крестьянъ, его любившихъ, и большой охотникъ ловить рыбу, раковъ, ходить за дичью,—страсть, которую вмѣстѣ съ любовью къ природѣ передалъ онъ и сыну. Тимоѳей Степановичъ до брака жилъ въ Уфѣ уже восемь лѣтъ, и только раза два въ годъ наѣзжалъ къ родителямъ на побывку въ село Аксаково, отстоявшее отъ города верстахъ въ 240. «Ничего особеннаго,—пишетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ,—съ нимъ не происходило. Тихій, скромный, застѣнчивый, ко всѣмъ ласковый, цвѣлъ онъ, какъ маковъ цвѣтъ... и вдругъ помутился ясный ручеекъ жизни молодаго двадцатисемилѣтняго деревенскаго дворянина»: онъ влюбился въ дочь Товарища Уфимскаго Намѣстника, Коллежскаго Совѣтника Николая Ѳедоровича Зубова.

Если отецъ Сергѣя Тимоѳеевича былъ именно тихоня и добрѣйшій простакъ, проводящій свою жизнь до сихъ поръ по указкѣ и произволенію крутого родителя мирно и тихо,—совсѣмъ не такова была его мать, составлявшая съ Тимоѳеемъ Степановичемъ совершенную противуположность. Это была настоящая красавица, мастерская танцорка

на балахъ, за которой увивалась вся уфимская аристократія, красавица, гордая сознаніемъ своей красоты и достоинства, почему и держала себя недоступно, очень умная, страстная, но весьма сдержанная. Съ умомъ соединяла она практичную дѣловитость и, по смерти мачихи, водившей дѣвушку въ затрапезномъ платьѣ ивсячески оскорблявшей ненавидимую падчерицу, съ семнадцатилѣтъ взяла въ свои руки весь домъ, воспитала сама и отдала по учебнымъ заведеніямъ дѣтей, а, когда жалкаго отца ея, находившагося у второй жены подъ башмакомъ, хватилъ параличъ, она сама взяла на себя управленіе всей отцовской канцеляріей. Мало того, эта женщина съумѣла еще до нѣкоторой степени и образовать себя. Вмѣстѣ съ маленькими братьями она училась у какого то француза и полу-ученаго малоросса, сосланнаго въ Уфу за плутни, ею самой разысканнаго, и даже переписывалась съ Н. И. Новиковымъ и его другомъ Аничковымъ, «присылавшимъ ей всѣ замѣчательныя сочиненія въ русской литературѣ, какія тогда появлялись.» Всѣ, по тогдашнему, умные и образованные люди, попадавшіе въ Уфу, спѣшили съ ней познакомиться, и всѣ ею очаровывались. Но жизнь безъ матери, униженія отъ мачихи, безхарактерная тряпичность отца, полное одиночество въ смыслѣ отсутствія близкихъ людей, практическая жизнь въ дѣвичествѣ, всеобщее поклоненіе, — все это поселило въ ней рядомъ со страстностью, которую она впослѣдствіи всецѣло перенесла на сына Сергѣя, значительную черствость сердца, эгоизмъ и великое самолюбіе, или, вѣрнѣе, самомнѣніе на счетъ своего ума и образованности, которой въ ней, по крайней мѣрѣ, по сочиненіямъ Аксакова, особенно ни въ чемъ не видно. Въ этой городской Уфимской аристократкѣ чиновницѣ, какъ ни симпатично представляетъ ее сынъ, — слишкомъ мало простоты, сердечности, снисходительности къ людямъ, что видно не только въ ея отношеніяхъ къ роднымъ мужа (кромѣ дѣдушки), но и къ прислугѣ и крестьянамъ, къ коимъ

относится она совсѣмъ по барски, съ плохо сдерживаемымъ презрѣніемъ. — Въ будущемъ своемъ мужѣ, она, привыкшая къ власти, нашла себѣ красиваго послушнаго раба, и не даромъ выбрала въ супружество именно такого человѣка. Во всѣхъ разсказахъ Аксакова, онъ и рисуется только какъ покорный безотвѣтный мужъ своей жены, которая даже къ нему, къ отцу, ревнуетъ сына, которымъ-бы ей хотѣлось овладѣть всецѣло всей силой своей эгоистической материнской страсти.

Вотъ на какой женщинѣ, вышедшей замужъ не по страсти, а, до нѣкоторой степени, по разсчету, 10-го Мая 1788 года, женился Тимоѳей Степановичъ послѣ цѣлой эпопеи сватовства, подробно разсказанной въ Семейной хроникѣ въ главѣ «*Женитьба молодого Багрова.*»

Какъ и слѣдовало ожидать, не особенно счастливо, даже и въ первый годъ, потекла жизнь молодыхъ супруговъ, между которыми ничего не было общаго. Размолвки и несогласія, о чемъ, очень естественно сынъ говоритъ не все, многое не договаривая и многое смягчая (*Семейная Хроника—Жизнь въ Уфѣ*), происходили безпрестанно, и смерть перваго ребенка, — дѣвочки, послѣдовавшая, повидимому, изъ за нервозности матери и слишкомъ искуственнаго ухода за ребенкомъ, едва не стоила Марьѣ Николаевнѣ жизни. Тѣмъ съ большимъ страхомъ встрѣчена была вторая беременность, но прошла благополучно, безъ особыхъ болѣзней. Когда приблизилось время родовъ съ величайшимъ вниманіемъ сталъ ухаживать за Марьей Николаевной старичокъ—акушеръ Клаусъ, ежечасно ожидая разрѣшенія отъ бремени; но беременность затягивалась. И вотъ 20-го Сентября 1791 года, когда уже самъ акушеръ не зналъ, что и думать, и даже сердился на такое промедленіе, вдругъ, даже безъ акушера, за которымъ не успѣли послать, появился на свѣтъ такъ давно желанный всѣми, и дѣдушкой, и бабушкой, и родителями, сынъ, знаменитый впослѣдствіи наслѣдникъ фамиліи Аксаковыхъ, Сергѣй

Тимоѳеевичъ. «Схватилъ новорожденнаго опытными руками опоздавшій нѣмецъ, другъ молодыхъ супруговъ, началъ его осматривать у свѣчки, вертѣть и щупать, отчего ребенокъ громко закричалъ; сунулъ ему въ ротъ палецъ, и, когда новорожденный крѣпко сжалъ его и засосалъ, нѣмецъ радостно воскликнулъ:» а, варваръ! какой славный и здоровенный!» А проходя домой, мимо подгулявшей на радостяхъ дворни, которую тотчасъ же разослалъ спать, чтобъ не безпокоить родильницу, старикъ бормоталъ про себя: «Какой счастливый мальчишка! какъ всѣ ему рады!»

«И въ самомъ дѣлѣ, разсказываетъ про себя самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ родился этотъ младенецъ! Мать, страдавшая безпрестанно въ первую беременность, нося его, была совершенно здорова; никакія домашнія неудовольствія не возмущали въ это время жизни его родителей; кормилица нашлась такая, какихъ матерей бываетъ немного, что, разумѣется, сказалось впослѣдствіи на здоровьи ребенка. Желанный, прошеный и моленый даже особыми молебнами Сергію Радонежскому, онъ не только мать и отца, но и всѣхъ обрадовалъ своимъ появленіемъ на свѣтъ.»

А двадцать втораго Сентября прискакалъ въ Аксаково изъ Уфы посланный на «перемѣнныхъ» нарочный, и семья радостно привѣтствовала послѣобѣденное пробужденіе дѣдушки отъ сна поздравленіемъ съ внучкомъ. «Перекрестился дѣдушка, вскочилъ съ постели, босикомъ подошелъ къ шкапу, торопливо вытащилъ родословную, взялъ изъ чернильницы перо, провелъ черту отъ кружка съ именемъ Тимоѳей, сдѣлалъ кружокъ на концѣ своей черты и въ серединѣ его написалъ «Сергѣй.»

IV.

Дѣтство Аксакова до восьмилѣтняго возраста, когда онъ поступилъ въ Казанскую Гимназію, столь подробно описанное въ «Дѣтскихъ годахъ», составляющихъ непосредственное продолженіе «Семейной хроники», прошло въ родительскомъ домѣ, сначала въ Уфѣ, гдѣ отецъ продолжалъ служить до самой смерти дѣдушки, послѣ которой вышелъ въ отставку, и семья переѣхала на постоянное житье въ Аксаково, куда ѣзжала нѣсколько разъ и прежде. Здѣсь же провелъ Сергѣй Тимоѳеевичъ цѣлый годъ, когда его по болѣзни взяли изъ Гимназіи. Гащивалъ онъ и въ богатомъ селѣ своей двоюродной бабушки, вдовы Куроѣдовой, Надеждинѣ, завѣщанномъ ею послѣ смерти его родителямъ. Такимъ образомъ, большая часть его дѣтства прошла, такъ сказать, на лонѣ сельской природы, въ глуши Оренбургскаго края, среди патріархальныхъ помѣщичьихъ нравовъ, въ замкнутомъ кругу невѣжественной, мелочной и пустой родни (за исключеніемъ матери), хитрой дворовой няньки Параши и дядьки Евсеича. Пристально оберегаемый матерью отъ сообщенія съ дворовыми или крестьянскими ребятишками, не имѣвшій товарищей-сверстниковъ и между дѣтьми помѣщиковъ и чиновниковъ, мальчикъ росъ совершенно одиноко, если не считать сестрицы Надеженьки, очень имъ любимой, но которая была младше его. Это одиночное изолированное воспитаніе, вдали отъ всякихъ общественныхъ интересовъ, можетъ быть, и было отчасти причиной той особой субъективности, нѣкоторой нелюдимости и извѣстнаго консерватизма, которые отличали Аксакова еще юношей. Эти особенности характера отдалили его въ Гимназіи и Университетѣ отъ товарищей, въ Петербургѣ заставили его примкнуть къ людямъ пожилымъ и старымъ, какъ, наприм., мартинистъ Романовскій, Державинъ и Шишковъ, обособиться

въ тѣсный кругъ исключительно театральныхъ интересовъ и, наконецъ, зажить въ Москвѣ на множество лѣтъ до самой своей смерти исключительно въ семьѣ и кружкѣ преимущественно славянофильскомъ. Эта же ранняя изолированность отъ общества, какъ намъ кажется, и образовала въ Аксаковѣ наклонность къ мечтательности, углубленію въ себя, въ свой внутренній мірокъ, въ наблюденіе того, что конкретно, передъ глазами, но сдѣлало его совершенно неспособнымъ къ наблюденію и уразумѣнію жизни крестьянъ или общественной, политической, къ обобщеніямъ болѣе широкимъ. Иногда въ дѣтствѣ и пробуждались въ умномъ ребенкѣ пытливость и критическое отношеніе къ окружающему, но на такіе запросы не только не давалось родителями сколько-нибудь удовлетворительныхъ отвѣтовъ, но, напротивъ, они возбуждали со стороны матери даже неудовольствіе, на что не разъ и указываетъ въ «Дѣтскихъ годахъ» Аксаковъ. Такъ, неоднократно занимали ребенка неправильныя отношенія господъ къ крестьянамъ, затаенная враждебность послѣднихъ къ господамъ, вопросъ, почему учитель совсѣмъ иначе обращается съ нимъ, барченкомъ, чѣмъ съ такимъ же ученикомъ Андрюшей, но только сыномъ бѣдной женщины. Мальчика даже возмущали до болѣзненнаго припадка нѣкоторыя безобразныя явленія окружающей жизни, напримѣръ, порка учениковъ учителемъ въ Уѣздномъ училищѣ, или хлестанье ремнемъ дѣвочки бабушкой за невнимательное расчесыванье козьяго пуха. Но на вопросы отвѣта не получалось; въ Училище больше не пустили, а учителю отказали, въ бабушкину комнату онъ больше не ходилъ, и пытливость ума мало по малу заглушалась, а отъ лицезрѣнія безобразій его тщательно уберегали, да и самъ онъ пересталъ ихъ замѣчать, тѣмъ болѣе, что мать, не любившая мужиковъ, всячески отдаляла его отъ сношеній съ ними; даже рѣдко и неохотно пускала слушать пѣсни и смотрѣть работы, хороводы и святочныя

игры; хотя въ то же время и оставляла сына въ обществѣ Параши и Евсеича.

«По той же самой причинѣ, что моя мать была горожанка, какъ я уже сказалъ, разсказываетъ Аксаковъ, и также потому, что она провела въ угнетеніи и печали свое дѣтство и раннюю молодость, и потомъ получила, такъ сказать, нѣкоторое внѣшнее прикосновеніе цивилизаціи отъ чтенія книгъ и знакомства съ *тогдашними* умными и образованными людьми, — прикосновеніе, часто возбуждающее какую-то гордость и неуваженіе къ простонародному быту,—по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ, моя мать не понимала и не любила ни хороводовъ, ни свадебныхъ и подблюдныхъ пѣсенъ, ни святочныхъ игрищъ, даже не знала ихъ хорошенько. Съ большимъ трудомъ уступала она иногда просьбамъ тетки позволить мнѣ посмотрѣть на нихъ; тетка же, какъ деревенская дѣвушка, все это очень любила; она устроивала иногда святочныя игры и пѣсни у себя въ комнатѣ, и сладкіе, чарующіе звуки народныхъ родныхъ напѣвовъ, долетая до меня изъ третьей комнаты, волновали мое сердце и погружали меня въ какое-то непонятное раздумье. Мнѣ было очень досадно, что не позволяли не только самому участвовать, но даже присутствовать на этихъ играхъ, и, вслѣдствіе такого строгаго запрещенія, меня соблазнили, наконецъ, обманывать свою умную и такъ горячо любимую мать. Разумѣется, я сначала просился и приставалъ съ вопросами къ моей матери: для чего она не пускаетъ меня на игрища? Мать отвѣчала мнѣ рѣшительно и строго: «что тамъ бываетъ много глупаго, гадкаго и неприличнаго, чего мнѣ ни слышать, ни видѣть не должно, потому что я еще дитя, не умѣющее различать хорошаго отъ дурнаго». А какъ я ничего дурнаго не видѣлъ, или, видя, не понималъ, въ чемъ они состоятъ, то повиновался неохотно, безъ внутренняго убѣжденія, даже съ неудовольствіемъ. Тетка же моя со своими сѣнными дѣвушками говорили совсѣмъ другое; онѣ утверждали,

«что у матери моей такой уже нравъ, что она всѣмъ недовольна и что все деревенское ей не нравится, что отъ того она нездорова, что ей самой не весело, такъ она хочетъ, чтобы и другіе не веселились».

Образованію въ ребенкѣ крайней раздражительности и нервности въ дѣтствѣ, весьма часто проявляющейся въ Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ, кажется, болѣе всего способствовала его мать. Потерявъ уже перваго ребенка и несказанно обрадовавшись сыну, она всей своей страстной натурой привязалась къ нему съ самаго появленія его на свѣтъ. Эта любовь, переходившая, по выраженію одного изъ знакомыхъ Маріи Николаевны, Д. М. Мертваго, въ настоящее *обожаніе*, усилилась еще болѣе, когда ребенокъ въ раннемъ дѣтствѣ перенесъ тяжелую болѣзнь, находясь нѣсколько времени между жизнью и смертью. За этой любовью, ласками, постояннымъ, неусыпнымъ не только уходомъ, а ухаживаньемъ за мальчикомъ матери, которая никого не допускаетъ къ ребенку, кромѣ довѣренной прислуги, отецъ, боявшійся брать на руки сына изъ опасенія его уронить, какъ бы совсѣмъ стушевывается, и только впослѣдствіи, когда ребенокъ начинаетъ подростать, становится его руководителемъ и товарищемъ по части рыбной ловли, охоты, собиранія грибовъ и прогулокъ въ поле. Но, во-первыхъ, всѣ эти занятія, столь не любимыя матерью, боявшейся, какъ-бы ея Сережу не простудили, не ушибли, «*не потеряли*», не застрѣлили, какъ-бы онъ не наслушался отъ мужиковъ чего дурнаго, какъ-бы ребенокъ не отвыкъ отъ матери (она ревновала его даже къ отцу, дажей къ самой природѣ), происходили довольно рѣдко; во-вторыхъ, повидимому, съ отцомъ были у ребенка отношенія довольно холодныя, можетъ быть, подъ вліяніемъ той-же матери, и въ «Дѣтскихъ годахъ», при всѣхъ описаніяхъ этихъ прогулокъ и охоты, едва-ли не чаще чѣмъ отецъ, упоминается дядька Евсеичъ. Эта любовь, доходящая, какъ мы увидимъ ниже, до пол-

наго самоотверженія, была какая-то ужъ черезъ чуръ страстная, слишкомъ эгоистическая, самонадѣянная, убѣжденная въ своей безусловной непогрѣшности,—любовь, совершенно стѣсняющая свободу ребенка, не дающая, что называется, сдѣлать ему шага. Вѣчно мать на сторожѣ, чтобы сынъ не съѣлъ чего лишняго, почему для него готовится даже особый столъ, чтобы не услыхалъ чего отъ прислуги, чтобы, спаси Богъ, чѣмъ нибудь не разстроился, а между тѣмъ сама-же мать, чѣмъ нибудь разстроившись (а разстроивалась она часто), принимается плакать вмѣстѣ съ ребенкомъ. Эта-же любовь положительно мѣшаетъ и его занятіямъ въ гимназіи, и самая болѣзнь, по поступленіи туда, едва не кончившаяся падучкою, вызвана тою же преувеличенною материнскою страстностью. Посмотримъ же, какія заботы прикладывались къ книжному образованію мальчика, чему онъ до поступленія въ гимназію учился, что читалъ и къ чему обнаруживалъ особыя наклонности.

Рано пробудилась въ нервномъ мальчикѣ, подъ вліяніемъ сказокъ, разсказываемыхъ потихоньку отъ матери любимой дѣтьми старухой, нянькой, болѣзненная фантазія, рисовавшая ему въ темныхъ комнатахъ страшные призраки. Но мать, узнавъ объ этомъ, страшно разсердилась,и сослала няньку за «разсказываемый ею вздоръ и выдумки невѣжества» въ людскую. И хоть крайность заставила опять приставить эту женщину къ дѣтямъ, но ей строго запретили разсказывать сказки и взяли клятвенное обѣщаніе никогда не говорить о простонародныхъ предразсудкахъ и повѣрьяхъ. И какъ ни любила нянька дѣтей, какъ ни былъ привязанъ къ ней мальчикъ, но черезъ годъ ее совсѣмъ отослали въ деревню. Только разъ, во вниманіе къ болѣзни поправлявшагося сына, впослѣдствіи, когда онъ сталъ постарше, мать рѣшилась допустить къ нему ключницу Пелагею, разсказывавшую сказки, изъ которыхъ одна, *Аленькій цвѣточекъ*, чудесно воспроизведена Аксаковымъ по памяти уже въ ста-

Гос. Ун-т

рости; но и это сказыванье сказокъ было скоро воспрещено. Мать вѣрила только въ воспитательное значеніе книгъ, и, научивъ ребенка грамотѣ едва-ли не по четвертому году, вручила сыну книжку «*Зеркало добродѣтели*». Эту книжку съ картинками читалъ мальчикъ всякій день, такъ что, наконецъ, зналъ ее наизусть, а отъ «*Зеркала*» перешелъ къ переводу огромнаго пятитомнаго in quarto «*Домашняго лѣчебника Бухана,*» подареннаго Марьѣ Николаевнѣ, еще дѣвицѣ, однимъ изъ ея почитателей, какимъ то путешественникомъ графомъ Мантейфелемъ. Но мать нашла это чтеніе для такого возраста неудобнымъ, хотя все таки выбрала нѣкоторыя мѣста и, отмѣчая ихъ закладками, позволяла ихъ читать, и ребенокъ интересовался чтеніемъ, потому что «здѣсь описывались всѣ травы, соли, коренья и всѣ медицинскія снадобья, о которыхъ только упоминалось въ лѣчебникѣ.» Вскорѣ однако, какъ говоритъ Аксаковъ, судьба послала ему неожиданное новое наслажденіе. Одинъ изъ уфимскихъ любителей просвѣщенія, старикъ С. И. Аничковъ, услыхавъ отъ родителей, что Сережа мальчикъ прилежный и очень любитъ читать, но что читать нечего, подарилъ ему двѣнадцать разрозненныхъ книжекъ Новиковскаго *Дѣтскаго чтенія для сердца и разума*. Эта книга произвела на ребенка впечатлѣніе потрясающее до того, что онъ ходилъ, какъ помѣшанный, ничего не говорилъ, не понималъ, что ему говорятъ, и не хотѣлъ даже идти обѣдать. «Онъ прочелъ всѣ двѣнадцать книжекъ въ одинъ мѣсяцъ, съ небольшимъ, и онѣ произвели въ дѣтскомъ умѣ совершенный переворотъ и открыли мальчику цѣлый новый міръ. Онъ узналъ въ «разсужденіи о громѣ», что такое молнія, воздухъ, облака; узналъ образованіе дождя и происхожденіе снѣга. Многія явленія природы, на которыя онъ смотрѣлъ дотолѣ безсмысленно, хотя съ любопытствомъ, получили смыслъ, значеніе, и стали еще любопытнѣе. Муравьи, пчелы, и особенно, бабочки со своими превращеніями изъ яичка въ чер-

вяка, изъ червяка въ хризалиду, изъ хризалиды въ красивую бабочку—овладѣли его вниманіемъ и сочувствіемъ, и онъ получилъ непреодолимое желаніе наблюдать все это своими глазами. Собственно нравоучительныя статьи производили впечатлѣнія менѣе; но очень забавляли его «смѣшной способъ ловить обезьянъ» и «басня о старомъ волкѣ, котораго всѣ пастухи отъ себя прогоняли. Какъ восхищался онъ золотыми рыбками!» («Дѣтскіе годы»). Эти двѣнадцать разрозненныхъ книжекъ, вмѣстѣ съ «Зеркаломъ добродѣтели,» которыя ребенокъ бралъ всегда съ собой, куда-бы родители съ нимъ ни ѣхали, весьма долго оставались его единственной книжной пищей. Эти же книжки служатъ ребенку единственнымъ утѣшеніемъ, когда онъ остается временно безъ родителей у дѣдушки: ихъ безпрестанно перечитываетъ онъ и самъ, и читаетъ вслухъ даже Евсеичу. Впрочемъ, у тётушки-дѣвицы нашлись книги: Пѣсенникъ, Сонникъ и какое-то театральное сочиненіе въ родѣ водевиля. Пѣсенникъ мальчику не дали, а Сонникъ и пьеску отдали, и обѣ произвели также сильное впечатлѣніе. Всѣ нелѣпыя толкованія сновъ, поражающія своей глупостью, мальчикъ даже выучилъ наизусть и до самаго Университета вѣрилъ правдѣ этихъ толкованій. Пьеска называлась «Драматическая пустельга» и представляла что-то вродѣ модныхъ тогда пасторалей, съ пастушкой, гнавшей домой стадо гусей и пѣвшей куплеты съ припѣвомъ:

Тига, тига, домой,
Тига, тига, за мной,

или стишки, вродѣ слѣдующихъ:

Вотъ василекъ
Милый цвѣтокъ!

Этотъ драматическій вздоръ однако имѣлъ для будущаго писателя значеніе рѣшающее. Въ мальчикѣ, еще не видавшемъ никогда спектакля, онъ пробудилъ склонность къ театральнымъ сочиненіямъ,

которая росла съ каждымъ годомъ и сдѣлала страсть къ сценѣ, едва-ли, не господствующей во всю жизнь Аксакова.

Но вотъ вернулись Аксаковы отъ дѣдушки въ Уфу, гдѣ нашли гостей, двухъ сначала учившихся въ Москвѣ въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, а теперь драгунскихъ офицеровъ, братьевъ Марьи Николаевны. Они любили читать книжки и умѣли читать наизусть стихи, что было для ребенка, дотолѣ незнавшаго, что такое стихи, и какъ ихъ читаютъ, совершенною новостью. Дядя Сергѣй Николаевичъ также очень любилъ рисовать и рисовалъ хорошо: съ нимъ былъ ящикъ съ «*соковыми*» красками и кисточкою. Уже это одно привело мальчика, любившаго смотрѣть картинки, въ восхищеніе, и онъ сталъ видѣть въ дядѣ какое-то высшее, недосягаемое существо... «Высшія же существа», повидимому, не отличались особеннымъ развитіемъ. По крайней мѣрѣ, не малое развлеченіе и забаву доставляло имъ дразнить столяра Михея, котораго доводили они до того, что онъ гонялся за ними съ деревяннымъ молоткомъ, бранилъ ихъ, а иногда даже и бивалъ. Но, не удовольствовавшись Михеемъ, юноши вмѣстѣ съ какимъ-то адъютантомъ Волковымъ перешли и къ раздразниванью ребенка, и, наконецъ, раздразнили его до того, что онъ пустилъ Волкову въ лобъ деревянный молотокъ, и затѣмъ расхворался не на шутку.

Тотъ же Аничковъ, который подарилъ мальчику Дѣтское чтеніе, далъ ему еще двѣ книжки: *Дѣтскую библіотеку* Кампе, въ переводѣ Шишкова и *Исторію о Младшемъ Кирѣ и о возвратномъ походѣ десяти тысячъ Грековъ*, сочиненіе Ксенофонта. Къ этому прибавилъ онъ еще какой-то рукописный томъ съ множествомъ чертежей и плановъ, которые мальчикъ разсматривалъ, но значенія ихъ, конечно, не понималъ. *Дѣтская библіотека* привела Аксакова въ восхищеніе и всѣ дѣтскія пѣсни изъ нея выучилъ онъ наизусть. Не менѣе понравился ему, не смотря на ранній возрастъ, и Ксенофонтъ, сдѣ-

лавшійся въ послѣдующіе годы любимымъ чтеніемъ Аксакова, живое воображеніе котораго совершенно переносило его въ преданія великой старины.

Насмѣшки дядей надъ мальчикомъ, такъ увлекавшимся чтеніемъ, но не умѣвшимъ даже подписать своей фамиліи, побудили его упросить отца и мать, чтобы они начали учить его письму. Тотъ же насмѣшникъ дядя принялся заниматься съ племянникомъ «каллиграфіей», т. е. заставилъ его выписывать для хорошаго почерка палочки; но Сережа, скоро соскучившись, потихоньку выучился писать всю азбуку, срисовывая слова съ печатныхъ книгъ. Между тѣмъ срокъ отпуска дядей кончился, и, уѣзжая, Сергѣй Николаевичъ, особенно хлопотавшій о хорошемъ почеркѣ, уговорилъ отца взять къ сыну учителя изъ народнаго училища.

«Учитель Матвѣй Васильевичъ,—разсказываетъ Аксаковъ, — былъ человѣкъ очень тихій и добрый; онъ писалъ прописи не хуже печатныхъ и принялся учить меня точно также, какъ училъ дядя. Не видя конца палочкамъ съ усами и безъ усовъ, кривымъ чертамъ и оникамъ, я скучалъ и лѣнился, а потому, чтобъ мнѣ было охотнѣе заниматься, посадили Андрюшу, сына одной бѣдной женщины, дальней родственницы матери, писать вмѣстѣ со мною».

Средство это отчасти помогло: ребенокъ началъ заниматься охотнѣе и скоро догналъ товарища. Отношеніе учителя къ ученикамъ было неодинаково; за одни и тѣ же успѣхи въ тетрадяхъ ихъ стояли различныя отмѣтки, и у барченка, конечно, лучшія, чѣмъ у бѣднаго родственника. Наблюдательный ребенокъ замѣтилъ это тотчасъ же и сталъ разсуждать: отчего такъ поступаетъ ихъ добрый учитель? и рѣшилъ по своему: «вѣрно онъ меня больше любитъ, подумалъ я, и, конечно, за то, что у меня оба глаза здоровы, а у бѣднаго Андрюши одинъ глазъ выпятился отъ бѣльма и похожъ на какую-то бѣлую пуговицу». Всѣ свои наблюденія и разсужденія ребенокъ сообщилъ родителямъ, и учи-

телю, очевидно, было сдѣлано внушеніе, такъ какъ послѣ того отмѣтки на тетрадяхъ стали появляться одинаковыя, хотя обращался учитель по прежнему съ Сережей лучше, чѣмъ съ Андрюшей.

«Я и теперь не могу понять, — разсказываетъ дальше Сергѣй Тимоѳеевичъ — какія причины заставили мою мать послать меня одинъ разъ въ народное училище вмѣстѣ съ Андрюшей. Вѣроятно, это былъ чей-нибудь совѣтъ. Какъ ни была умна моя мать, но, по ея недостаточному образованію, не могла ей войти въ голову, дикая тогда, мысль посылать сына въ народное училище. Въ одинъ, очень памятный для меня, день отвезли насъ съ Андрюшей въ саняхъ, подъ надзоромъ Евсеича, въ народное училище, находившееся на другомъ краю города и помѣщавшееся въ небольшомъ деревянномъ домишкѣ. Евсеичъ отдалъ насъ съ рукъ на руки Матвѣю Васильевичу, который взялъ меня за руку и ввелъ въ большую неопрятную комнату, изъ которой несся шумъ и крикъ, мгновенно утихнувшій при нашемъ появленіи». Ряды скамеекъ, черная классная доска, мальчики разныхъ возрастовъ, бѣдно одѣтые, окрики учителя на нерадивыхъ учениковъ, группа мальчиковъ, стоявшихъ за доской на колѣняхъ, но, повидимому, ни чуть не огорченныхъ этимъ наказаніемъ, — все это ребенокъ видѣлъ и слышалъ въ первый разъ и сидѣлъ, какъ говорится, ни живъ, ни мертвъ, пораженный всѣмъ происходящимъ передъ нимъ. Шелъ урокъ ариѳметики; незнающимъ ученикамъ учитель пригрозилъ розгами, а знающихъ — хвалилъ, но и самыя похвалы сопровождались бранными словами, возбуждавшими въ ученикахъ смѣхъ, который вдругъ вырывался и вдругъ утихалъ. «Задавъ урокъ, Матвѣй Васильевичъ позвалъ сторожей; пришли трое, вооруженные пучками прутьевъ, и принялись сѣчь мальчиковъ, стоявшихъ на колѣняхъ. При самомъ началѣ этого страшнаго и отвратительнаго для меня зрѣлища, я зажмурился и заткнулъ пальцами уши. Первымъ моимъ движеніемъ было убѣ-

жать, но я дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не смѣлъ пошевелиться. Когда утихли крики и звѣрскія восклицанія учителя, долетавшія до моего слуха, не смотря на заткнутыя пальцами уши, я открылъ глаза и увидѣлъ живую и шумную около меня суматоху; забирая свои вещи, всѣ мальчики выбѣгали изъ класса, и вмѣстѣ съ ними наказанные, такъ же веселые и рѣзвые, какъ и другіе. Матвѣй Васильевичъ подошелъ ко мнѣ съ обыкновеннымъ ласковымъ видомъ, взялъ меня за руку и прежнимъ тихимъ голосомъ просилъ засвидѣтельствовать «его нижайшее почтеніе батюшкѣ и матушкѣ». «Онъ вывелъ меня изъ опустѣвшаго класса и отдалъ Евсеичу, который проворно укуталъ меня въ шубу и посадилъ въ сани, гдѣ уже сидѣлъ Андрюша.» «Что, понравилось ли вамъ училище?» спросилъ онъ, заглядывая мнѣ въ лицо, и, не получая отвѣта, прибавилъ: «никакъ напугались? У насъ это всякій день....»

Видѣнное въ училищѣ произвело на мальчика впечатлѣніе потрясающее, выразившееся сначала безмолвнымъ волненіемъ и слезами, а потомъ изступленнымъ гнѣвомъ на Матвѣя Васильевича, поступки котораго показались ребенку злодѣйскими, какимъ то разбоемъ на большой дорогѣ, за что слѣдовало-бы учителя казнить, какъ преступника. Но мать, вѣроятно, и не знавшая хорошенько, что дѣлается въ народномъ училищѣ, постаралась успокоить сына, объяснивъ, что «подобные поступки учителя не только дозволяются, но и требуются, какъ исполненіе должности; что сами родители высѣченныхъ мальчиковъ благодарятъ учителя за строгость, а мальчики будутъ благодарить современемъ; что Матвѣй Васильевичъ могъ браниться, звѣрскимъ образомъ сѣчь своихъ учениковъ, — и оставаться въ тоже время честнымъ, добрымъ и тихимъ человѣкомъ». Какъ ни убѣдительно наставляла сына мать, но трудно было помириться дѣтскому уму и чувству съ житейской философіей, которой первый урокъ слишкомъ рано получилъ ре-

бенокъ отъ своей-же матери, и онъ возъимѣлъ къ учителю такое отвращеніе, что черезъ мѣсяцъ должны были ему отказать. А такъ какъ во всемъ городѣ другого учителя не отъискалось, то обязанности Матвѣя Васильевича приняли на себя сами родители, наблюдавшіе больше всего за тѣмъ, чтобъ ученикъ писалъ «какъ можно болѣе похоже на прописи.» Учился мальчикъ уже одинъ, только иногда вмѣстѣ съ Андрюшей; но товарищество бѣднаго мальчика не нравилось матери, и скоро Андрюша былъ удаленъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ наѣзжавшихъ по временамъ въ гости дѣтей изъ мѣстной аристократіи, все дѣтское общество Аксакова представляла одна нѣжно любимая имъ сестрица. Такое отчужденіе отъ дѣтскаго общества необходимо должно было отразиться на характерѣ ребенка. «Во все время моего дѣтства,—разсказываетъ Аксаковъ, и въ первые годы отрочества замѣтно было во мнѣ странное свойство: я не дружился съ своими сверстниками и тяготился ихъ присутствіемъ даже тогда, когда оно не мѣшало моимъ охотничьимъ увлеченіямъ. Это свойство называли во мнѣ нелюдимствомъ, дикостью и робостью; говорили, что я боюсь чужихъ. Мнѣ всегда были очень досадны такія обвиненія и, конечно, они умножили мою природную застѣнчивость. Это свойство не могло происходить изъ моей природы, весьма сообщительной и слишкомъ откровенной, какъ оказалось въ юношескихъ годахъ; это происходило, вѣроятно, отъ долговременной болѣзни, съ которою неразлучно отчужденіе и уединеніе, заставляющія сосредоточиваться и малое дитя, заставляющія его уходить въ глубину внутренняго своего міра, которымъ трудно дѣлиться съ посторонними людьми. Еще болѣе оно происходило отъ постояннаго, часто исключительнаго сообщества матери и постояннаго чтенія книгъ. Голова моя была старше моихъ лѣтъ, и общество однолѣтнихъ со мною дѣтей не удовлетворяло меня, а для старшихъ я былъ самъ молодъ».

Но вотъ, возвратясь послѣ двухмѣсячной жизни въ деревнѣ Сергѣевкѣ, куда мать ѣздила лечиться кумысомъ, опять въ Уфу, мальчикъ уже сталъ скучать занятіями, игрушками, собачкой, чистописаніемъ, даже книгами, уже давно прочитанными; онъ, видимо, становился старше, и умъ требовалъ пищи. Аничковъ, не переставшій интересоваться ребенкомъ, опять подарилъ ему на этотъ разъ уже такую кучу книгъ, которую Евсеичъ едва могъ донести. Въ числѣ этихъ книгъ были: Древняя Вивліоѳика, Россіада Хераскова и полное собраніе въ двѣнадцати томахъ сочиненій Сумарокова. Вавліоѳика была отложена; но вирши Сумарокова, и особенно Россіаду, ребенокъ читалъ съ жадностью и восторженнымъ увлеченіемъ, декламируя ихъ на распѣвъ восхищеннымъ родителямъ и гостямъ. Стихи-же изъ Россіады:

Злодѣи скоро-бы вломиться въ станъ могли,
Когда-бъ не прекратилъ сію кроваву сѣчу
Князь Курбскій съ Галицкимъ врагамъ текущи встрѣчу, —

съ особымъ паѳосомъ произносимые шестилѣтнимъ ребенкомъ вызвали такую похвалу декламатору со стороны Аничкова, что онъ тутъ же обѣщалъ подарить ему Ломоносова.

Чтеніе этой Россіады вслухъ матери сдѣлалось самымъ любимымъ занятіемъ Аксакова. Не раннимъ-ли знакомствомъ съ этими напыщенными, не поэтическими, писателями объясняется въ Аксаковѣ въ молодости дурной литературный вкусъ, который впослѣдствіи заставилъ его, уже юношу, восхищаться виршами старѣющаго Державина, Шишкова и даже бездарнѣйшаго стихоплета Николева, и просмотрѣть то новое, болѣе живое, направленіе нашей литературы, которое выразилось въ Карамзинѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ и Пушкинѣ?

Вскорѣ къ писанію прописей, чтенію этихъ книгъ, даже до Вивліоѳики включительно, присоединились еще занятія, съ родителями же, ариѳметикой; но понималъ её мальчикъ какъ то тупо и

учился ей неохотно. Неожиданная предсмертная болѣзнь дѣдушки прекратила науку, и вся семья поѣхала въ Аксаково. А по возвращеніи въ Уфу, по смерти старика, заниматься съ Сережей было некому, такъ какъ у матери вскорѣ опять родился ребенокъ, и послѣ очень тяжелыхъ родовъ поправлялась она медленно. Мальчикъ былъ при больной матери неотлучно и читалъ ей вслухъ для развлеченія, а иногда и для ея усыпленія. Книги для развлеченія получались отъ Аничкова, а для усыпленія употреблялись прежнія дѣтскія книжки, также Херасковъ и Сумароковъ. Изъ книгъ-же для развлеченія Аксаковъ припомнилъ только одну пятнадцатитомную «*Жизнь англійскаго философа Клевеленда.*»

По выздоровленіи матери, отецъ вышелъ въ отставку, и семья переѣхала уже на постоянное житье въ Аксаково. Въ деревнѣ также нашелся благодѣтель по части книжной пищи. Нѣкто П. И. Чичаговъ, хорошій знакомый матери, далъ мальчику почитать сказки *Тысяча и одна ночь*, приведшія послѣдняго въ такое восхищеніе, что добрый человѣкъ подарилъ ему оба тома, составлявшіе все его книжное достояніе. Въ барскомъ домѣ двоюродной бабушки Аксакова, богатой вдовы Надежды Ивановны Куроѣдовой, въ Чурасовѣ, куда, будущіе ея наслѣдники, Аксаковы, пріѣхали погостить, нашлась изрядная библіотека. Книги выбирала мать, и первыя, прочитанныя мальчикомъ съ величайшимъ наслажденіемъ, были: того же Хераскова *Кадмъ и Гармонія* и *Полидоръ, сынъ Кадма и Гармоніи*, причемъ, какъ замѣчаетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, напыщенный языкъ этой мѣрной прозы казался ему настоящимъ «совершенствомъ». Затѣмъ послѣдовали *Арфаксадъ, халдейская повѣсть, Нума или процвѣтающій Римъ*, тоже Хераскова, и много другихъ книгъ въ томъ же родѣ. Заглядывалъ ребенокъ и въ запрещенные матерью романы, напр. *Алкивіадъ*, *Графъ Вельмонтъ или заблужденія разсудка* и *Достопамятная жизнь Клариссы Гарловъ*, отрывки

изъ коихъ западали ему въ душу. Наконецъ, тутъ же попались ему и «*Мои бездѣлки*» Карамзина и Карамзинскій же сборникъ стиховъ *Аониды*. Видѣлъ мальчикъ, что стихи эти уже совсѣмъ не то, что Сумарокова или Хераскова; чувствовалъ разницу, хотя содержаніе и не удовлетворяло. Часто задумывался ребенокъ, тѣмъ болѣе, что для думанья свободнаго времени было довольно; возникало въ дѣтской головкѣ вопросовъ много, но разрѣшить ихъ было некому, и онъ шелъ къ Евсеичу, а тотъ, не понимая, конечно, о чемъ болтаетъ мальчикъ и чего ему надо, говорилъ: «Да что это, соколикъ, тебѣ узнавать: отчего да почему, да на что?—такъ Богу угодно; вотъ и все». Такъ все больше и больше заключался даровитый ребенокъ въ своемъ собственномъ духовномъ міркѣ неудовлетворенныхъ вопросовъ и причудливыхъ фантазій, и что тамъ творилось въ этомъ міркѣ, не зналъ и не хотѣлъ знать никто.

Вернулись Аксаковы изъ гостей домой, въ дѣдушкину деревню, и литературныя наклонности Сережи поддерживалъ тотъ же Чичаговъ, иногда съ нимъ разговаривавшій. Восторженная декламація мальчика, подражавшаго дядямъ Зубовымъ, очень его забавляла, и своимъ каррикатурнымъ передразниваньемъ тогдашнихъ московскихъ трагиковъ, Чичаговъ, по словамъ Аксакова, не мало способствовалъ упрощенію его чтенія. Вмѣстѣ съ особенной страстью къ чтенію, рано развилась у Аксакова охота къ собиранію цвѣтовъ, травъ, червяковъ, букашекъ, бабочекъ, къ наблюденію за гнѣздами птичекъ и, вообще, къ натуральной исторіи, къ чему, по его собственнымъ словамъ, побудило его то же Новиковское «Дѣтское чтеніе». Но и здѣсь руководителей, конечно, не было, и единственной вѣрной помощницей и подругой ребенка въ этихъ натуралистическихъ упражненіямъ была его маленькая сестрица.

Новая поѣздка въ деревню къ двоюродной бабушкѣ Куроѣдовой пробуждаетъ въ мальчикѣ мно-

жество новыхъ, еще не испытанныхъ впечатлѣній и вопросовъ, которые такъ и остаются неудовлетворенными. На пути туда Аксаковы попадаютъ къ чудаку-богачу помѣщику Дурасову, зазвавшему къ себѣ семью откушать, чтобъ похвастаться своими барскими затѣями. Не видавшій до сихъ поръ ничего, кромѣ Уфы да деревень съ усадьбами степняковъ-помѣщиковъ, мальчикъ поражается и каретой четверней съ форейторомъ и двумя лакеями, присланною хозяиномъ за Аксаковыми, и барскими хоромами съ колоннадами, флигелями и башнями, напоминавшими Сережѣ описанія рыцарскихъ замковъ и загородныхъ дворцовъ англійскихъ лордовъ, и солнечными часами, и цвѣтникомъ, и статуями, и убранствомъ комнатъ. Но всего болѣе поражаетъ ребенка доморощенный оркестръ, игравшій во время обѣда, и крѣпостныя пѣвицы, пѣвшія на сценѣ по нотамъ. Долго приставалъ мальчикъ къ родителямъ, особенно къ матери, съ разспросами обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, и, наконецъ, такъ матери надоѣлъ, что та велѣла ему болѣе о Никольскомъ (село Дурасова) не разспрашивать. Сережа все-таки не успокоился и присталъ къ отцу, но такъ и остались неразрѣшенными вопросы: «отчего вода изъ фонтана била вверхъ, отчего солнечные часы показываютъ время, какъ они устроены, и что такое значитъ возвышеніе, на которомъ сидѣли музыканты?» Получилъ мальчикъ отъ матери еще и добрую гонку за то, что въ дѣтской наивности отвѣтилъ за столомъ на поклонъ крѣпостныхъ музыкантовъ со сцены и смотрѣлъ въ ротъ пѣвицамъ. «Ты былъ точно крестьянскій мальчикъ,—говорила она, — который сроду ничего не видывалъ, кромѣ своей избы, и котораго привели въ господскій домъ».— «Я отвѣтилъ, — продолжаетъ Аксаковъ, — что точно сроду ничего подобнаго не видывалъ и потому былъ такъ удивленъ; но мать возразила, что «не надобно показывать своего удивленія», а я спросилъ, для чего не надобно его показывать?— Для того, что это было смѣшно, а мнѣ стыдно за

тебя, сказала мать. У меня вертѣлось на умѣ и на языкѣ новое возраженіе въ видѣ вопроса, но, замѣтивъ, что мать сердится, я замолчалъ».

Въ деревнѣ у Куроѣдовой мальчикъ сталъ читать теперь уже съ большею свободою, чѣмъ прежде, и прочелъ цѣликомъ нѣсколько романовъ, а именно: *Векфильдскаго священника, Герберта или прощай богатство,* но всего болѣе понравилась ему своею таинственностью *Желѣзная маска.*

Если ко всѣмъ этимъ, указаннымъ самимъ Аксаковымъ, книгамъ, присоединить еще два романа: какой-то *Франчичико Петроччіо* и *Приключенія Бенделя*, которые какъ глупымъ содержаніемъ, такъ и нелѣпымъ безграмотнымъ переводомъ возбуждали такой сильный смѣхъ, что «всѣ слушатели (въ числѣ ихъ были отецъ и мать), — по выраженію писателя, — буквально валялись отъ хохота», — вотъ и весь книжный капиталъ этого необыкновенно впечатлительнаго маленькаго чтеца, такъ жадно стремившагося къ удовлетворенію своихъ литературныхъ потребностей.

Впрочемъ, не мало перечиталъ и переслушалъ мальчикъ и еще всякаго раздирательнаго, сентиментальнаго, потѣшнаго и напыщеннаго вздора, въ изобиліи представляемаго тогдашнею русской переводной и оригинальной литературой. Семейныя чтенія у Аксаковыхъ особенно въ деревнѣ, въ долгіе осенніе и зимніе вечера, происходили часто. Читалъ то самъ мальчикъ, пріобрѣтшій практикой мало по малу хорошую дикцію, иногда мать, читавшая необыкновенно хорошо, и отецъ, хотя и не пріученный къ чтенію смолоду (у дѣдушки водились только календари, да какія то печатныя брошюрки «о Гарлемскихъ капляхъ и Элексирѣ долгой жизни»), но имѣвшій къ нему природную склонность, чему доказательствомъ служитъ огромное собраніе пѣсенъ и разныхъ тогдашнихъ стишковъ, переписанныхъ съ печатнаго его собственной рукой.»

Такъ то безъ всякаго, сколько нибудь разумно направленнаго воспитанія, въ наивной простотѣ

патріархальной помѣщичьей семьи, въ ласкѣ и холѣ, выучившись только читать и писать, доросъ до девятаго года этотъ мальчикъ, рано обнаруживъ рѣдкую даровитость, къ сожалѣнію, какъ мы увидимъ потомъ, не нашедшую себѣ хорошихъ руководителей и въ Гимназіи и въ Университетѣ.

Но если и семья, и общество, которое мальчикъ видѣлъ, и книги представляли условія, далеко не соотвѣтствовавшія требованіямъ такой даровитой, правдивой и сердечной натуры, то великой и въ высшей степени благотворной въ воспитательномъ отношеніи оказалась для мальчика природа. Еще въ первые, едва памятные годы дѣтства, онъ уже засматривается картинками съ изображеніями животныхъ и растеній; другомъ его становится собачка Сурка, а первый въ жизни выѣздъ изъ города на приволье степи, съ рѣкой Демой, первая видѣнная имъ рыбная ловля, въ которой принимаетъ маленькое участіе и онъ самъ, поля, полныя хлѣба, крестьянскія работы—все это производитъ на ребенка самое живое, освѣжающее впечатлѣніе. Надобно читать всѣ эти описанія поѣздокъ въ разныя деревни и въ разныя времена года, дорогъ, уженья, охотъ, собираніе грибовъ, прогулокъ,—описанія, составленныя Аксаковымъ уже въ старости въ книгѣ *Дѣтскіе годы*, чтобъ понять, какой важный элементъ въ его дѣтствѣ составляла природа, съ которой онъ, можно сказать, «дышалъ одною жизнью.» И какъ ни была противъ всѣхъ деревенскихъ прогулокъ и всякаго рода охотъ мать, онъ все таки, благодаря уступкамъ ея въ этомъ отношеніи, отцу и Евсеичу, которому мать довѣряла ребенка, отвоевалъ себѣ нѣкоторую свободу и могъ предаваться любимымъ занятіямъ на вольномъ деревенскомъ воздухѣ. Не говоря уже о томъ, сколько разнообразнаго и живаго матеріалу давали всѣ эти незатѣйливыя экскурсіи для пытливой наблюдательности ребенка и для написанныхъ имъ впослѣдствіи чудныхъ книгъ, природа же развила въ немъ здоровое эстетическое чувство, котораго не могли

дать плохія книги, полныя напыщенной искусственности, освѣжала и регулировала его черезъ-чуръ сильную и болѣзненную фантазію, подогрѣтую чтеніемъ, выводя ребенка изъ затхлой домашней и книжной атмосферы на просторъ полей, водъ и лѣсовъ, въ любопытную жизнь всякой живой твари, рыбы, птицы, бабочки, звѣря, которыхъ всѣхъ выучился онъ любить. Эта природа, вѣчно прекрасная въ своей простотѣ, красотѣ, строгой законченности своихъ явленій, была для Аксакова спасительнымъ противовѣсомъ всему домашнему баловству, изнѣженности, барству, этой, якобы необходимой для практической жизни, лжи, которой учили его собственные родители,—словомъ, всей той пошлости, мелочности, меркантильности, чванства, которыя видѣлъ ребенокъ въ своемъ деревенскомъ домѣ. Природа давала мальчику разумное и здоровое пользованіе досугомъ; была, можно сказать, до самой Гимназіи его единственнымъ добрымъ учителемъ и воспитателемъ, давъ ему то, чего такъ часто бываютъ лишены наши дѣти: близкое знакомство съ ея разнообразными явленіями и формами, интересъ къ ней и любовь. Эти прогулки и охоты не мало способствовали и раннему знакомству Аксакова съ полевыми и другими крестьянскими работами, и не только уберегли его, не смотря на все противодѣйствіе матери сближенію съ народомъ, отъ чувства брезгливой барской гадливости къ мужику, но рано заронили въ дѣтскую душу симпатію къ простому русскому человѣку, незамѣтно выучивъ мальчика настоящему чистому русскому языку, необыкновенное знаніе богатствъ котораго писатель такъ блестяще обнаружилъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ.

V.

Зимой 1799, когда мальчику исполнилось уже восемь лѣтъ, Аксаковы пріѣхали съ сыномъ въ Казань. Одинъ изъ ихъ уфимскихъ знакомыхъ, М. Д. Княжевичъ, переведенный прокуроромъ въ Казань, добрѣйшій и неглупый человѣкъ, у котораго оба старшіе сына учились въ Казанской гимназіи, посовѣтовалъ Аксаковымъ отдать туда же и своего Сережу. «Особенно совѣтую, говорилъ онъ его отцу,—это потому, что онъ, кажется, матушкинъ сынокъ: она его избалуетъ, разнѣжитъ и сдѣлаетъ бабой. Мальчика пора учить: въ Уфѣ никакихъ учителей не было, кромѣ Матвѣя Васильевича въ народномъ училищѣ, да и тотъ ничего не смыслилъ; а теперь переѣхали вы на житье въ деревню, гдѣ и Матвѣя Васильевича не достанешь». Отецъ безусловно съ этимъ согласился, но мать, пораженная одной мыслью о разлукѣ съ своимъ сокровищемъ, поблѣднѣла и встревоженнымъ голосомъ стала говорить, что сынъ еще малъ, слабъ здоровьемъ и такъ къ ней привязанъ, что она не можетъ вдругъ на это рѣшиться. Вечеромъ она разрыдалась вмѣстѣ съ сыномъ, долго не давая спать отцу, и наконецъ успокоила себя и ребенка твердымъ рѣшеніемъ не разставаться съ нимъ ни за что. Такъ, на этотъ разъ, намѣреніе отдать сына въ науку было отложено, и Аксаковы вернулись въ деревню. Опять потянулась для мальчика блаженная жизнь въ миломъ Аксаковѣ; опять пошло чтеніе вслухъ все того-же *Дѣтскаго чтенія для сердца и разума*, или даже *Ипокрены или утѣхи любословія*, конечно, также не въ первый разъ, но всегда съ новымъ удовольствіемъ; опять сталъ онъ декламировать дубоватые монологи изъ сумароковскихъ трагедій,—словомъ, все тоже, что и прежде.

Но прошло лѣто 1799 г., и осенью мать понемногу стала склоняться къ мысли о необходимости

разлуки съ сыномъ ради ученья. Мальчикъ увидѣлъ, что не уйти уже ему теперь отъ науки и страшно заскучалъ. Стали родители сами, какъ умѣли, подготавливать сынка къ школьному ученію. Отецъ еще въ Уфѣ захотѣлъ было прежде всего передать ему всю свою ученость по математикѣ, т. е. первыя четыре ариѳметическія правила, но сынъ тогда учился такъ непонятливо и лѣниво, что ученіе было брошено. Тутъ дѣло пошло иначе, и правила были выучены въ два мѣсяца; что же касается «каллиграфіи», то въ списываньи прописей мальчикъ достигъ даже возможнаго совершенства. Между тѣмъ близость неотвратимой разлуки съ этимъ ненаглядным, слабымъ и изнѣженнымъ дитятею страшно истомила мать, старавшуюся всячески казаться бодрой и веселой. Самолюбивое опасеніе за ребенка, чтобы онъ не остался неучемъ, сломило ее, и она рѣшилась отдать его по девятому году на казенное содержаніе, за четыреста верстъ, потому что другихъ средствъ доставить сыну образованіе не было.

Списавшись предварительно съ Княжевичемъ, Аксаковы съ сыномъ и старшей дочерью въ Декабрѣ того же года пріѣхали въ Казань и, перезнакомившись черезъ того же Княжевича со всѣми лицами начальственнаго и учебнаго гимназическаго персонала, съ коими надобно было имѣть дѣло, подали черезъ двѣ недѣли прошеніе директору Пекену.

Совѣтъ гимназіи предложилъ главному надзирателю и вмѣстѣ инспектору, Николаю Ивановичу Камашеву, проэкзаменовать мальчика, а доктору Бенису освидѣтельствовать его со стороны медицинской. Но Камашевъ находился въ отпуску, и должность главнаго надзирателя исправлялъ добрѣйшій и ласковый человѣкъ, надзиратель «благонравной» комнаты, Василій Петровичъ Упадышевскій, а должность инспектора Левъ Семеновичъ Левитскій. Поѣхавъ подавать просьбу, отецъ взялъ съ собой и сына, и директоръ обласкалъ мальчика. Левитскій былъ боленъ, и отецъ повезъ сына къ

нему на домъ. Тотъ очаровалъ обоихъ: началъ съ того, что мальчика разласкалъ и расцѣловалъ, далъ прочитать прозу Карамзина и стихи Дмитріева—и пришелъ въ восхищеніе, найдя, что прочтено съ чувствомъ и пониманіемъ; заставилъ что то написать—опять пришелъ въ восхищеніе. Ариѳметика также прошла отлично; но Левитскій, какъ истый словесникъ, тутъ же отозвался о математикѣ съ пренебреженіемъ. Словомъ, экзаменъ былъ такъ удаченъ, что экзаменаторъ выразилъ свое удивленіе по поводу того, какъ могъ такъ хорошо приготовиться мальчикъ такихъ лѣтъ, да еще въ деревнѣ, а, узнавъ, что, главнымъ образомъ, его готовила мать, дочь важнаго чиновника и большая охотница до книгъ и стиховъ, изрекъ: «А, теперь понимаю, отчего печать благонравія и даже изящества лежитъ на этомъ миломъ мальчикѣ:—это плодъ женскаго воспитанія, плодъ трудовъ образованной матери!» Докторскій осмотръ тоже прошелъ благополучно, но мать сама съѣздила потомъ къ докторшѣ съ визитомъ, чтобъ познакомиться и съ докторомъ, и тотъ далъ Марьѣ Николаевнѣ обѣщаніе, въ случаѣ малѣйшаго нездоровья ребенка, оказать всѣ медицинскія пособія. Познакомились родители и съ Упадышевскимъ, вдовцемъ, у котораго двое сыновей также учились въ гимназіи. Добрый старикъ, въ первый же визитъ къ Аксаковымъ, такъ полюбилъ мать Сергѣя Тимоѳеевича, что далъ ей честное слово: во-первыхъ—черезъ недѣлю перевести мальчика въ свою благонравную комнату; во-вторыхъ, смотрѣть за нимъ больше, чѣмъ даже за своими родными сыновьями. «Этотъ человѣкъ сдѣлался впослѣдствіи, говоритъ Сергѣй Тимоѳеевичъ,—истиннымъ ангеломъ хранителемъ моимъ и моей матери, и я не знаю, что было бы съ нами безъ этого благодѣтельнаго старца».

Наконецъ всѣ формальности были выполнены, и мальчика приняли на казенное содержаніе: сняли съ него мѣрку и сшили зеленый мундиръ съ краснымъ воротникомъ. Поѣхали въ соборъ, отслужили

молебенъ Казанскимъ чудотворцамъ—Гурію, Варсонофію и Герману, а изъ церкви родители отвезли сына прямо въ гимназію и отдали съ рукъ на руки Упадышевскому. Туда же поступилъ на должность комнатнаго служителя и Евсеичъ. Такъ какъ въ то время, какъ привезли мальчика, ученики были въ классахъ на верху, то мать даже могла пройти въ спальню и осмотрѣть кровать, на которой будетъ спать ея сынъ. Прощаніе, разумѣется, сопровождалось слезами и благословеніями, но особеннаго ничего не случилось. Какъ только уѣхали родители, Упадышевскій за руку свелъ новичка въ классъ чистописанія, рекомендовавъ его учителю, какъ мальчика самаго благонравнаго, и просилъ имъ заняться. Посадили Аксакова за отдѣльный столъ съ другими новичками и велѣли выписывать палочки. Онъ былъ какъ во снѣ и пока не чувствовалъ еще ни страха, ни тоски. Послѣ обѣда, котораго онъ не ѣлъ, надѣли на него форменную куртку, повязали суконный галстухъ, остригли подъ гребенку волосы, поставили во фрунтъ по ранжиру и сейчасъ же выучили ходить въ ногу. Ребенокъ исполнялъ все машинально и, повидимому, крѣпился. Но вотъ вызвали его въ пріемную къ родителямъ, и мать, въ первую минуту не узнавшая сына, всплеснула руками, ахнула и упала безъ чувствъ. Мальчикъ закричалъ, какъ изступленный, и тоже упалъ у ея ногъ. Приведенная въ себя, она уѣхала на квартиру вмѣстѣ съ сыномъ и черезъ нѣсколько дней уѣхала съ мужемъ домой въ деревню, тайкомъ отъ сына, которому оставила записку; но, не будучи въ силахъ сразу разстаться съ любимымъ ребенкомъ, еще разъ одна воротилась съ дороги, отъѣхавъ отъ Казани уже 90 верстъ и, проведя съ сыномъ вечеръ и ночь въ слезахъ и разговорахъ, окончательно отправилась въ деревню. Эти долгія прощанія страшно разстраивали мальчика. Казенные порядки въ гимназіи, даже въ то суровое время, повидимому, не особенно строгіе, были мальчику противны, а полное одиночество, такъ какъ онъ

ни съ кѣмъ изъ товарищей сойтись не могъ, усугубляло и безъ того угнетенное состояніе духа ребенка, тѣмъ болѣе, что товарищи смѣялись надъ новичкомъ, называя его нелюдимомъ, нѣженкой, недотрогой, «матушкинымъ сынкомъ». Но за ученье Аксаковъ принялся съ жаромъ и, при быстрой способности пониманія и хорошей памяти, черезъ мѣсяцъ не только перегналъ и оставилъ позади всѣхъ новенькихъ, но и у всѣхъ учителей сѣлъ на первый столъ вмѣстѣ съ лучшими воспитанниками. Это обстоятельство еще болѣе усилило нерасположеніе къ мальчику и тѣхъ, кого онъ обогналъ, и тѣхъ, съ кѣмъ сравнялся. Впрочемъ, гимназическая наука, въ то время, повидимому, большаго напряженія ума отъ ребенка, особенно такого способнаго, какъ Аксаковъ, и не требовала. По крайней мѣрѣ, онъ говоритъ самъ, что уроки задавались весьма небольшіе, и, догнавъ товарищей, онъ часто выучивалъ заданное, не выходя изъ класса.

Какъ ни скучалъ мальчикъ по дому, и какъ ни тяжело было его положеніе между товарищами, но, благодаря возившемуся съ нимъ постоянно Упадышевскому, всячески старавшемуся своимъ участіемъ его развлечь, жизнь въ гимназіи кое какъ тянулась, и Аксаковъ, можетъ быть, понемногу и освоился бы съ новымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что впереди были вожделѣнные каникулы; но возвращеніе изъ отпуска главнаго надзирателя, Николая Ивановича Камашева, стало для мальчика роковымъ.

Человѣкъ твердый, строгій, дѣйствовавшій съ непреклонною волею, но вмѣстѣ холодный, онъ ставилъ долгъ и порядокъ выше всего и, узнавъ о всякихъ послабленіяхъ, дѣлаемыхъ для Аксакова Упадышевскимъ, страшно разсердился и едва не попросилъ бѣднаго педагога оставить службу. Ребенка же онъ не взлюбилъ и даже вызвалъ его въ залѣ изъ фронта, публично сказавъ, что дурно быть избалованнымъ мальчикомъ, и что особенно не хорошо пользоваться пристрастнымъ расположеніемъ начальства. Чувство оскорбленной дѣтской

гордости, заставившее ребенка опустить глаза передъ Камашевымъ, требовавшимъ, чтобъ тотъ смотрѣлъ на него прямо, еще болѣе раздражило педагога, и послѣдній сталъ строго слѣдить за мальчикомъ, а надзирателямъ приказывалъ, чтобы заставляли его играть вмѣстѣ съ воспитанниками, такъ какъ онъ, Камашевъ, «тихоней» и «особняковъ» не любитъ. Мало того,—Камашевъ, узнавъ, что, вопреки правилу заведенія, переписка учениковъ съ родителями предварительно не просматривается, потребовалъ отъ Упадышевскаго, чтобы всѣ письма восьмилѣтняго Аксакова показывались ему, Камашеву. Упадышевскій, повидимому, съ Камашевымъ не ладившій, сталъ прямо на сторону мальчика, и, какъ бы для его пользы, началъ учить его лжи. Такъ, онъ часто твердилъ ему, чтобъ онъ всегда смотрѣлъ Николаю Ивановичу въ глаза и ничего не возражалъ на всѣ его замѣчанія и выговоры; что же касается до писемъ домой, то предпринялъ такую мѣру: всякій разъ ребенокъ писалъ два письма: одно оффиціальное, которое показывалось Камашеву, а другое откровенное, и оба вмѣстѣ въ одномъ конвертѣ носилъ на почту Евсеичъ. Разумѣется, Упадышевскій сейчасъ же написалъ матери, отчего это дѣлается, и мать оцѣнила вполнѣ доброту педагога и съ своей стороны написала ему письмо съ горячею материнскою благодарностью. Такимъ образомъ, и мать, и педагогъ, изъ любви къ ребенку, въ великой наивности своей, явились его наставниками въ хитрой наукѣ практической жизни.

Прошло уже полтора мѣсяца какъ Аксаковъ поступилъ въ гимназію, но привыкнуть къ ней онъ все еще не могъ. Все больше и больше онъ задумывался и грустилъ; потомъ грусть превратилась въ періодическую тоску и, наконецъ, перешла въ тяжелую болѣзнь, заставившую взять мальчика домой. Много было причинъ, вызвавшихъ такой оборотъ дѣла. Легко усвоивая уроки, мальчикъ ничѣмъ не былъ занятъ, не только во все время сво-

бодное отъ ученья, но даже во время классовъ, гдѣ, кажется, производилось только спрашиванье да задаванье уроковъ. И вотъ, умственная дѣятельность ребенка, потерявъ существенную пищу, вся обратилась на безпрестанное размышленіе и разсматриваніе своего настоящаго положенія, на безпрестанное воображеніе, что-то дѣлается въ его семействѣ, какъ тоскуетъ несчастная маменька, какъ хорошо было дома и т. п. Гимназія съ этими «негодными мальчишками - товарищами», чуждавшимися «недотроги» или приставшими къ нему, опротивѣла окончательно, и особенно Камашевъ, денно и нощно безпрестанно посѣщавшій гимназію, за которой онъ смотрѣлъ съ педантической строгостью. Этотъ Камашевъ представлялся ребенку настоящимъ тираномъ, извергомъ, злымъ духомъ, котораго страшный образъ всюду преслѣдовалъ воображеніе. Врожденное чувство правдивости наконецъ подсказало умному мальчику, какой обманъ представляютъ эти тайныя письма, и чѣмъ рискуетъ здѣсь его добрѣйшій нянька-педагогъ, и письма ребенка къ матери стали короче, осторожнѣе и сдѣлались крайне тяжелы для дѣтской совѣсти. А тутъ подходила весна: свѣтлѣй засвѣтило солнце, побѣжали ручьи, и нервы ребенка, такъ страстно любившаго природу, не выдержали. Стала нападать на мальчика истерическая тоска со слезами и рыданьями и даже обмороками и судорожными движеніями; сталъ онъ по ночамъ бродить по заведенію, наконецъ, даже упалъ безъ чувствъ въ классѣ; стали появляться галлюцинаціи изъ обрывковъ воспоминаній о домашней жизни... Пришлось уложить мальчика въ больницу, и какой-то грамотный дядька написалъ, по просьбѣ Евсеича, письмо къ матери, гдѣ безъ всякой осторожности, и даже несправедливо, извѣщалось, что молодой баринъ боленъ падучею болѣзнью, и что отдали его въ больницу.

Какъ громомъ поразило письмо родителей Аксакова. Въ страшную распутицу, одна, съ Парашей и ея мужемъ, поѣхала мать, въ простыхъ крестьян-

скихъ саняхъ, и, съ опасностью жизни, геройски переправившись пѣшкомъ по рыхлому льду черезъ начавшую уже расходиться Каму, явилась въ Казань, и, не смотря на противодѣйствіе Камашева, черезъ директора гимназіи добилась позволенія, вопреки всѣмъ правиламъ заведенія, самой ухаживать за сыномъ, котораго рѣшилась взять по выздоровленіи на время для возстановленія здоровья домой въ деревню. Мальчикъ сталъ поправляться, но взять его домой было дѣло не легкое и уладилось только послѣ великихъ и сложныхъ хлопотъ. Матери выдано было наконецъ отъ совѣта гимназіи свидѣтельство, гдѣ говорилось, что «совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ г-на доктора Бениса, совѣтъ считаетъ необходимымъ возвратить казеннаго воспитанника Аксакова на попеченіе родителей въ деревню, а къ предписанному для больнаго декокту, полагаетъ нелишнимъ прибавить такіе-то и такіе-то медикаменты и предписать впослѣдствіи крѣпительныя холодныя ванны». Подъ свидѣтельствомъ подписались директоръ и трое учителей; но главный надзиратель Камашевъ, которому мать надѣлала дерзостей и на котораго жаловалась директору, не только не далъ своей подписи, но даже предложилъ было взыскать съ матери за пятимѣсячное пребываніе сына въ гимназіи всѣ издержки, употребленныя на его содержаніе и ученіе. На третій день по полученіи свидѣтельства, пригласили мать Аксакова въ совѣтъ, обязали ее подпиской представить сына въ гимназію по выздоровленіи, и позволили его взять. Мать, прямо изъ совѣта, въ послѣдній разъ пришла въ больницу; Евсеичъ переодѣлъ своего воспитанника въ прежнее платье и сдалъ всѣ казенныя вещи и книги; мать взяла сына за руку, вывела на крыльцо, сѣла въ присланную изъ деревни отцомъ колымагу-карету и поѣхала на квартиру, гдѣ Марья Николаевна остановилась. Въ тотъ же день вечеромъ она съѣздила съ сыномъ поблагодарить и проститься къ добрѣйшему старику-доктору Бенису, который такъ внимательно относился

къ мальчику и главнымъ образомъ способствовалъ въ совѣтѣ его временному увольненію. Благородный нѣмецъ не только не взялъ съ Аксаковыхъ ни копѣйки денегъ, но даже не принялъ подарка на память объ одолженныхъ имъ людяхъ. Отказался отъ подарка и зашедшій на другой день проститься Василій Петровичъ Упадышевскій, увидѣвъ котораго, ребенокъ опять расплакался чуть не до новаго припадка. На разсвѣтѣ соннаго Сережу потихоньку перенесли въ карету, и мать увезла наконецъ свое сокровище опять въ родную деревенскую глушь.

Такъ кончился этотъ первый опытъ формальнаго образованія изнѣженнаго ребенка, продѣланный такъ неудачно и съ такимъ страданіемъ какъ для сына, такъ и для матери.

VI.

Быстро прошелъ въ прежнихъ деревенскихъ занятіяхъ, въ рыбной ловлѣ, охотѣ, собираніи грибовъ и перечитываніи старыхъ книгъ почти цѣлый годъ. Мальчикъ на свободѣ поправился совершенно, хотя всетаки захворалъ еще разъ и дома, значительно укрѣпился и выросъ. Чтобы время не пропадало въ полной праздности, мать еще въ Казани запаслась учебными гимназическими книжками и назначила отъ двухъ до трехъ часовъ въ день для повторенія всего пройденнаго, занятій чистописаніемъ и чтеніемъ вслухъ. Въ теченіе всего года мать постоянно переписывалась съ Упадышевскимъ и узнала отъ него о большихъ въ гимназіи перемѣнахъ. Директоръ Пекенъ и страшный Камашевъ вышли въ отставку; должность директора сталъ исправлять старшій учитель исторіи Илья Ѳедоровичъ Яковкинъ, а главнаго надзирателя добрѣйшій Василій Петровичъ—благодѣтель мальчика. И вотъ, переговоривъ съ новымъ директоромъ и инспекто-

ромъ, Упадышевскій увѣдомилъ, что мальчикъ можетъ, если пожелаютъ родители, въ казенные гимназисты не вступать, а поступить своекоштнымъ, живя у кого нибудь изъ учителей. Нашлись и такіе учителя: товарищи по Московскому Университету, еще молодые люди, Иванъ Ипатовичъ Запольскій и Григорій Ивановичъ Карташевскій, которые, живя вмѣстѣ, берутъ къ себѣ пансіонеровъ и за умѣренную плату содержатъ ихъ хорошо. Родители обрадовались, и, какъ ни тяжело было платить по 300 рублей учителямъ, да тратить по 200 въ годъ на платье, книги и дядьку, рѣшились войти въ долги, чтобы только не лишить мальчика образованія. Курсъ въ гимназіи начинался въ этотъ 1801 г. 15-го Августа, а пріемъ съ 1-го, и 26-го Іюля Аксаковы повезли сына въ Казань, для вторичнаго помѣщенія въ гимназію.

Упадышевскій, немедленно посѣтившій пріѣхавшихъ Аксаковыхъ, сообщивъ слухъ о назначеніи новаго директора, казанскаго помѣщика Лихачева, торопилъ помѣщеніемъ мальчика своекоштнымъ до его пріѣзда, очень хваля рекомендуемыхъ учителей «за умъ, ученость и скромность поведенія». Одинъ изъ нихъ, Запольскій, читалъ физику, другой Карташевскій — чистую математику. Они, живя вмѣстѣ въ каменномъ домѣ, держали у себя уже семерыхъ воспитанниковъ, и больше принимать не хотѣли, но, убѣжденные неотступными просьбами Упадышевскаго, рѣшились сдѣлать для мальчика исключеніе. Отецъ поѣхалъ съ сыномъ сначала къ Яковкину, а, по полученіи его согласія на поступленіе въ своекоштные, къ Запольскому и Карташевскому. Послѣдніе приняли гостей очень любезно; но Карташевскій объявилъ рѣшительно, что самъ взять мальчика къ себѣ не можетъ, такъ какъ трое его учениковъ уже взрослые, и черезъ годъ окончатъ курсъ, чтобы поступить на службу, такъ что мальчика соглашался взять Запольскій. Вечеромъ молодые люди пріѣхали знакомиться съ матерью, которая совершенно очаровалась Карташевскимъ,

и крайне сожалѣла, что сынъ будетъ жить не у него, а отдѣльно съ воспитанниками маленькими, хотя и въ томъ же домѣ. Благодаря Упадышевскому, въ гимназіи все скоро устроилось; мальчика помѣстили въ комнаткѣ съ тремя подлѣтками товарищами (четвертый, большой богачъ, жилъ въ отдѣльной комнатѣ), и черезъ мѣсяцъ уже безъ большихъ слезъ и рыданій, Аксаковы уѣхали въ деревню. Къ удивленію своему, мальчикъ снова увидѣлъ нѣкогда страшную и противную гимназію безъ страха, даже безъ непріятнаго чувства, и, поступивъ въ тѣже низшіе классы, гдѣ были уже другіе ученики—новички, подготовленные хуже Аксакова, или лѣнтяи и малоспособные, сдѣлался въ короткое время однимъ изъ лучшихъ учениковъ.

Только всего три съ половиною года, съ Августа 1801 по Февраль 1805 пробылъ Аксаковъ въ гимназіи до поступленія въ число первыхъ студентовъ вновь основаннаго Казанскаго Университета; слѣдовательно, все гимназическое образованіе было уже окончено, когда ему еще не было даже полныхъ четырнадцати лѣтъ. Посмотримъ же, на основаніи все тѣхъ-же собственныхъ воспоминаній писателя, что дала ему гимназія, къ которой онъ относится довольно симпатично.

Во главѣ заведенія, въ качествѣ директора, сталъ помѣщикъ Лихачевъ, но почему ему именно былъ ввѣренъ такой важный постъ—неизвѣстно. Что съ самаго начала своего директорства до гимназіи ему не было никакого дѣла, видно изъ того, что своекоштные воспитанники его долго и въ глаза не видали, а въ классы онъ никогда и не заглядывалъ. Имѣлъ онъ еще къ тому же каррикатурную наружность, не внушавшую расположенія; «между прочимъ,—говоритъ Аксаковъ,—нижняя губа его была такъ велика, какъ будто ее разнесло отъ укушенія мухи или осы. Ни воспитанники, ни чиновники не уважали его», и уже въ третій годъ пребыванія Аксакова въ гимназіи, до отъѣзда его въ 1804 году на каникулы, во время обѣда, директоръ

былъ публично осмѣянъ учениками, раздраженными за дурную кашу, въ которой кто то нашелъ кусокъ свѣчнаго сала. Въ туже ночь на многихъ стѣнахъ, внутреннихъ и наружныхъ, и даже на куполѣ зданія, явились крупныя ругательныя надписи директору, мастерски начертанныя краснымъ карандашемъ печатными буквами. А за нѣсколько дней до возвращенія Аксакова съ каникулъ, вышла въ гимназіи крупнѣйшая исторія изъ за заступничества учениковъ за бѣднаго инвалида—служителя, жестоко наказаннаго за что-то палками на гимназическомъ дворѣ,—исторія, повлекшая за собой появленіе въ гимназіи солдатъ съ ружьями и штыками и исключеніе изъ старшаго класса восьми лучшихъ учениковъ. Только тогда уволили Лихачева, назначивъ на его мѣсто стараго учителя Яковкина.

Каковъ былъ составъ преподавателей по воспоминаніямъ Аксакова можно судить только отчасти, но, повидимому, они могли дать любознательному мальчику весьма мало и знаній, и умственнаго развитія, если исключить Карташевскаго, прекрасно преподававшаго математику, къ которой мальчикъ, однако, чувствовалъ чуть-ли не отвращеніе и отъ которой даже какъ-то съумѣлъ, наконецъ, чуть не совсѣмъ освободить его Карташевскій, самъ, по словамъ Аксакова, замѣчательнѣйшій и страстный математикъ, однако промѣнявшій профессуру на карьеру чиновника, и только объ одной словесности находимъ въ этихъ воспоминаніяхъ свѣдѣнія болѣе подробныя. Впрочемъ, сообразуясь съ природными наклонностями и способностями мальчика, «память котораго по математикѣ, какъ съ нимъ ни бились, и самъ Карташевскій и лучшій математикъ изъ товарищей-учениковъ, оказалась чистымъ листомъ бѣлой бумаги, гдѣ не сохранилось ни одного математическаго знака», Григорій Ивановичъ устроилъ для Аксакова «особый планъ образованія *общаго, легкаго, литературнаго*», такъ что по нѣкоторымъ предметамъ въ среднемъ курсѣ Аксаковъ и совсѣмъ не ходилъ въ классъ, что не помѣшало, однако, ему

перейти въ высшій. Но такъ какъ объ этомъ «*особомъ*» образованіи, придуманномъ Карташевскимъ, будемъ говорить ниже, то перейдемъ къ любимому Аксаковымъ словеснику.

Преподавателемъ русскаго, а вмѣстѣ и славянскаго языка, также и словесности, въ среднемъ классѣ (всѣхъ классовъ было тогда три, причемъ большая часть учениковъ оставалась по два года въ классѣ) былъ студентъ Московскаго Университета, башкирецъ Николай Михайловичъ Ибрагимовъ. Про этого человѣка говоритъ Аксаковъ, что «онъ горячо любилъ литературу, былъ очень остроуменъ, и, вообще, человѣкъ даровитый. Этотъ человѣкъ,— продолжаетъ авторъ «Воспоминаній»,—имѣлъ большое значеніе въ моемъ литературномъ направленіи, и память его для меня драгоцѣнна. Онъ первый ободрилъ меня и, такъ сказать, толкнулъ на настоящую дорогу». Отдавая должное уваженіе трогательной признательности старика Аксакова къ своему учителю, такъ тепло вспоминаемому имъ черезъ полстолѣтіе, мы, какъ безпристрастные критики прошлаго, позволимъ себѣ отнестись къ этому педагогу болѣе спокойно. Судя по «Воспоминаніямъ», онъ ничѣмъ не выдается изъ ряда нашихъ стародавнихъ словесниковъ съ схоластико-реторическимъ методомъ и содержаніемъ преподаванія на почвѣ русскаго псевдо-классицизма, напыщеннаго и совершенно чуждаго дѣйствительности, восторженныхъ поклонниковъ россійскихъ пиндаровъ, гомеровъ и вольтеровъ. Диктовалъ онъ, напримѣръ, двѣнадцатилѣтнимъ мальчикамъ по тетрадкѣ славянскую грамматику, и передъ нею какое то свое *Введеніе въ славянскую грамматику*, гдѣ излагался взглядъ на грамматику общую: одинъ ученикъ писалъ на доскѣ, другіе списывали, а потомъ выучивали. Но, такъ какъ «объяснялъ Ибрагимовъ не довольно подробно и не такъ понятно», особенно для учениковъ первогоднихъ, и совсѣмъ еще дѣтей, то «изъ этого Введенія рѣшительно никто ничего не зналъ». Аксаковъ же имѣлъ у себя заранѣе полный списокъ

этой славянской грамматики, и просмотрѣлъ его по Воскресеньямъ при помощи Карташевскаго, который также помогъ осилить и хитрое Введеніе. Когда диктованье, наконецъ, кончилось, и началось спрашиванье продиктованнаго, результатъ, конечно, оказался весьма печальный. Спрашиванье шло по порядку, въ которомъ сидѣли ученики, сначала казенные, потомъ пансіонеры, затѣмъ полупансіонеры, и наконецъ, своекоштные. «Изъ грамматики еще кое какъ отвѣчали, но Введенія не осилилъ рѣшительно никто». Дошла очередь до Аксакова. Свободные и удовлетворительные отвѣты его по грамматикѣ заинтересовали Ибрагимова, и онъ задалъ мальчику, вмѣсто трехъ, четырехъ вопросовъ, двадцать. Всѣ отвѣты были равно удачны. Ибрагимовъ, улыбался во всю ширину своего огромнаго рта и наконецъ сказалъ: «Прекрасно, прекрасно и прекрасно! Посмотримъ теперь, что скажетъ Введеніе». Отвѣты и тутъ оказались удовлетворительные. Учитель пробовалъ сбивать ученика, но не сбилъ, и пришелъ въ совершенное изумленіе и восхищеніе: осыпалъ Аксакова всевозможными похвалами, вызвалъ изъ-за стола и сразу посадилъ на третье мѣсто изъ сорока учениковъ. Такое торжество должно было особенно подѣйствовать на самолюбиваго мальчика, и вотъ гдѣ, какъ намъ кажется, слѣдуетъ искать ближайшій источникъ того пристрастія къ церковно-славянскому языку и высокому слогу, которымъ отличается Аксаковъ въ своей молодости, какъ въ литературныхъ вкусахъ, такъ и въ слогѣ своихъ произведеній. Симпатія къ учебному предмету, столь успѣшно проходимому при восторженныхъ похвалахъ учителя, естественно перешла и на литературу, тѣмъ болѣе, что съ высокимъ слогомъ Хераскова и др. мальчикъ былъ знакомъ, какъ мы видѣли, отъ ранняго дѣтства изъ домашняго чтенія и декламаціи. Не менѣе, чѣмъ въ грамматикѣ, были блестящи успѣхи Аксакова и въ россійской словесности. Ибрагимовъ проходилъ синтаксисъ русскаго языка и «производилъ практическія упражне-

нія, состоявшія изъ писанья подъ диктовку и изъ переложенія стиховъ въ прозу. «Диктовка эта,— говоритъ Аксаковъ, — была намъ очень полезна, сколько для правописанія, столько и для образованія нашего вкуса, потому что Ибрагимовъ выбиралъ лучшія мѣста изъ Карамзина, Дмитріева, Ломоносова и Хераскова, заставлялъ читать вслухъ и объяснять ихъ литературное достоинство. Онъ самъ не находилъ пользы въ «*предложеніяхъ*», и, только исполняя программу, раза два заставлялъ насъ ими заниматься, вмѣсто того упражняя насъ въ сочиненіи небольшихъ пьесъ на заданныя темы». Такимъ образомъ, литературныя наклонности мальчика нашли себѣ значительную поддержку у Ибрагимова, у котораго, одного, впрочемъ, только и оказывалъ Аксаковъ блестящіе успѣхи. По Закону Божію онъ учился, хоть и порядочно, но священникъ почему-то не долюбливалъ Аксакова, и говорилъ про него: «уроки-то онъ знаетъ твердо; но онъ не охотникъ до катехизиса и Священной исторіи». По всеобщей и русской исторіи и географіи у Яковкина Аксаковъ шелъ наравнѣ не съ лучшими, а только съ хорошими учениками. Въ языкахъ, вообще, успѣхи были плохи, безъ сомнѣнія, отъ плохихъ учителей. Самую видную роль въ гимназическомъ и университетскомъ образованіи и направленіи Аксакова игралъ его воспитатель, Григорій Ивановичъ Карташевскій, а потому на немъ и остановимся подробнѣе.

Въ старческихъ воспоминаніяхъ своего отдаленнаго прошлаго Аксаковъ, вообще склонный представлять его въ довольно розовомъ цвѣтѣ, нѣсколько разъ отзывается объ этомъ человѣкѣ съ величайшею благодарностью и уваженіемъ. Онъ былъ, по мнѣнію родителей, особенно матери Аксакова, не слышавшей въ немъ души, человѣкъ свѣтлаго ума и высокихъ качествъ, соединенныхъ съ многостороннимъ образованіемъ и основательной ученостью». Прекрасно читавшій математику еще въ гимназіи, онъ, съ основанія Казанскаго Универси-

тета, былъ сдѣланъ тамъ адъюнктъ профессоромъ, и ученики его удивляли своими знаніями; но, по непріятностямъ съ начальствомъ, бросилъ науку и сдѣлался чиновникомъ, дослужившись впослѣдствіи до мѣста директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, которое занималъ съ 1824 по 1829 и былъ, едва-ли, не главнымъ участникомъ или, по крайней мѣрѣ, подготовителемъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью. Съ 1829 по 1835 г. мы видимъ его на особенно трудномъ тогда и важномъ посту попечителя Бѣлорусскаго Учебнаго Округа, а затѣмъ съ 1838 года сенаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ и скончался въ 1840 г.

Какъ мы уже сказали, онъ съ перваго раза произвелъ на мать Аксакова самое благопріятное впечатлѣніе, и скоро сблизился съ его родителями самой тѣсной дружбой, поддерживаемой постоянной перепиской съ Марьей Николаевной, и пользовался безграничнымъ ея довѣріемъ. Онъ даже провелъ у Аксаковыхъ въ имѣніи вмѣстѣ съ своимъ воспитанникомъ все лѣто 1804 г. Этотъ Карташевскій впослѣдствіи даже породнился съ Аксаковыми, ставшими уже, благодаря наслѣдству Куроѣдовой, богатыми людьми. Онъ женился на любимой Аксаковымъ сестрицѣ Надеженькѣ, выставленной подъ именемъ Наташи въ «*Дѣтскихъ годахъ*» и въ предсмертномъ разсказѣ Сергѣя Тимофеевича *Наташа*. Надежда Тимофеевна вышла сначала 16 лѣтъ за сына владѣльца богатыхъ чугунныхъ заводовъ Вятской губерніи Мосолова, но черезъ четыре года овдовѣла, а еще черезъ два, въ 1817 году вышла вторично за Карташевскаго; доживъ до глубокой старости, она скончалась въ Петербургѣ, въ Августѣ 1887 г.

Вдумываясь въ эту, безспорно даровитую, личность *единственнаго* серьезнаго воспитателя автора *Семейной хроники* (другой, Запольскій, былъ человѣкъ довольно ничтожный и, отвлекаемый своими семейными дѣлами, занимался съ учениками

мало), мы должны сказать, что вліяніе Карташевскаго едва ли было особенно благотворно для мальчика, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ сердечности. Не видно у Аксакова ни особеннаго сердечнаго сближенія даже съ кѣмъ либо изъ товарищей по квартирѣ, съ однимъ изъ которыхъ, богачомъ и чудакомъ, какимъ-то Ах—вымъ, продѣлываетъ Аксаковъ очень некрасивую шутку, открывъ въ гимназіи его маленькую тайну, довѣренную подъ великимъ секретомъ на честное слово; повидимому, не принимаетъ Аксаковъ участія въ шалостяхъ и, вообще, въ товарищескихъ интересахъ, и какъ то остается совсѣмъ въ сторонѣ отъ гимназіи, ограничиваясь однимъ посѣщеніемъ классовъ. Видимо Карташевскій, какъ человѣкъ практическій, тщательно охранялъ маменькинаго сынка отъ всякихъ вліяній, которыя могли бы повредить въ будущемъ его карьерѣ. По крайней мѣрѣ, какъ ловко уберегъ онъ своего воспитанника отъ участія въ исторіи съ директоромъ изъ за высѣченнаго солдата, гдѣ сказался естественный благородный протестъ юношей противъ жестокаго насилія надъ безпомощнымъ старикомъ; мало того, что просто-на-просто запретилъ ходить въ классы, но, чтобы слухъ объ исторіи какъ-нибудь не дошелъ до ушей воспріимчиваго мальчика, который, пожалуй, по своей горячности, примкнулъ бы къ общему дѣлу, даже увезъ Аксакова совсѣмъ изъ города въ деревню къ Запольскому, а ничего не подозрѣвавшему воспитаннику солгалъ, что ученье идетъ вяло, что многіе съ каникулъ еще не съѣхались, что, наконецъ, время стоитъ чудесное и можно еще съ недѣльку погулять и поучиться на свободѣ. Такимъ образомъ, благодаря ученому секретарю совѣта Карташевскому, Аксаковъ остался совсѣмъ въ сторонѣ, и не пострадалъ, какъ прочіе, и не получилъ даже впечатлѣній, которыя могли-бы взволновать его нѣжную душу и поселить въ умѣ вопросы для практической жизни не совсѣмъ удобные. Конечно, придя въ гимназію черезъ двѣ недѣли послѣ печальныхъ происшествій

мальчикъ узналъ все; но полезною ложью воспитателя не возмутился и уваженія къ нему не потерялъ, потому что въ умственномъ отношеніи оставался все тѣмъ-же младенцемъ, какимъ былъ и дома; пытливые-же вопросы, пробуждавшіеся было въ дѣтствѣ, уже не возбуждались. Остается Аксаковъ до самаго университета и почтительнымъ родственникомъ, помнящимъ совѣты родителей и ихъ примѣръ. Когда бабушка Куроѣдова, отъ которой родители ждали наслѣдства и которую мальчикъ не особенно любилъ, подарила ему на книги десять рублей ассигнаціями, и онъ пріобрѣлъ полное ея благоволѣніе, потѣшая ее въ деревнѣ представленіемъ «мельника» и «сбитеньщика», «всему этому, — разсказываетъ самъ Аксаковъ, — очень въ моемъ семействѣ радовались, потому что мысль о будущемъ богатствѣ, которымъ она нѣкогда обѣщала насъ надѣлить, не могла быть совершенно чуждою человѣческимъ соображеніямъ и разсчетамъ». И вотъ, прибавляетъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ Аксаковъ: «при моемъ отъѣздѣ я получилъ милостивое приказаніе отъ Надежды Ивановны писать къ ней каждый мѣсяцъ два раза, что и *было въ точности исполняемо мною до самой ея кончины.*» Какъ видно, воспитаніе въ родительскомъ домѣ и у Карташевскаго не прошло безслѣдно.

Если воспитаніе ребенка должно прежде всего имѣть цѣлью развить въ немъ правдивость и честную прямоту всѣхъ человѣческихъ отношеній, то рядомъ съ такимъ, такъ сказать, воспитаніемъ чувства правды, истины, должно непремѣнно идти возбужденіе добрыхъ алтруистическихъ чувствъ на счетъ подавленія эгоизма, воспитаніе сердца, теплоты душевной. Вотъ этой то сердечности, задушевности, которая сближаетъ ученика съ воспитателемъ на всю послѣдующую жизнь, повидимому также недоставало Карташевскому. Это былъ человѣкъ твердой воли, строго исполнявшій, по своему крайнему разумѣнію, то, что признавалъ своими обязанностями, но сухой, прямолинейный, мало

обращавшій вниманіе на то, какая богатая натура попалась ему въ руки въ мальчикѣ Аксаковѣ. Эта суховатость, черствость, насколько видно изъ Воспоминаній, не разъ тяготила мальчика, которому хотѣлось бы видѣть въ уважаемомъ воспитателѣ болѣе простоты и кроткой снисходительности. Въ дѣтствѣ, увлеченный авторитетомъ Карташевскаго, Аксаковъ находилъ холодную внѣшность послѣдняго и нѣсколько странные и сухіе его пріемы, принятые имъ за правило въ обращеніи съ молодежью, естественными, но, вспоминая о своемъ воспитателѣ въ старости, замѣчаетъ, что «теперь, конечно, я этого не думаю.»

Вліяніе Карташевскаго на мальчика увеличивалось постепенно. Какъ уже сказано, Аксаковъ поступилъ сначала не къ нему, а къ Запольскому; но послѣдній, задумавъ жениться на дѣвушкѣ съ состояніемъ и хорошаго дворянскаго рода, часто отлучался, и его уже черезъ мѣсяцъ сталъ безпрестанно замѣнять въ занятіяхъ Карташевскій. По пріѣздѣ съ каникулъ 1802 года мальчикъ—Запольскаго, уѣзжавшаго жениться, не нашелъ, и его воспитателемъ и репетиторомъ опять сталъ Григорій Ивановичъ, что продолжалось цѣлыхъ три первыхъ учебныхъ мѣсяца. Запольскій наконецъ пріѣхалъ; но Карташевскій, у котораго своихъ учениковъ уже не было, прожилъ съ дѣтьми еще съ мѣсяцъ, постоянно и добросовѣстно занимаясь ихъ ученьемъ, содержаніемъ и поведеніемъ, пока Запольскій не пріискалъ особой квартиры. Тутъ-то, въ эти четыре-пять мѣсяцевъ, особенно привязался мальчикъ къ Григорію Ивановичу, хотя никогда «ни разу не сказалъ онъ ласковаго слова и казался сухимъ и строгимъ.» «Я не могъ тогда оцѣнить достоинства этого человѣка,—пишетъ Аксаковъ,—и не могъ бы его полюбить, если бы *мать не увѣдомляла меня потихоньку, что онъ меня очень любитъ и очень хвалитъ*, и не показываетъ этого только для того, чтобъ я, по молодости своей, не избаловался отъ его похвалъ». Когда Запольскій

наконецъ переѣхалъ съ женой и учениками въ особый домъ, мальчикъ при прощаньѣ съ Карташевскимъ расплакался и хотѣлъ было обнять своего двадцатишестилѣтняго воспитателя, тотъ отстранилъ его и, будучи самъ растроганъ до слезъ (что Аксаковъ узналъ опять таки впослѣдствіи изъ письма Карташевскаго къ Марьѣ Николаевнѣ), сухо и холодно сказалъ: «Это что такое? О чемъ вы плачете? Вѣрно боитесь, что Иванъ Ипатычъ будетъ построже съ васъ взыскивать?»

У Запольскаго въ семьѣ уходъ за дѣтьми оказался плохой, не лучше и содержаніе, и ученіе. Самъ воспитатель занимался съ учениками мало и небрежно, и взялъ себѣ въ помощники нѣкоего студента, кончившаго курсъ въ духовной семинаріи, Ласточкина. Мальчикъ, кромѣ словесности, сталъ учиться хуже — и остался въ среднемъ классѣ на второй годъ, чему мать была, впрочемъ, рада, такъ какъ Карташевскій разъяснилъ ей выгоду такого оставленья; но твердо рѣшилась съ осени 1803 года, во что-бы то ни стало, отдать сына вполнѣ на руки Карташевскому, что ей и удалось, такъ какъ Запольскій пансіонъ свой закрылъ. Какъ бы съ величайшей неохотой, только послѣ долгихъ просьбъ и моленій матери, согласился Карташевскій взять къ себѣ мальчика, но «не какъ воспитанника или пансіонера, а какъ молодого товарища, и не иначе, какъ безплатно, съ особыми издержками на содержаніе въ счетъ каждаго въ отдѣльности».

Такимъ образомъ, съ февраля 1804 года Карташевскій, переѣхавшій съ мальчикомъ въ особый домъ, сталъ по отъѣздѣ матери всецѣло единственнымъ руководителемъ Аксакова, который прожилъ съ нимъ почти все остальное время гимназическаго и университетскаго курса, т. е. два съ половиною года. Карташевскій, по словамъ Аксакова, «посвятилъ себя мальчику всецѣло». Ученье въ классахъ было однако дѣломъ второстепеннымъ: главнымъ дѣломъ были упражненія домашнія». Воспитанникъ ходилъ только къ нѣкоторымъ учителямъ; классы

ариѳметики, рисованія и каллиграфіи посѣщались рѣдко, въ часы же эти онъ работалъ дома подъ руководствомъ своего наставника. Пробившись напрасно надъ совсѣмъ недававшеюся мальчику математикой, Карташевскій порѣшилъ почти совсѣмъ его отъ нея освободить, и вотъ тутъ-то и устроилъ «сообразно природнымъ наклонностямъ и способностямъ мальчика, свой собственный *особый планъ* его образованія: *общаго*, *легкаго*, *преимущественно литературнаго*», о чемъ мы уже упоминали. Этотъ планъ, какъ намъ кажется, лишилъ Аксакова серьезнаго образованія, не давъ даже развиться его природной любознательности, чтобы дообразовать себя потомъ хоть самому, а кромѣ того задержалъ правильное развитіе великаго художественнаго таланта, обнаруженнаго только подъ старость.

Прежде всего Карташевскій выписалъ для воспитанника множество книгъ: Ломоносова, единственный тогда въ печати томъ одъ Державина съ его-же небольшимъ томикомъ анакреонтическихъ стихотвореній, Дмитріева, Капниста и Хемницера; Сумароковъ и Херасковъ у Аксакова уже были, но Карташевскій съ нимъ ихъ не читалъ: съ этими писателями онъ уже достаточно ознакомился, какъ мы видѣли, дома, наконецъ, они изучались въ классѣ словесности. Чтеніе русскихъ писателей, преимущественно стихотворцевъ, но не прежде, чѣмъ воспитанникъ уже довольно успѣлъ во французскомъ языкѣ, сдѣлалось занятіемъ главнѣйшимъ. Карташевскій, говоритъ Аксаковъ, «такъ хорошо, такъ понятно объяснялъ поэтическія красоты» (этихъ — прибавимъ отъ себя — за исключеніемъ Державина, совсѣмъ уже не поэтическихъ поэтовъ), «мысль автора и достоинство выраженій, что моя склонность къ литературѣ скоро обратилась въ страстную любовь. Безъ всякаго усилія съ моей стороны я выучивалъ всѣ лучшіе стихи изъ Державина, Ломоносова и Капниста, по выбору строгаго воспитателя; стихотворенія же Ив. Ив. Дмитріева, какъ образцоваго тогда по чистотѣ

и правильности языка, я зналъ наизусть почти всѣ». Замѣчательно, что русской прозы читалъ Карташевскій съ Аксаковымъ очень мало, такъ какъ прозаиковъ тогдашнихъ не долюбливалъ, и Аксаковъ не только не познакомился съ Новиковымъ, или Фонъ-Визинымъ, изъ которыхъ могъ бы вынести хоть нѣкоторое понятіе о дѣйствительной жизни, — но даже и съ Карамзинымъ; исключеніе дѣлалось только для нѣкоторыхъ отрывковъ изъ *Писемъ русскаго путешественника*; «*Моихъ же бездѣлокъ*» Карташевскій даже не позволялъ воспитаннику имѣть въ своей библіотекѣ. Какъ видно, въ этомъ сухомъ и упрямомъ малороссѣ турецкаго происхожденія (его прадѣдъ былъ турокъ), относившемся съ предубѣжденіемъ къ хохлацкой лѣни и тупости, совсѣмъ не было здороваго эстетическаго чувства, и никакого пониманія талантливаго ребенка, всецѣло ввѣреннаго его попеченіямъ. Какъ упорно не дозволялъ онъ мальчику пробовать дѣтскую силу на сочиненіяхъ, за которыя зло нападалъ на Ибрагимова. «Все это, братецъ мой, совершенные пустяки,—сказалъ Карташевскій этому словеснику, когда тотъ вздумалъ похвалить классное сочиненіе Аксакова, ввидѣ письма къ пріятелю, «*О красотахъ весны*»; надобно, чтобы молодой человѣкъ набрался хорошихъ примѣровъ и образовалъ свой вкусъ, читая сочинителей, пишущихъ стройно и правильно. Эту то искуственную ложноклассическую стройность и правильность, повидимому, только и цѣнилъ Карташевскій у писателей, почему и относился съ такимъ пренебреженіемъ, какъ къ порчѣ вкуса, къ «Бѣдной Лизѣ» или «Натальѣ боярской дочери». Возмущала его и любовь мальчика къ природѣ, особенно весной пробуждавшаяся въ душѣ послѣдняго всегда съ новой силой. Кажется, переломить здоровую натуру мальчика искусной дрессировкой, составляло главную задачу этого несомнѣвающагося педагога, слѣдившаго за каждымъ шагомъ ребенка. И нужно отдать Карташевскому справедливость: онъ достигалъ своей цѣли

очень искусно, и, совершенно изолируя мальчика отъ товарищей и зловредной литературы, не только не вызывалъ въ немъ протеста, но даже все болѣе и болѣе пріобрѣталъ его уваженіе.

Вмѣстѣ съ русскими книгами, были выписаны и французскія: мало понятныя для тринадцатилѣтняго мальчика проповѣди придворныхъ проповѣдниковъ Людовика XIV-го, Массильона, Бурдалу, и даже Флешье, смерть Авеля Гесснера и его же слащавыя идилліи, лишенныя всякой естественности и оригинальности, да сказки Шехерезады съ Векфильскимъ священникомъ, уже извѣстныя Аксакову въ русскомъ переводѣ, и Донъ Кихотомъ. Если къ этому присоединить еще нѣсколько книгъ, названій которыхъ Аксаковъ не помнитъ, и двѣ натуральныя исторіи съ картинками—вотъ и весь капиталъ по иностраннымъ литературамъ, выбранный педагогомъ для развитія вкуса и эстетическаго образованія мальчика, въ которомъ скрывался одинъ изъ крупнѣйшихъ по силѣ таланта русскихъ писателей. Ни съ Шиллеромъ, ни съ Гёте, ни съ Лессингомъ, ни съ Шекспиромъ, ни съ Мольеромъ, и тѣмъ болѣе Бомарше, ни даже съ Бернарденомъ де Сенъ-Пьеромъ или Лесажемъ, — словомъ, ни съ кѣмъ почти изъ лучшихъ иностранныхъ писателей познакомить его не было признано нужнымъ. Прежде всего занялся Карташевскій съ Аксаковымъ иностранными языками, преимущественно, французскимъ, и въ три мѣсяца воспитанникъ уже могъ свободно читать и понимать всякую французскую книгу. Начали съ французской хрестоматіи Les aventures d'Aristonoy, затѣмъ перешли къ Шехерезадѣ, которую читалъ мальчикъ, «въ точности исполняя приказаніе своего ментора не читать недозволенныя мѣста», и, наконецъ, къ Донъ Кихоту. Аксаковъ вспоминаетъ объ удовольствіи, съ которымъ читалъ онъ эти «*веселыя и увлекательныя*» книги; но какъ же малъ и жалокъ былъ ихъ выборъ для юношескаго пытливаго ума, которому не было предложено воспитателемъ, осуществлявшимъ планъ

именно «литературнаго образованія, по крайней мѣрѣ, если судить по собственнымъ «Воспоминаніямъ» Аксакова, почти вовсе никакихъ великихъ произведеній ни древняго, ни новаго міра. Не звучатъ ли послѣ этого въ устахъ Аксакова наивностью, или даже ироніей, его похвалы основательной и разносторонней образованности его воспитателя?

Поборовшись на каникулахъ 1804 года, и не безъ успѣха, со страстью своего податливаго и мягкаго характеромъ воспитанника къ охотѣ и прогулкамъ (на охоту просто ходить запретилъ), Карташевскій съ осени снова принялся за обрабатываніе науками головы Аксакова; но тутъ уже начали обнаруживаться на послѣднемъ новыя вліянія. Родной дядя Аксакова, А. Н. Зубовъ, пріѣхавшій въ половинѣ зимы въ Казань, свозилъ два раза въ театръ мальчика, не видавшаго еще никогда сценическаго представленія. Аксаковъ сталъ грезить видѣнными чудесами и день, и ночь, и такъ разсѣялся, что совершенно не могъ заниматься ученьемъ. Нахмурился и огорчился наставникъ и опять поборолъ своими упреками новую страсть въ ученикѣ, жаждавшемъ живыхъ впечатлѣній, но, впрочемъ, въ награду за хорошее ученье, самъ свозилъ его въ театръ въ оперу «Колбасники», а тамъ, видя, что занятія идутъ не хуже, и на другія пьесы: «Недоросль», «Ошибки, или утро вечера мудренѣе», оперу «Нина» и драму Коцебу «Графъ Вальтронъ». Такъ сильна была въ мальчикѣ страсть къ театру, которую онъ старался скрыть отъ воспитателя, что онъ выучилъ видѣнныя въ театрѣ пьесы наизусть, находя время, потихоньку отъ воспитателя, разыгрывать всѣ роли передъ самимъ собой, для чего запирался въ своей комнатѣ, или уходилъ въ пустые, холодные антресоли.

Точно также тайно отъ своего аргуса, и не подозрѣвавшаго, что такое, независимо отъ его собственной воспитательской воли, творится въ душѣ подроставшаго воспитанника, поддавшагося влече-

нію натуры, Аксаковъ сталъ сближаться съ своекоштнымъ ученикомъ, страстнымъ обожателемъ ненавистнаго Карташевскому Карамзина, Александромъ Панаевымъ, издававшимъ въ гимназіи рукописный журналъ «*Аркадскіе пастушки*». Впрочемъ, какъ ни хотѣлось Аксакову самому участвовать въ этой безобидной забавѣ, но, боясь Карташевскаго, онъ только сталъ пописывать потихоньку, для себя, храня тайну даже отъ Панаева. Въ эту же зиму 1804 года, въ гимназіи, гдѣ, съ поступленіемъ директоромъ Яковкина, стало вдругъ свободнѣе и оживленнѣе, составился благородный спектакль, возбудившій въ Аксаковѣ непреодолимое желаніе испытать свои силы на сценѣ; но онъ не посмѣлъ и заикнуться объ этомъ Карташевскому.

Вдругъ въ декабрѣ того же года получилось въ Казани оффиціальное извѣстіе, что 5-го Ноября подписанъ Императоромъ Александромъ Первымъ уставъ вновь устраиваемаго Казанскаго Университета, о чемъ уже давно носились слухи, и въ Казань пріѣхалъ новый попечитель, С. Я. Румовскій. Это событіе «дней Александровыхъ прекраснаго начала», возвѣстившаго благое намѣреніе новаго правительства дать просвѣщеніе даже такой полудикой окраинѣ, какъ нашъ тогдашній востокъ, радостно взволновало весь городъ и сразу подняло духъ общества, и особенно гимназіи, со всѣми ея наставниками и воспитанниками. Но ни профессоровъ, ни студентовъ не было: приходилось, во что бы то ни стало, создать тѣхъ и другихъ. Конференція изъ директора и всѣхъ старшихъ учителей, собиравшаяся подъ предсѣдательствомъ Румовскаго, привезшаго съ собою двухъ профессоровъ, Германа и Цеплина, положила остальныхъ набрать изъ учителей, причемъ Карташевскій назначался адъюнктъ-профессоромъ математики, а Яковкинъ прямо ординарнымъ профессоромъ исторіи и инспекторомъ; что же касается студентовъ, то положили сдѣлать таковыми всѣхъ наличныхъ гимназистовъ старшаго класса изъ второгодниховъ, за исключеніемъ двухъ

или трехъ завзятыхъ лѣнтяевъ. «Въ строгомъ смыслѣ,—говоритъ Аксаковъ,—человѣкъ десять, въ томъ числѣ и я (Аксаковъ изъ первогоднихъ попалъ, вѣроятно, по просьбѣ Карташевскаго), не стоили этого назначенія по неимѣнію достаточныхъ знаній и по молодости; не говорю уже о томъ, что никто не зналъ по латыни, и весьма немногіе знали нѣмецкій языкъ, между тѣмъ какъ съ осени нѣкоторыя лекціи необходимо было слушать на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Но тѣмъ не менѣе, шумная радость охватила всѣхъ. Всѣ обнимались, поздравляли другъ друга и давали обѣщаніе съ неутолимымъ рвеніемъ заняться тѣмъ, чего намъ не доставало, такъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не стыдно было называться настоящими студентами. Сейчасъ же устроили особый латинскій классъ, и большая часть будущихъ студентовъ съ увлеченіемъ принялась за латынь». Одинъ только Аксаковъ не послѣдовалъ похвальному примѣру: какое то глупое, какъ говоритъ онъ самъ, предубѣжденіе къ латинскому языку, поставило его въ сторонѣ отъ общаго увлеченія, и Карташевскій, самъ сильный латинистъ, позволилъ Аксакову латыни не учиться.

«Нельзя безъ удовольствія и безъ уваженія вспомнить,—разсказываетъ Аксаковъ,—какою любовью къ просвѣщенью, къ наукамъ было одушевлено тогда старшее юношество гимназіи. Занимались не только днемъ, но и по ночамъ. Всѣ похудѣли, всѣ перемѣнились въ лицѣ, и начальство принуждено было принять дѣятельныя мѣры для охлажденія такого рвенія. Дежурный надзиратель всю ночь ходилъ по спальнямъ, тушилъ свѣчки и запрещалъ говорить, потому что и въ потьмахъ повторяли наизусть другъ другу отвѣты въ пройденныхъ предметахъ. Учителя были также подвигнуты такимъ горячимъ рвеніемъ учениковъ, и занимались съ ними не только въ классахъ, но всякое свободное время, по всѣмъ праздничнымъ днямъ. Григорій Ивановичъ читалъ на дому для лучшихъ математическихъ студен-

товъ прикладную математику; его примѣру послѣдовали и другіе учителя. Такъ продолжалось и въ первый годъ послѣ открытія университета. Прекрасное, золотое время! Время чистой любви къ знанію, время благороднаго увлеченія! Я могу безпристрастно говорить о немъ, потому что не участвовалъ въ этомъ высокомъ стремленіи, которое воодушевляло преимущественно казенныхъ воспитанниковъ и пансіонеровъ: своекоштные какъ то мало принимали въ этомъ участія, и мое ученіе шло своей обычной чередой, подъ руководствомъ моего воспитателя».

Такимъ образомъ, даже теперь, когда мальчику, переходившему уже въ юношество, представлялась возможность хоть сколько нибудь стать ближе къ товарищамъ, проникнуться освѣжающимъ духомъ общественности, которой ему такъ недоставало, наконецъ, просто хоть сколько нибудь подготовиться къ слушанію болѣе серьезнаго курса, и тутъ тотъ же Карташевскій упрямо остался вѣренъ своему плану особаго образованія *общаго*, *легкаго*, *литературнаго*,—плану, созданному собственнымъ умомъ его, Г. Карташевскаго, чтобы не обезпокоить маменьки чрезмѣрнымъ трудомъ сына. Впрочемъ, такой планъ и веденіе ученика вполнѣ согласовались съ желаніемъ родителей Аксакова, не только не предназначавшихъ сына никогда къ ученому званію, но даже питавшихъ къ послѣднему предубѣжденіе. «А между тѣмъ,—съ грустью вспоминаетъ Аксаковъ,—у меня было не одно только страстное увлеченіе словесностью и театромъ. Мнѣ кажется, что и натуральная исторія точно также увлекла бы меня, а можетъ быть, я и сдѣлалъ-бы что нибудь на этомъ попризѣ.»

Но ни родители, не воспитатель не провидѣли въ ребенкѣ его разносторонникъ способностей и, не вѣдая сами, что творили, послѣдовательно лишали его способовъ идти туда, куда влекло его призваніе.

Уже 14 Февраля 1805 года университетъ от-

крылся съ шестью преподавателями и менѣе, чѣмъ съ 40, неокончившими даже гимназическаго курса, юными студентами, изъ коихъ Аксакову было всего неполныхъ четырнадцать лѣтъ. Воспитанникамъ, назначеннымъ въ студенты, не произвели даже обыкновенныхъ экзаменовъ, ни гимназическихъ, ни университетскихъ, а напротивъ, все время благоразумно употребили на продолженіе ученія, приготовительнаго для слушанія университетскихъ лекцій. Не позволилъ Карташевскій Аксакову даже дождаться перваго университетскаго акта, на которомъ должны были торжественно провозгласить имена студентовъ и раздать имъ шпаги, и за нѣсколько дней до него отправилъ мальчика съ неизмѣннымъ дядькой Евсеичемъ въ деревенскую глушь къ родителямъ. Родители плакали, радовались, а новоиспеченный студентъ мечталъ о собираніи бабочекъ, разъѣзжая въ мундирѣ, сшитомъ матерью, жалѣвшей, что еще нѣтъ шпаги, по знакомымъ и роднѣ, потѣшая всѣхъ «чтеніемъ, или, лучше сказать, разыгрываніемъ трагедій, комедій и даже оперъ, въ которыхъ онъ отвѣчалъ за всѣхъ актеровъ и актрисъ: картавилъ, гнусилъ, пищалъ, басилъ и пѣлъ на всѣ голоса, даже иногда костюмируясь съ помощью домашней рухляди.»

VII.

Жалокъ былъ въ первые годы своего существованія этотъ импровизированный университетъ съ профессорами изъ учителей и тридцатью пятью гимназистами, произведенными въ студенты. Не было даже и отдѣльнаго помѣщенія, такъ что пришлось отдѣлить для университета часть гимназическаго зданія для аудиторій, зала, студенческихъ комнатъ и столовой. Не было и раздѣленія на факультеты, а нѣкоторые студенты, въ томъ числѣ

и Аксаковъ, дослушивали, рядомъ съ университетскимъ, гимназическій курсъ. Читались: и прикладная математика съ опытной физикой, и логика съ философіей, которую преподавалъ Левитскій, державшій пансіонеровъ, напивавшійся въ одиночку каждый вечеръ и вскорѣ умершій отъ пьянства, и русская исторія, географія и статистика, и всеобщая исторія и натуральная, и латинская и греческая литература, и древности, и особо латинская и греческая словесность, и химія съ анатоміей; какой-то толстякъ Бюнеманъ читалъ по французски право естественное, политическое и народное; потомъ прибавилось еще два профессора нѣмца, русскій адъюнктъ по медицинской части, Каменскій, и новый профессоръ россійской словесности Городчаниновъ, человѣкъ крайне бездарный и отсталый, надъ которымъ студенты потѣшались—словомъ, наукъ было вполнѣ достаточно. Но, какъ видно, пылъ молодежи, такъ энергично взявшейся было за науку при полученіи извѣстія объ открытіи университета, простылъ, и наукой занимались мало и совсѣмъ по школьнически, кромѣ математики, въ которой, благодаря Карташевскому, успѣхи у иныхъ были блистательны до того, что одинъ изъ студентовъ, по оставленіи послѣднимъ каѳедры, даже временно занималъ его мѣсто. По крайней мѣрѣ, студентамъ ученая карьера улыбалась не особенно, и многіе, стремясь въ военную или статскую службу, поспѣшили оставить университетъ, не кончивъ курса.

Независимо отъ наукъ, двѣ страсти увлекли собой студенческую молодежь: театръ и литература, и обѣимъ, особенно первой, отдался Аксаковъ со всею горячностью своей,легко увлекающейся,натуры.

Въ первый же годъ существованія университета на публичной казанской сценѣ, и прежде охотно посѣщаемой юношествомъ, появился извѣстный московскій актеръ Плавильщиковъ, до того увлекшій студентовъ, и особенно Аксакова, что они положили непремѣнно устраивать домашніе спектакли и въ университетѣ. Больше всѣхъ хлопоталъ объ этомъ

Аксаковъ, которому Плавильщиковъ, отличавшійся въ «*Эдипѣ въ Аѳинахъ*,» Озерова и въ «*Сынѣ любви*», Коцебу, открылъ въ театральномъ искусствѣ цѣлый новый міръ, показавъ значеніе настоящей декламаціи, сильной своей простотой и естественностью. Юноша съ жаромъ принялся за радикальную переработку своей дикціи, въ чемъ, впрочемъ, помогалъ ему теперь и Карташевскій, и вскорѣ выученною ролью Пастора изъ «Сына любви» привелъ въ восторгъ всѣхъ товарищей. Послѣ многихъ хлопотъ и спектаклей въ частныхъ квартирахъ, между прочимъ, у ректора Яковкина, наконецъ не только устроился въ одномъ изъ классовъ постоянный театръ, но даже сочинился особый театральный уставъ, по которому первымъ директоромъ молодой труппы былъ единодушно выбранъ Аксаковъ. Тутъ-то и развернулись, на модномъ тогда репертуарѣ изъ пьесъ Озерова, Коцебу и нѣкоторыхъ другихъ, большею частью плохихъ переводныхъ или оригинальныхъ, недюжинныя сценическія и декламаторскія способности юноши, котораго, по его собственному признанію, истинное призваніе была—сцена. Ее любилъ Аксаковъ страстно всю жизнь, его совѣтамъ и руководству не мало обязанъ московскій театръ въ лучшую пору своего существованія; и такіе артисты, какъ Щепкинъ и Мочаловъ, высоко цѣнили его мнѣнія и указанія. Эта благородная затѣя не безъ пользы и съ великимъ для юности наслажденіемъ давала тогдашней молодежи разумное наполненіе досуга, отвлекая отъ удовольствій грубыхъ и низменныхъ. Не было только, къ сожалѣнію, у юношей разумныхъ руководителей, которые могли бы указать на лучшія пьесы иностраннаго художественнаго репертуара, напр. Шекспира, Шиллера, Лессинга, Бомарше, Мольера и др., которые могли бы способствовать большему развитію здороваго эстетическаго вкуса. Впрочемъ, одинъ опытъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ: уже совсѣмъ почти приготовили къ постановкѣ Шиллеровскихъ

«*Разбойниковъ*,» но за недѣлю до представленія высшее начальство играть ихъ запретило.

Поссорившись съ товарищами изъ за раздачи ролей, Аксаковъ на мѣсяцъ вышелъ изъ группы и предался не на долго страсти къ собиранію бабочекъ, и даже анатоміи, которую, впрочемъ, бросилъ, какъ скоро дѣло дошло до анатомированія трупа, и болѣе продолжительно—литературѣ. Бо̀льшее сближеніе съ товарищемъ Панаевымъ, поклонникомъ сентиментальныхъ романовъ, повело къ увлеченію романами: «Мальчикъ у ручья», Коцебу, и «Природа и любовь», Лафонтена, за что сильно напустился на Аксакова его воспитатель, и образованію даже особаго товарищескаго литературнаго кружка изъ трехъ лицъ: Аксакова, А. Панаева и Перевощикова. Они переводили непереведенныя Карамзинымъ повѣсти Мармонтеля, сочиняли стихами и прозой и взаимно читали другъ другу свои переводы и сочиненія, а съ 1806 г. даже затѣяли особое рукописное изданіе «*Журналъ нашихъ занятій*» съ сентиментальнымъ эпиграфомъ: «Многіе пишутъ для славы, мы пишемъ для удовольствія; пріятная улыбка на устахъ нашихъ товарищей и друзей есть для насъ драгоцѣнный вѣнокъ награды». Но, какъ пустымъ баловствомъ и самоуслажденіемъ былъ и этотъ наивный журналецъ, такъ же мало сколько-нибудь серьезнаго представило и литературное общество подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго намъ уже автора Введенія—Ибрагимова, находившаго, что «Карамзинъ въ цѣломъ для учениковъ гимназіи неприличенъ». Каждую недѣлю по субботамъ собирались члены, студенты и два учителя, и читали свои сочиненія въ прозѣ и стихахъ, причемъ дѣлались исправленія, если сочинитель на это соглашался; споровъ не было никогда, и сочиненія или переводы вписывались въ особую книгу. Замѣчательно, что уже въ это время пятнадцатилѣтній Аксаковъ обнаруживаетъ пристрастіе къ старому слогу и нерасположеніе къ увлеченію Карамзинымъ своего друга Панаева. «Я,

сколько могъ,—говоритъ онъ,—изгонялъ изъ «*Журнала нашихъ занятій*» идиллическое направленіе моего друга и слѣпое подражаніе Карамзину. Я въ то время боролся изо всѣхъ силъ противу этого подражанія, подкрѣпляемый книгою Шишкова «*Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*». Это пристрастіе въ такомъ юномъ возрастѣ къ отсталой литературѣ ложно-классической, изъ коей первымъ писателемъ считалъ Аксаковъ Ломоносова, и особенно къ Шишкову съ его гоненіемъ на Карамзина, встрѣтило горячую симпатію въ «*шишковистѣ*» профессорѣ Городчаниновѣ, очень подружившемся, вслѣдствіе этого, съ такимъ благонравнымъ юношею, но возбудило общія насмѣшки товарищей, которые не давали Аксакову проходу. «Нѣсколько дней сряду—разсказываетъ онъ,—большая часть студентовъ встрѣчала меня низкими поклонами и поздравленіями, что я нашелъ себѣ достойнаго единомышленника, т. е. противника Карамзинскому направленію и обожателя Шишкова; каждый спрашивалъ о здоровьѣ Городчанинова, моего друга и покровителя, давно ли я съ нимъ видѣлся, когда увижусь, и пр. и пр.». Такимъ образомъ, уже въ ранней юности, Аксаковъ оказывается не на сторонѣ прогрессивной части общества, отъ которой шло передовое литературное развитіе Россіи; позади же остался онъ и сорокъ лѣтъ позже, когда повелъ за собою общество Бѣлинскій и др. писатели тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Къ такому, на первый взглядъ, странному въ юношѣ консерватизму, враждебному вѣянію времени, какъ мы видѣли, совершенно естественно и послѣдовательно подготовили Аксакова какъ условія жизни домашней, такъ и воспитаніе въ гимназіи. Произвести же переворотъ въ этой даровитой натурѣ, безъ всякаго почти образованія, не могъ и университетъ, едва вышедшій изъ пеленокъ и мало чѣмъ отличавшійся отъ гимназіи.

Изъ событій жизни Аксакова въ этотъ университетскій періодъ кромѣ увлеченія театромъ и ли-

тературой, выдаются два обстоятельства: во первыхъ, разрывъ съ Карташевскимъ, и во вторыхъ, полученіе родителями наслѣдства отъ двоюродной бабушки, Надежды Ивановны Куроѣдовой.

Какъ ни подчинилъ своей власти и вліянію Карташевскій мальчика, но, по мѣрѣ того, какъ послѣдній обращался въ юношу, это подчиненіе должно было становиться Аксакову тягостнѣе, тѣмъ болѣе, что сухость педагога не могла привязывать къ послѣднему особенно крѣпко. Нѣсколько случаевъ, гдѣ обычная рѣзкость Карташевскаго взорвала юношу, которому шелъ уже шестнадцатый годъ, повела къ быстрому и рѣзкому охлажденію съ обѣихъ сторонъ, и, наконецъ, къ тому, что Карташевскій самъ предложилъ воспитаннику разъѣхаться и поселиться уже одному или со своимъ пріятелемъ Александромъ Панаевымъ, на что, вслѣдствіе резоновъ и обѣщаній воспитателя остаться другомъ Аксаковыхъ, согласилась и мать. Впрочемъ, юношу поселили все-таки не одного, и не съ Панаевымъ, а помѣстили въ пансіонъ адъюнктъ-профессора философіи и логики Левицкаго, человѣка неглупаго, у котораго Аксаковъ прожилъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и осенью 1805 года, когда уже Карташевскаго въ Казани не было, нанялъ себѣ особый флигелекъ, близехонько отъ театра, и «въ первый разъ сталъ вести жизнь независимую и самобытную». Тутъ то на свободѣ и началось болѣе близкое общеніе съ товарищами и занятія литературой, особенно театромъ.

Но самостоятельная жизнь продолжалась недолго. Въ 1806 г. скончалась та самая богатая бабушка, Надежда Ивановна Куроѣдова, къ которой Аксаковъ писалъ почтительныя письма, и, пріѣхавъ на лѣтнюю вакацію къ родителямъ въ деревню, онъ узналъ великій секретъ, сообщенный ему таинственно ночью, когда всѣ уже спали глубокимъ сномъ, что бабушка, умирая, отказала имъ всѣ свои имѣнія и имущество, такъ что теперь они, Аксаковы, богатые люди. Перемѣна состоянія, впро-

чемъ, не произвела на юношу ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ вернулся въ университетъ все тѣмъ же беззаботнымъ, «очень-очень небогатымъ» студентомъ, и даже долго забывалъ сообщить новость своему другу Панаеву. Но родители заговорили о переѣздѣ на зиму въ Казань, на будущій годъ, на зиму-же, въ Москву, а тамъ, лѣтомъ, въ Петербургъ, для опредѣленія сына на службу. Не предполагая, видно, для Аксакова большаго проку отъ казанскихъ наукъ, Карташевскій, служившій чиновникомъ въ Петербургѣ, посовѣтовалъ шестнадцатилѣтняго Сергѣя Тимоѳеевича въ слѣдующемъ, 1807 г. изъ университета взять, обѣщая доставить ему мѣсто въ Комиссіи Составленія Законовъ, къ чему Аксаковъ, впрочемъ, отнесся также довольно равнодушно, призванія къ службѣ никакого не чувствуя. Вскорѣ былъ нанятъ въ Казани большой барскій домъ, куда и переѣхали родители, и гдѣ въ мезонинѣ помѣстился и юноша.

«Наступилъ, — разсказываетъ Аксаковъ,—1807 годъ. Шла рѣшительная война съ Наполеономъ. Впервые учредилась милиція по всей Россіи; молодежь бросилась въ военную службу, и нѣкоторые изъ пансіонеровъ, особенно изъ своекоштныхъ студентовъ, подали просьбы объ увольненіи ихъ изъ университета для поступленія въ дѣйствующую армію, въ томъ числѣ и мой другъ, Александръ Панаевъ съ старшимъ братомъ своимъ, нашимъ лирикомъ, Иваномъ Панаевымъ. Краснѣя, признаюсь, что мнѣ тогда и въ голову не приходило «летѣть съ мечомъ на поле брани», но старшіе казенные студенты, всѣ черезъ годъ назначаемые въ учителя, рвались стать въ ряды нашихъ войскъ, и поприще ученой дѣятельности, на которое они охотно себя обрекали, вдругъ имъ опротивѣло; обязанность прослужить шесть лѣтъ по ученой части—вдругъ показалась имъ несноснымъ бременемъ. Сверхъ всякаго ожиданія, въ непродолжительномъ времени, исполнилось ихъ горячее желаніе: казеннымъ студентамъ позволено было вступать въ военную

службу. Это произошло уже послѣ моего выхода изъ университета. Многихъ замѣчательныхъ людей лишилась наука, и только нѣкоторые остались вѣрны своему призванію».

Въ Январѣ 1807 года подалъ Аксаковъ просьбу объ увольненіи изъ университета для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ, и тотчасъ-же пересталъ ходить на лекціи, но все-таки каждый день ходилъ въ университетъ, проводя все свободное время въ горячихъ бесѣдахъ съ товарищами, причемъ даже разыгрывались иногда совсѣмъ ребячески сцены изъ Шиллеровскихъ *Разбойниковъ:* актера, игравшаго Карла Моора, привязывали въ залѣ, вмѣсто дерева, къ колонкѣ; другой — Швейцеръ, отвязывалъ его, и всѣ клялись умереть за своего атамана.

«Въ мартѣ, — разсказываетъ Аксаковъ, — получилъ я аттестатъ, по истинѣ не заслуженный мною. Мало вынесъ я научныхъ свѣдѣній изъ университета, не потому, что онъ былъ еще очень молодъ, неполонъ и неустроенъ, а потому, что я былъ слишкомъ молодъ и дѣтски увлекался въ разныя стороны страстностью моей природы. Во всю мою жизнь чувствовалъ я недостаточность этихъ научныхъ свѣдѣній, особенно положительныхъ знаній, и это много мѣшало мнѣ и въ служебныхъ дѣлахъ, и въ литературныхъ занятіяхъ».

А между тѣмъ, въ аттестатѣ были прописаны, между прочимъ, такія науки, которыя Аксаковъ зналъ только по наслышкѣ, и какихъ въ университетѣ еще и не преподавали. Этого мало,—въ аттестатѣ было сказано, что въ нѣкоторыхъ «дѣлалъ онъ значительные успѣхи», а нѣкоторыми занимался съ похвальнымъ прилежаніемъ.

VIII.

Три года, съ 1808 по 1811 г., проведенные Аксаковымъ въ Петербургѣ, на службѣ, переводчикомъ въ Комиссіи Составленія Законовъ, куда опредѣлилъ его, какъ обѣщалъ, бывшій его воспитатель, принадлежатъ къ той эпохѣ пробудившейся русской жизни, которую Пушкинъ знаменательно назвалъ «началомъ прекрасныхъ Александровыхъ дней.» Это пробужденіе особенно замѣтно было въ Петербургѣ, гдѣ кипѣла въ то время, вызванная самимъ правительствомъ и патріотическимъ чувствомъ, проснувшемся подъ вліяніемъ наполеоновскихъ войнъ, законодательная дѣятельность, въ просвѣтительномъ смыслѣ, и чрезвычайно оживилась литература путемъ, особенно переводовъ, знакомившая публику съ лучшими историческими, политическими и политико-экономическими сочиненіями, касавшимися разныхъ сторонъ дѣйствительной жизни. Классицизмъ съ дряхлѣвшимъ Державинымъ и Шишковымъ во главѣ, силившимся всячески противодѣйствовать карамзинскому литературному содержанію и языку, доживалъ свои послѣдніе дни; на горизонтъ русской поэзіи уже всходили такія свѣтила, какъ Жуковскій и Батюшковъ, а въ родовомъ помѣстьѣ выросталъ уже геніальный мальчикъ Пушкинъ. Въ обществѣ велись разговоры о реформахъ, обсуждались мѣры и дѣйствія правительства и администраціи, книги серьезнаго содержанія появились въ такихъ домахъ, гдѣ недавно упивались Херасковымъ, Сумароковымъ, Ломоносовымъ, Державинымъ, или произведеніями шаловливой французской музы, и даже какой нибудь невѣжда Онѣгинъ, чтобы не ударить въ грязь лицомъ въ гостиныхъ, обзавелся Адамомъ Смитомъ, и кое что изъ него прочиталъ. Изъ присутственныхъ же мѣстъ того времени Коммиссія Составленія Законовъ сосредоточивала въ себѣ дѣятельность наиболѣе интересную

и живую, особенно когда директоромъ ея былъ сдѣланъ М. М. Сперанскій, придавшій ходу дѣлъ необыкновенное оживленіе.

Но все это просвѣтительное общественное движеніе прошло мимо Аксакова, нисколько не повліявъ на его умственное и общественное развитіе. Не говоря уже о крайней молодости (всего шестнадцать лѣтъ было ему при выходѣ изъ университета) и малой образованности, онъ, не отличаясь любознательностью, въ смыслѣ научномъ, или общественномъ, былъ еще чрезвычайно наивенъ и прекраснодушенъ до полнаго неумѣнья различать людей. Это было какое-то необычайно чистое, цѣломудренное, послушное старшимъ, дитя природы и помѣщичьей семьи, чуждое всякимъ постороннимъ вліяніямъ,— дитя, одаренное самороднымъ, но неразвитымъ умомъ и талантами, никѣмъ не культивированными и здраво не направленными. Можно даже сказать, что у Аксакова вовсе не было юности, той юности, которая, полная избытка жизни, кипучихъ силъ, стремящихся себя чѣмъ нибудь проявить, всей душой предается увлеченіямъ, хотя бы и не совсѣмъ одобряемымъ разсудительной мудростью солидныхъ людей, влюбляется, мечтаетъ перевернуть міръ сообразно идеалу, протестуетъ, становясь на сторону всѣхъ, сочувствующихъ новымъ теченіямъ мысли, ошибается и платится за свои ошибки; бросается на все новое, въ искусствѣ, наукѣ,—словомъ, живетъ полною жизнью, чтобы, перебродивъ, остепениться и уже прочно и сознательно выбрать себѣ опредѣленную дѣятельность по сердцу.

Этой то юности у Аксакова и не было, а было только одно дѣтство, продолжавшееся довольно долго, потомъ прямо перешедшее въ спокойную зрѣлость, а тамъ и старость, живущую, кромѣ настоящаго, сладкими грезами о годахъ этого невозвратнаго прошедшаго, милаго, дѣтства.

Развѣ не настоящимъ дѣтствомъ отзываются эти школьническія, ребяческія выходки, правду сказать, даже довольно нехорошаго свойства, какъ

напр., мистификація, продѣланная надъ своимъ знакомымъ, весьма почтеннымъ старикомъ мартинистомъ Романовскимъ и цѣлымъ кружкомъ массоновъ съ извѣстнымъ Лабзинымъ во главѣ, поддѣлкою несуществующей мистической рукописи, яко бы написанной передъ смертью сумашедшимъ самоубійцей Вольфомъ (*Встрѣча съ мартинистами*); или подзадориваніе чудака Шишкова испортить драгоцѣнный альбомъ дѣвицы Турсуковой, исписанный французскими автографами разныхъ знаменитостей русскихъ и иностранныхъ.

Вотъ вслѣдствіе всѣхъ этихъ-то, сейчасъ приведенныхъ соображеній относительно характера нашего писателя въ молодые годы, и произошло съ нимъ слѣдующее. Пріѣхавъ въ 1808 году въ Петербургъ, вмѣстѣ со своими родителями, съ которыми онъ и прожилъ до ихъ отъѣзда цѣлыхъ полтора мѣсяца, Аксаковъ, сдѣлавъ въ мундирѣ необходимые визиты къ ближайшимъ знакомымъ родителей, въ первый же день отправился къ извѣстному тогда актеру Я. Е. Шушерину, къ которому у него было рекомендательное письмо отъ нѣкоего московскаго театральнаго мецената купца Какуева. Шушеринъ, рисующійся по воспоминаніямъ самого Аксакова, человѣкомъ довольно узкимъ по развитію внѣ своей спеціальности, малообразованнымъ, мелко самолюбивымъ, двуличнымъ и искательнымъ, заинтересовался талантомъ юнаго студентика, для него не безполезнаго по своимъ связямъ и положенію, и сталъ проводить съ нимъ цѣлые вечера, особенно, когда родители уѣхали, и Аксаковъ переѣхалъ съ младшимъ братомъ на особую квартиру, по близости къ Шушерину. Кромѣ воскресеній, въ которыя Аксаковъ обѣдалъ у Романовскихъ, старыхъ знакомыхъ отца, по крайней мѣрѣ до знакомства съ Шишковымъ, послѣдовавшаго позже, у этого Шушерина, или въ театрѣ, онъ проводитъ буквально все, свободное отъ службы, время; такъ что внѣ интересовъ чисто театральныхъ со всѣми сплетнями и мелочью, нѣтъ у Аксакова рѣшительно

накакихъ другихъ. Шушеринъ слушаетъ декламацію юноши, учитъ его читать и играть, самъ приводитъ его въ восторгъ своимъ чтеніемъ, ходитъ съ нимъ въ театръ смотрѣть знаменитую Жоржъ, игру которой оба потомъ разбираютъ; знакомитъ его съ другими актерами,—словомъ, въ лицѣ своемъ представляетъ Аксакову, такъ сказать, цѣлую театральную академію, но довольно таки узенькаго характера: по крайней мѣрѣ, изъ воспоминаній нигдѣ не видно, чтобы здѣсь трактовалось о чемъ нибудь, что выходило бы изъ круга ложноклассическаго репертуара или сентиментальной «*коцебятины*». И если Аксаковъ и пріобрѣлъ отъ Шушерина познанія въ декламаціи и сценическомъ искусствѣ, несомнѣнно развившіяся въ молодомъ человѣкѣ подъ вліяніемъ талантливаго артиста, то съ величайшими драматургами, какъ Шекспиръ, Лессингъ, Шиллеръ и др., тѣмъ болѣе древними, Шушеринъ, по своему малому образованію, познакомить его не могъ. Замѣчательно еще то обстоятельство, что Шушеринъ, какъ трагикъ, повидимому, почти не обращалъ вниманія на комедію, такъ что Аксаковъ мало могъ ознакомиться даже съ Мольеромъ, и держался на репертуарѣ пьесъ неестественныхъ, приподнятыхъ по тону и языку.

Единственный домъ, гдѣ, до знакомства съ Шишковымъ, Аксаковъ бывалъ по воскресеньямъ, былъ домъ давнишняго уфимскаго знакомаго его родителей идеально-честнаго, суроваго старика, начальника хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ, статскаго генерала, мартиниста Романовскаго, которому, кажется, родители поручили особый надзоръ надъ нравственностью сына. Домъ этотъ, чуждый интересовъ дня, и жившій тѣсной семейною жизнью и интересами масонскими, былъ довольно скучный и очень не нравился Аксакову, особенно, когда старикъ вздумалъ исподоволь посвящать юношу въ масонскую литературу, чтобы сдѣлать его своимъ прозелитомъ. Впрочемъ, юноша не мало убилъ времени на домашнее чтеніе мистическаго вздора

въ родѣ *Путешествія младшаго Костиса, Приключеній по смерти* и *Сіонскаго Вѣстника*, но такъ какъ и вообще, по собственному его признанію, «трудъ и сухость отвлеченной мысли были ему скучны и тяжелы», то тѣмъ болѣе опротивѣли ему эти книги, гдѣ онъ ровно ничего не понималъ. Познакомилъ было Аксакова Романовскій съ главой мартинистовъ Лабзинымъ, которому семнадцатилѣтній юноша, не замедлившій съ перваго-же разговора о литературѣ «высказать съ горячностью свое русское направленіе въ словесности и вообще въ образѣ мыслей», очень понравился, но знакомство это вскорѣ прекратилось, такъ какъ нехорошая, хотя и неоткрывшаяся, шутка надъ обласкавшими Аксакова стариками, Лабзинымъ и Романовскимъ, а также и сближеніе съ Шишковымъ, почти прекратила посѣщеніе этого дома Аксаковымъ, которому въ глубинѣ души очень было стыдно за свой поступокъ.

Но особенно характерно въ такомъ юношѣ сближеніе со старикомъ А. С. Шишковымъ, поглотившее все внѣслужебное время Аксакова. Любопытно и самое начало знакомства. «Не имѣя никакой протекціи и даже почти никакого знакомства въ Петербургѣ,—разсказываетъ авторъ Воспоминаній,—я попалъ на службу, единственно благодаря Карташевскому, также служившему въ Коммиссіи. Я жилъ въ Петербургѣ уединенно также, какъ и въ университетѣ, мало встрѣчая сочувствія къ моимъ убѣжденіямъ и обнаруживая ихъ еще менѣе. Я видался только съ Шушеринымъ, и въ нашихъ бесѣдахъ преимущественно дѣло шло о театрѣ и сценическомъ искусствѣ». Служилъ Аксаковъ уже полгода, но не сошелся ни съ кѣмъ изъ сослуживцевъ. Повидимому, юноша былъ забытъ, занимаясь переводами съ французскаго бумагъ своего недалекаго начальника нѣмца Розенкампфа, при которомъ и коммиссія-то сама едва не была забыта. Но вотъ директоромъ назначили знаменитаго Сперанскаго, и дѣло закипѣло. Аксакова причислили къ пись-

моводству. «Это передвиженіе, — говоритъ онъ,— было для меня счастливымъ событіемъ». Можно подумать, что самолюбіе молодаго человѣка было этимъ польщено; что ему представилась впереди дѣятельность болѣе производительная, чѣмъ переводъ нелѣпыхъ бумагъ,—ничуть не бывало. Онъ познакомился съ первымъ и единственнымъ изъ сослуживцевъ Александромъ Ивановичемъ Казначеевымъ. Услышавъ разъ на службѣ, какъ тотъ очень рѣзко бранилъ школу карамзинскихъ послѣдователей и критиковалъ переписываемую имъ бумагу Сперанскаго за иностранныя слова и обороты:— «Меня такъ и обняло,—восклицаетъ черезъ пятнадцать лѣтъ писатель, — чѣмъ-то роднымъ, такъ и повѣяло духомъ Шишкова». Для объясненія такого пристрастія Аксакова къ этому своеобразному руссофилу и поклоннику русскаго народа, которому Шишковъ отказывалъ въ просвѣщеніи и напечаталъ впослѣдствіи, что мужику не нужно знать грамотѣ, позволимъ себѣ привести весьма характерную выписку изъ воспоминаній.

«Въ 1806 году я былъ своекоштнымъ студентомъ Казанскаго университета. Мнѣ только-что исполнилось пятнадцать лѣтъ. Несмотря на такую раннюю молодость, у меня были самостоятельныя и, надо признаться, довольно дикія, убѣжденія; напримѣръ: я не любилъ Карамзина и, съ дерзостью самонадѣяннаго мальчика, смѣялся надъ слогомъ и содержаніемъ его мелкихъ прозаическихъ сочиненій! Я терпѣлъ жестокія гоненія отъ товарищей, которые всѣ были безусловными поклонниками и обожателями Карамзина. Въ одно прекрасное утро, передъ началомъ лекціи (т. е. до восьми часовъ), входилъ я въ спальныя комнаты казенныхъ студентовъ. Вдругъ поднялся шумъ и крикъ: «Вотъ онъ, вотъ онъ!» и толпа студентовъ окружила меня. Всѣ въ одинъ голосъ осыпали меня насмѣшливыми поздравленіями, что «нашелся такой-же уродъ, какъ я и профессоръ Городчаниновъ, лишенный отъ природы вкуса и чувства

къ прекрасному, который ненавидитъ Карамзина и ругаетъ эпоху, произведенную имъ въ литературѣ; закоснѣлый славянороссъ, старовѣръ и гасильникъ, который осмѣлился напечатать свои старозавѣтныя остроты и насмѣшки, и надъ кѣмъ-же? Надъ Карамзинымъ, надъ этимъ геніемъ, который пробудилъ къ жизни нашу тяжелую, сонную словесность!...» Народъ былъ молодой, горячій и почти каждый выше и старше меня: одинъ обвинялъ, другой упрекалъ, третій возражалъ, какъ будто на мои слова, прибавляя: «а, ты теперь думаешь, что ужъ твоя взяла!» или: «а, ты теперь, пожалуй, скажешь: вотъ вамъ доказательство!» и проч. и проч. Изумленный и даже почти испуганный, я не говорилъ имъ ни слова, и, несмотря на то, чуть-чуть не побили меня за дерзкія рѣчи. Я не скоро могъ добиться, въ чемъ состояло дѣло. Наконецъ, загадка объяснилась: наканунѣ вечеромъ, одинъ изъ студентовъ получилъ книгу Александра Семеновича Шишкова: «*Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*», которую читали вслухъ, напролетъ всю ночь, и только-что кончили, и которая привела молодежь въ бѣшенство. Вспомнили сейчасъ обо мнѣ, вообразили, какъ я этому обрадуюсь, какъ подниму носъ,—и весь гнѣвъ съ Шишкова упалъ на меня. Среди крика и шума, по счастью, раздался звонокъ, и всѣ поспѣшили на лекціи, откуда я ушелъ домой обѣдать. Послѣ обѣда я прошелъ прямо въ аудиторію, а въ шесть часовъ вечера, не заходя къ студентамъ, что прежде всегда дѣлалъ, отправился домой. Въ продолженіе сутокъ буря утихла, и на другой день никто не нападалъ на меня серьезно. Я выпросилъ почитать книгу Шишкова у счастливаго ея обладателя, и черезъ мѣсяцъ выписалъ ее изъ Москвы, и также «Прибавленіе къ разсужденію о старомъ и новомъ слогѣ». Эти книги совершенно свели меня съ ума. Пятнадцатилѣтнему юношѣ пріятно увидѣть подтвержденіе собственныхъ мнѣній, которыя, до тѣхъ поръ, никѣмъ не уважались, надъ

которыми смѣялись всѣ, и которыя часто поддерживалъ онъ самъ уже изъ одного упрямства: точно въ такомъ положеніи находился и я. Можно себѣ представить, какъ я обрадовался книгѣ Шишкова, человѣка уже немолодаго, достопочтеннаго адмирала, извѣстнаго писателя по ученой морской части, сочинителя и переводчика «Дѣтской библіотеки», которую я еще въ ребячествѣ выучилъ наизусть! Разумѣется, я призналъ его неопровержимымъ авторитетомъ, мудрѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ людей! Я увѣровалъ въ каждое слово его книги, какъ въ святыню!... Русское мое направленіе и враждебность ко всему иностранному укрѣпились сознательно, и чувство національности выросло до исключительности. Я не смѣлъ обнаружить ихъ вполнѣ, встрѣчая во всѣхъ товарищахъ упорное противодѣйствіе, и долженъ былъ хранить мои убѣжденія въ глубинѣ души, отчего они, въ тишинѣ и покоѣ, достигли огромныхъ и неправильныхъ размѣровъ».

Бойкій человѣкъ, порицавшій Сперанскаго, оказался племянникомъ Шишкова, такимъ-же отчаяннымъ славянофиломъ, чуть не молящимся на своего дядю. Этого одного было достаточно для того, чтобы между молодыми людьми черезъ нѣсколько часовъ былъ заключенъ вѣчный союзъ братской дружбы, и на другой день Казначеевъ уже повелъ Аксакова представляться главѣ славянофиловъ, который остался очень доволенъ юношей и пригласилъ его бывать запросто.

Необыкновенно любопытно читать, видимо, съ особенной любовью, до мелкихъ подробностей, обработанную Аксаковымъ, едва-ли не лучшую въ Воспоминаніяхъ, статью о Шишковѣ. Съ какою неподражаемой наивностью повѣствуетъ авторъ о своемъ предвкушеніи встрѣчи съ «такимъ великимъ человѣкомъ, о первомъ свиданіи и о всѣхъ дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ этого дома, сдѣлавшагося Аксакову совсѣмъ роднымъ, о своей особенной близости именно по отношенію къ одному

только главѣ семейства, которое своего главу мало уважало и надъ нимъ подсмѣивалось; съ какимъ добродушно-снисходительнымъ, шутливымъ юморомъ описываетъ Аксаковъ всѣ изумительныя чудачества и оригинальности Шишкова, который остался и до старости близокъ аксаковскому сердцу. И смѣшно, и больно читать о томъ, какъ этотъ семнадцатилѣтній юноша, хранящій въ себѣ такіе таланты, и сценическій, и литературный, такую артистическую горячность души, душевную чистоту, почти нетронутую зломъ натуру, въ эту живую эпоху лучшихъ александровскихъ дней, когда все, что мыслило и чувствовало, зажило такою полною жизнью, свое дорогое время отдаетъ впадавшему въ ребячество старику, услаждая его декламаціей Ломоносовскаго Петра Великаго, виршъ Шихматова и т. п. прелестей, безконечными бесѣдами и толкованіями наединѣ, на смѣхъ семьи и знакомыхъ, о славянскихъ корняхъ, или ублажая старика своей собственной декламаціей и разыгрываньемъ передъ его гостями спектаклей. И такъ продолжается цѣлыхъ два съ половиною года! Всѣ эти пустяки, и только они одни, и составляютъ все содержаніе трехлѣтней петербургской жизни Аксакова. Бросая службу и уѣзжая къ родителямъ въ деревню въ 1811 году, уже двадцатилѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, Аксаковъ не вынесъ изъ столицы, откуда шло въ то время просвѣщеніе, ровно ничего, относящагося къ расширенію своего умственнаго кругозора: никакихъ положительныхъ знаній, ни сближенія съ живыми людьми, никакого житейскаго опыта. Это былъ тотъ-же наивный студентъ, только пріобрѣтшій уже въ обществѣ извѣстность талантливаго актера-любителя и декламатора.

IX.

Если до выхода Аксакова въ отставку, т. е. до 1811 г., мы находимъ въ Дѣтскихъ годахъ и болѣе цѣльныхъ и обработанныхъ статьяхъ (Я. Е. Шушеринъ, Встрѣча съ мартинистами, Воспоминанія объ А. С. Шишковѣ) весьма подробную автобіографію, дающую такой обстоятельный матеріалъ біографическій, какого нѣтъ у насъ ни для одного писателя, то нельзя сказать того-же о *Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ*, обнимающихъ періодъ съ 1812 по 1830 годъ. Эти воспоминанія, отрывочныя, часто мелочныя и случайныя, интересныя, главнымъ образомъ, для историка русскаго театра и тогдашняго общества, ярко рисуютъ пустоту какъ того московскаго литературнаго и театральнаго круга, куда попалъ Аксаковъ, благодаря Шушерину, такъ, къ сожалѣнію, и крайне пустую жизнь самого писателя, которому привелось вращаться въ такомъ ничтожномъ обществѣ всю свою молодость и дальнѣйшую жизнь до тридцатыхъ годовъ, когда уже подросъ его любимый старшій сынъ Константинъ, и Аксаковъ познакомился съ Гоголемъ.

Пробывъ, по выходѣ въ отставку, нѣкоторое время въ деревнѣ, Аксаковъ появляется въ Москвѣ въ началѣ 1812 года и тотчасъ же, черезъ старика актера Шушерина, также перебравшагося въ Москву, знакомится съ цѣлымъ рядомъ московскихъ литераторовъ: Шатровымъ, Николевымъ, Ильинымъ, Кокошкинымъ, Сергѣемъ Глинкой, Вельяшевымъ-Волынцевымъ, Ивановымъ и др. «Если исключить взбалмочнаго, но добродушнаго и симпатичнаго Глинку,—говоритъ единственный, болѣе подробный біографъ Аксакова, С. А. Венгеровъ, которымъ мы позволимъ себѣ воспользоваться для обрисовки этого періода,—то всѣ остальные, только что названные, писатели, помимо ихъ совершен-

наго умственнаго и нравственнаго ничтожества, были еще и люди крайне пошлые, лѣзшіе въ аристократы и знать, къ которой они на самомъ дѣлѣ не принадлежали. Преданные пустѣйшимъ забавамъ и развлеченіямъ, они были къ тому же помѣшаны на совершенно ложномъ представленіи о своемъ воображаемомъ высокомъ значеніи. Когда читаешь воспоминанія обо всѣхъ этихъ ничтожностяхъ, составлявшихъ однако въ то время, едва-ли, не большую часть всей тогдашней «*литературы*», то нельзя не согласиться съ Бѣлинскимъ въ его первой статьѣ *Литературныя мечтанія*, «что собственно никакой настоящей литературы, какъ серьезной общественной силы, до «*Горе отъ ума*» у насъ и не было».

Но до какой степени въ то время были дѣтски понятія о литературѣ у Аксакова, и на сколько былъ испорченъ его вкусъ, видно уже изъ того, что какой-нибудь жалкій Николевъ, признаваемый своими пріятелями «*безсмертнымъ*», возбуждалъ его серьезное вниманіе, и Аксаковъ даже находилъ «*сильными*» такія, напримѣръ, чудовищныя вирши изъ трагедіи Николева «Малекъ-Адель»:

Блисталъ конь бѣлъ подъ нимъ, какъ снѣгъ Атландскихъ горъ;
Стрѣла летяща—бѣгъ, свѣча горяща—взоръ,
Дыханье—дымъ и огнь, грудь и копыта—камень,
На немъ Малекъ-Адель, или сраженій пламень.

Какъ «безсмертный» Николевъ, такъ и всѣ другіе, высоко мнившіе о себѣ, писатели, приняли Сергѣя Тимоѳеевича очень ласково, и вскорѣ у всѣхъ нихъ сдѣлался онъ своимъ человѣкомъ. Причина такого сближенія съ молодымъ человѣкомъ, кромѣ наивнаго прекраснодушія и руссофильскаго направленія юноши, заключалась, главнымъ образомъ, все въ той же декламаціи. Впрочемъ, въ это время Аксаковъ сталъ уже и пописывать, и заявилъ себя въ этомъ кругу литераторомъ, переведя въ неуклюжихъ александрійскихъ стихахъ для бенефиса Шушерина ультраложно-классическую пе-

редѣлку Лагарпа знаменитой Софокловской трагедіи «Филоктетъ».

Время нашествія Наполеона и слѣдующіе два года провелъ Сергѣй Тимоѳеевичъ въ деревнѣ у родителей, предаваясь своимъ любимымъ занятіямъ, рыбной ловлѣ и охотѣ. Въ 1812 году онъ записался было вмѣстѣ со своимъ отцомъ въ милицію, но такъ изъ деревни и не выѣзжалъ. Чрезвычайно характерно, что даже такое событіе, какъ нашествіе Наполеона и его изгнаніе изъ Россіи, повидимому, не произвело ровно никакого впечатлѣнія на Сергѣя Тимоѳеевича, который нѣсколько разъ въ своихъ сочиненіяхъ говоритъ о своемъ именно «*русскомъ*» патріотическомъ направленіи. Въ его воспоминаніяхъ, гдѣ обстоятельно разсказывается буквально о всякомъ пустякѣ, для событій отечественной войны, какъ и для всѣхъ остальныхъ явленій отечественной жизни, мѣста не нашлось». До какой же степени этотъ, такой молодой еще, человѣкъ былъ погруженъ въ декламацію, всякіе мелко-литературные и театральные кружковые интересы и охоту въ глуши деревенскаго приволья!

Годы 1814 и 1815 Аксаковъ проводитъ то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ ему удается близко сойтись съ уже дряхлымъ, впадавшимъ въ дѣтство, Державинымъ, знакомству съ которымъ посвящается особая статья, весьма любопытная какъ по живому изображенію дряхлаго пѣвца Екатерины, такъ и по отношенію къ личности двадцатичетырехлѣтняго Аксакова. Здѣсь тоже, какъ и въ воспоминаніяхъ о Шишковѣ, слѣпое поклоненіе состарѣвшемуся авторитету со стороны молодаго человѣка, благоговѣющаго даже передъ чудачествами старика; все таже, продолжавшаяся почти сплошь цѣлый мѣсяцъ, декламація, которой Державинъ наконецъ совсѣмъ измучилъ Аксакова, да измучился, упиваясь слушаніемъ своихъ трагедій и самъ маститый поэтъ, такъ что его супруга, опасаясь за жизнь мужа, была наконецъ вынуждена «нѣсколько встревоженно, но учтиво и ласково просить и

умолять молодаго человѣка» нѣсколько времени не ходить къ больному, или ходить, но не читать подъ какимъ нибудь предлогомъ.» «А всего лучше, прибавила она, скажитесь больнымъ. Если онъ васъ увидитъ, то начнетъ такъ приставать, что трудно будетъ отказать ему.» Поздно спохватившійся Аксаковъ, конечно, поспѣшилъ прекратить свои посѣщенія, но исторія возбудила въ обществѣ не мало смѣха. «Говорили,—разсказываетъ Аксаковъ,—что я «*зачиталъ*» старика, и самъ «*зачитался*», и что мы оба принуждены были не шутя лечиться. Молва подхватила это простое событіе, и распустила по городу съ обычными украшеніями. Я самъ послѣ слышалъ, какъ разсказывалъ одинъ господинъ, что «какой то пріѣзжій сумашедшій декламаторъ и сочинитель едва не уморилъ старика Державина чтеніемъ *своихъ* сочиненій, и что наконецъ принуждены были черезъ полицію вывести чтеца сочинителя изъ дома Державина и отдать на излеченіе частному лекарю.»

X.

Въ 1816 году произошло событіе, повліявшее на всю послѣдующую сорока двухъ лѣтнюю жизнь Сергѣя Тимоѳеевича, въ смыслѣ образованія изъ него счастливаго семьянина, вѣрнаго и нѣжнаго мужа и образцоваго отца. Въ этотъ годъ онъ женился на дочери Екатерининскаго генерала, Ольгѣ Семеновнѣ Заплатиной, и черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, происходившей въ Москвѣ 2-го Іюня въ церкви Симеона Столпника на Поварской, поѣхалъ, по тогдашнему обычаю, *на долгихъ*, вмѣстѣ съ молодою женою въ заволжскую вотчину своего отца, Тимофея Степановича, извѣстную читателямъ «Семейной хроники» подъ именемъ Новаго Багрова. Настоящее же имя ея—село Знаменское или Ново—

Аксаково. Въ этомъ то селѣ, еще не отдѣленный отъ родителей по имѣнію, и поселился Аксаковъ безвыѣздно на цѣлыхъ пять лѣтъ вмѣстѣ съ женой, отцомъ и матерью.

Супруга Аксакова была женщина выдающаяся какъ по обстоятельствамъ своей жизни, такъ и по уму и характеру. Ея отецъ, небогатый курскій помѣщикъ, отличался, по словамъ сына Аксакова, Ивана Сергѣевича, замѣчательными достоинствами. Онъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ во всѣхъ походахъ Суворова, былъ при осадѣ Очакова, и имѣлъ георгіевскій крестъ; при Императорѣ Павлѣ командовалъ полками своего имени и вышелъ въ отставку Генералъ-Маіоромъ. При Александрѣ I, во время войны съ Наполеономъ, онъ командовалъ ополченіемъ. Его жена, мать Ольги Семеновны, была турчанка, Игель-Сюма, взятая 12-ти лѣтъ при осадѣ Очакова и ведшая свой родъ отъ самого Магомета. При Екатеринѣ плѣнные турки и турчанки размѣщались по обывателямъ, и Игель-Сюма попала въ семейство генерала Воинова, гдѣ ее окрестили и обучили русской грамотѣ по особому руководству съ текстами турецкимъ и русскимъ, составленному при Екатеринѣ II для плѣнныхъ турокъ. Въ эту то Игель-Сюму, окрещенную Маріей, необыкновенную красавицу, и влюбился молодой офицеръ Заплатинъ, и вскорѣ женился на ней. Но, стосковавшись по родинѣ, она умерла тридцати лѣтъ. У нея было четверо дѣтей, изъ которыхъ двое умерли еще въ дѣтствѣ: Ольга же, впослѣдствіи жена Сергѣя Тимоѳеевича, родилась въ 1792 году, во время похода въ Польшу, куда супруга сопровождала мужа.

Овдовѣвъ и поселившись въ деревнѣ, Заплатинъ взялъ свою старшую дочь, Ольгу, изъ пансіона, и она стала его товарищемъ, секретаремъ и другомъ. «Въ обществѣ стараго воина, разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, она почерпнула особый духъ доблести, рѣзко отличавшій ее отъ другихъ женщинъ и впослѣдствіи отъ ея мужа, Сергѣя Тимо-

ѳеевича, столь равнодушнаго къ политическимъ интересамъ родины. Она постоянно читала отцу историческія сочиненія, напр. исторію Ролленя въ переводѣ Тредьяковскаго, описаніе всякихъ походовъ, сраженій и т. п. Неумолимость долга, цѣломудренность, поразительная въ женщинѣ, имѣвшей 14 человѣкъ дѣтей, отвращеніе отъ всего грязнаго, сальнаго, нечистаго, суровое пренебреженіе ко всякому комфорту, правдивость, доходившая до того, что она не могла позволить сказать, что ея нѣтъ дома, когда она была дома, презрѣніе къ удовольствіямъ и забавамъ, чистосердечіе, строгость къ себѣ и ко всякой человѣческой слабости, негодованіе, рѣзкость суда, при этомъ пылкость и живость души, любовь къ поэзіи, стремленіе ко всему возвышенному, отсутствіе всякой пошлости, всякой претензіи,—вотъ отличительныя свойства этой замѣчательной женщины.»

Одного не было въ ней того, что зовется житейской мудростью: въ свѣтѣ казалась она наивною по своей неспособности къ лицемѣрію и двоедушію. Никогда не могла она скрыть ни своихъ симпатій, ни антипатій. Благоговѣйно покорялась она мужней волѣ; но, когда дѣло шло для нея о нравственномъ началѣ, мужъ долженъ былъ склониться передъ ней: не то, чтобы она только не хотѣла, но она не могла дѣйствовать вопреки своему убѣжденію. Любимыми историческими героями этой женщины были Муцій Сцевола и Корнелія, мать Гракховъ.

При этомъ она вся принадлежала русскому быту. Русскіе обычаи, особенно церковные, говѣнье, посты, семейныя встрѣчи праздниковъ, приготовленіе четверговой соли, русская широкая и хлѣбосольная кухня, русская природа, исторія,—все это было для нея дорогое, родное, близкое. Гостепріимная и общительная, она не только не отдаляла отъ мужа гостей, но очень ихъ любила и съумѣла впослѣдствіи придать своему дому характеръ особенной привлекательности для всякаго, кто бы хоть разъ побывалъ у Аксаковыхъ.

Вотъ какой супругой надѣлила судьба двадцатишестилѣтняго Сергѣя Тимоѳеевича, который ей, этой Ольгѣ Семеновнѣ, обязанъ не только столь долгимъ тихимъ семейнымъ счастьемъ, но, какъ намъ кажется, отчасти и той высокой, честной, безупречной жизнью, которая снискала ему всеобщее уваженіе. Страстный актеръ, страстный охотникъ, страстный игрокъ въ карты, въ высшей степени увлекающаяся художественная натура, Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ, по словамъ его сына Ивана Сергѣевича, подверженъ всѣмъ слабостямъ страстнаго человѣка и, забывая весь міръ въ припадкахъ своихъ увлеченій, не зналъ въ нихъ удержу, и, Богъ знаетъ, куда бы привели его эти послѣднія. Она во время съумѣла привязать его къ дому, любовью и лаской сдерживать его порывы и направлять ихъ по своему. Уже женатый, онъ цѣлые дни проводилъ на охотѣ, цѣлыя ночи просиживалъ за картами; но, зная за собой слабости, все-таки во время сдерживался, боясь оскорбить жену, всегда оставался смиреннаго о себѣ мнѣнія, безъ гордости къ ближнему полонъ мягкой снисходительности и всепрощенія.

Въ деревнѣ, въ родительскомъ домѣ, прожилъ Сергѣй Тимоѳеевичъ безвыѣздно пять лѣтъ. Уже въ 1817 году 29 Марта родился у него сынъ Константинъ, и Сергѣй Тимоѳеевичъ страстно отдается новому чувству отца и почти буквально замѣняетъ для своего сына-первенца няньку,—такъ что ребенокъ засыпаетъ не иначе, какъ подъ отцовское баюканье. Этотъ сынъ сталъ особеннымъ любимцемъ и матери, выучившей его читать по четвертому году. «Семья,—разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, котораго *«Очеркомъ семейнаго быта Аксаковыхъ»* мы и пользуемся,—ежегодно прибавлялась. Помѣщеніе было въ высшей степени тѣсно и неудобно и въ матерьяльномъ, и въ нравственномъ отношеніи. Особенно тяготилась этимъ Ольга Семеновна. Бытъ заволжскаго средняго дворянства представлялся ей гораздо грубѣе южнорусска-

го. Неопрятность, нелюбовь свекра и свекрови къ цвѣтамъ и зелени, совершенное равнодушіе къ интересамъ общественнымъ томили ее. Нѣкогда блистательная, страстная, свекровь ея, Марья Николаевна, превратилась въ старую, болѣзненную, мнительную и ревнивую женщину, до конца жизни мучимую сознаніемъ ничтожности своего супруга, и въ тоже время ко всѣмъ его ревновавшую, ибо она чувствовала, что онъ ея только боится, но что сердце его она уже утратила. Даже такъ страстно любимый сынъ Сереженька былъ разлюбленъ ею, какъ скоро онъ женился. Оба старика чувствовали, что сынъ вышелъ изъ ихъ среды. Въ домѣ всѣ боялись только одной Марьи Николаевны, и главою дома была она».

Въ 1821 году Тимоѳей Степановичъ согласился, наконецъ, выдѣлить сына Сергѣя, у котораго было тогда уже четверо дѣтей, и назначилъ ему въ вотчину село Надеждино, въ Белебейскомъ уѣздѣ, Оренбургской губерніи, во ста верстахъ отъ Новаго Аксакова. Это было то самое имѣніе, доставшееся Аксаковымъ отъ Н. И. Куроѣдовой, гдѣ нѣкогда буйствовалъ и былъ отравленъ ея мужъ, выставленный въ «Семейной хроникѣ» подъ именемъ Куролесова. Но прежде, чѣмъ переѣхать туда, Сергѣй Тимоѳеевичъ отправился съ женой и дѣтьми въ Москву, гдѣ и провелъ зиму 1821 года.

Въ Москвѣ онъ сейчасъ же возобновилъ знакомства съ пріятелями, весь отдавшись обществу, литературѣ и театру, и мигомъ окружился множествомъ друзей и пріятелей, старыхъ и новыхъ. Въ тѣсной его квартирѣ, на Сѣнной Смоленской площади (гдѣ у него весною 1822 года родилась еще дочь), толпились съ утра до вечера гости, производились чтенія, твердились роли, играли въ карты. Его тогдашними посѣтителями были: не въ мѣру превознесенный друзьями водевилистъ А. И. Писаревъ, Верховцевъ, добродушный чудакъ Загоскинъ, Дмитріевъ, еще воспитанникъ театральнаго училища

Н. Ф. Павловъ, Шаховской, Кокошкинъ и многіе другіе.

Лѣтомъ 1822 г. Аксаковъ опять отправился съ семействомъ въ Оренбургскую губернію, уже въ свое Надеждино, и прожилъ тамъ ради экономіи безвыѣздно до осени 1826 года, въ семи верстахъ отъ городишка Белебея. Въ Надеждинѣ, гдѣ 26 сентября 1823 г. родился другой знаменитый сынъ Сергѣя Тимоѳеевича, Иванъ Сергѣевичъ, рядомъ съ неизбѣжной охотой и картами, бывали часто и чтенія, при которыхъ присутствовалъ и малютка Константинъ, обнаруживший рано большія способности и, подобно отцу, литературныя наклонности. Но росъ Константинъ Сергѣевичъ, какъ и его отецъ, на произведеніяхъ нашихъ старыхъ писателей. Когда минуло Константину восемь лѣтъ, отецъ подарилъ ему въ богатомъ переплетѣ томъ стихотвореній Дмитріева, и по этой книгѣ, которую мальчикъ зналъ скоро наизусть, Ольга Семеновна учила дѣтей своихъ:

Мои сыны, любимцы славы,
Красивы, горды, величавы.

или:

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ съискать?

Такъ, въ охотѣ, картахъ, чтеніи и воспитаніи дѣтей протекала жизнь Аксаковыхъ въ Надеждинѣ, откуда изрѣдка ѣзжалъ Сергѣй Тимоѳеевичъ за сто верстъ *объѣдать* къ своей матери. Посѣщали, впрочемъ, ихъ и несчастія. Такъ, отъ неосторожности сгорѣлъ домъ, умерло трое дѣтей, но зато и родилось за это время четверо. Имѣя средства весьма скромныя, задумалъ было С. Т. заняться хозяйствомъ, но это было уже совсѣмъ не его дѣло, и всѣ, повидимому, самыя выгодныя, его спекуляціи, кончались ничѣмъ. Не смотря на всѣ выгоды, которыя представляло устройство винокуреннаго завода, къ чему очень подбивали его сосѣди, взяться за это дѣло Сергѣй Тимоѳеевичъ не хотѣлъ, и, убѣдившись

окончательно въ своей хозяйственной неспособности, порѣшилъ искать службы въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что дѣти уже подростали, и ихъ надобно было учить. И вотъ въ августѣ 1826 года Сергѣй Тимоѳеевичъ простился съ деревней навсегда. Съ тѣхъ поръ по годъ своей кончины, въ 1859 году,— слѣдовательно, въ теченіе цѣлыхъ тридцати трехъ лѣтъ, онъ бывалъ въ Надеждинѣ только наѣздомъ всего три раза.

XI.

Въ сентябрѣ 1826 года Сергѣй Тимоѳеевичъ, вмѣстѣ съ женой и шестью дѣтьми, изъ которыхъ было четыре сына, пріѣхалъ въ Москву какъ разъ къ празднествамъ коронаціи. Къ этому же времени прибылъ въ Москву изъ Петербурга Александръ Семеновичъ Шишковъ, въ то время уже Министръ Народнаго Просвѣщенія. Явившись къ нему, и очень имъ обласканный, Аксаковъ откровенно разсказалъ о своихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, и прямо заявилъ, что ему нужно мѣсто въ Москвѣ съ порядочнымъ содержаніемъ, указывая при этомъ на новый особый Цензурный Комитетъ и хорошее цензорское жалованье. Въ первый визитъ свой къ Шишкову Аксаковъ, впрочемъ, прямо о себѣ не просилъ, а ограничился только вопросомъ, кого Шишковъ имѣетъ на мѣсто цензора ввиду. Недогадливый Шишковъ отвѣчалъ, что охотниковъ много, и что онъ и самъ не знаетъ, кого назначить. Такъ, на этотъ разъ, Аксаковъ уѣхалъ ни съ чѣмъ и, пріѣхавъ къ министру дня черезъ два, уже прямо попросилъ себѣ цензорскаго мѣста. Шишковъ былъ очень радъ и отвѣчалъ: «Почему же нѣтъ? Лучшаго цензора я желать не могу. Въ твоихъ правилахъ я увѣренъ, какъ въ моихъ собственныхъ,» —и тот-

часъ же назначилъ Аксакова цензоромъ, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Это цензорство, продолжавшееся съ начала 1827 года цѣлыхъ шесть лѣтъ до перехода Аксакова въ инспекторы Межеваго Училища, доставило Сергѣю Тимоѳеевичу не мало непріятностей, не принеся при этомъ и особенныхъ служебныхъ выгодъ. Время, когда онъ принялъ на себя эту, и вообще крайне щекотливую и трудную обязанность, было крутое, и требовало тогда то въ особенности великой служебной ловкости, соединенной съ широкимъ образованіемъ и тонкимъ тактомъ. Этихъ качествъ вовсе не было у добродушнѣйшаго Сергѣя Тимоѳеевича, и, хотя онъ и былъ даже назначаемъ временно исправлять должность предсѣдателя, но вся эта служба, судя по воспоминаніямъ и по тому, что извѣстно о ней изъ другихъ источниковъ, была какая то несерьезная, и притомъ двойственная, мало послѣдовательная, показывающая, какъ приходилось ему лавировать между своей совѣстью и опасностью потерять мѣсто, и какъ, съ другой стороны, его собственное пристрастіе къ друзьямъ побуждало его подчасъ къ черезъ чуръ строгимъ преслѣдованіямъ того, къ чему слѣдовало бы отнестись снисходительнѣе. Такъ, не понимая значенія Н. А. Полеваго, который въ своемъ Московскомъ Телеграфѣ, стараясь проводить болѣе серьезныя требованія отъ литературы, зло нападалъ на друзей Аксакова, напр., Шаховскаго, и особенно водевилиста Писарева, Сергѣй Тимоѳеевичъ относился къ Московскому Телеграфу слишкомъ строго. Братъ Полеваго, Ксенофонтъ Алексѣевичъ, утверждаетъ напримѣръ, что, въ качествѣ ближайшаго помощника своего брата, онъ былъ неоднократно свидѣтелемъ отчаянія, въ которое тотъ приходилъ отъ цензорскихъ зачеркиваній Сергѣя Тимоѳеевича, и будто бы даже Аксаковъ безпощадно вымарывалъ неодобрительные отзывы о своихъ литературныхъ пріятеляхъ и той руссофильской партіи, къ которой онъ принадлежалъ. Такъ какъ до сихъ поръ эти обвиненія не опро-

вергнуты, то приходится признать справедливость факта вымарываній, придавъ имъ только иное освѣщеніе. «Надо думать,—говоритъ С. А. Венгеровъ, что, какъ человѣкъ мягкій, Сергѣй Тимоѳеевичъ, поддался вліянію своихъ литературныхъ друзей, Погодина, Загоскина и др., и, считая направленіе Полеваго вреднымъ, считая его нападки «дерзкими», вѣроятно, не находилъ ничего дурнаго въ томъ, чтобы поприжать издателя Телеграфа». «Будь г. Полевой дурной писатель,—говоритъ Аксаковъ въ журналѣ Галатея 1829 г., никогда мои руки не поднялись бы противъ него; но лицо, представляемое имъ въ нашей литературѣ, не только смѣшно, но и *вредно*: какъ издатель журнала, онъ разсѣиваетъ свои кривые толки, несправедливыя и пристрастныя сужденія; слѣдовательно, обличать его въ неправдѣ и невѣжествѣ, унижать его литературное лицо—есть долгъ каждаго любителя словесности».

«При такомъ взглядѣ на Полеваго и при слабомъ развитіи гражданскихъ чувствъ, въ кругу ближайшихъ своихъ знакомыхъ и друзей,—замѣчаетъ біографъ Аксакова,—нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что Аксаковъ поднималъ на ненавистнаго журналиста не только писательскую, но и цензорскую руку». Нужно также помнить, что Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ всегда человѣкомъ очень впечатлительнымъ, податливымъ и чрезвычайно воспріимчивымъ къ идеямъ, взглядамъ и направленію той среды, гдѣ онъ вращался, и потому неудивительно, что, рядомъ съ вліяніями хорошими, на Аксаковѣ иногда сказывались и дурныя. Излишнюю строгость, впрочемъ, уже въ концѣ своего цензорскаго поприща, когда Аксаковъ особенно боялся за свое служебное положеніе, прилагаетъ Сергѣй Тимоѳеевичъ и къ стихотвореніямъ Полежаева. Вотъ что, читаемъ, напримѣръ, въ примѣчаніяхъ П. А. Ефремова къ послѣднему изданію стихотвореній несчастнаго поэта: «Изданіе 1832 г. проценсуровано С. Т. Аксаковымъ, который сдѣлалъ многочисленныя исключенія, притомъ даже

въ такихъ стихотвореніяхъ, которыя прежде появленія въ этомъ сборникѣ были напечатаны безъ пропусковъ. Изданіе 1833 г., цензурованное И. М. Снигиревымъ, съ *значительно меньшими* исключеніями, чѣмъ это дѣлалъ С. Т. Аксаковъ».

Какъ бы то ни было, строга или не строга была подневольная цензорская дѣятельность писателя, но въ концѣ концовъ она навлекла на него непріятность и кончилась отставкой. Погодинъ, познакомившійся съ Аксаковымъ еще въ 1827 г., по поводу порученнаго послѣднему цензированія погодинскаго журнала «*Московскій Вѣстникъ*», гдѣ Аксаковъ, въ видѣ приложенія, сталъ писать театральныя рецензіи, разсказываетъ, что въ 1832 г., когда за статью «Девятнадцатый вѣкъ» былъ запрещенъ издававшійся Кирѣевскимъ журналъ «*Европеецъ*», то издателя посадили въ крѣпость, а цензора Аксакова на гауптвахту. Въ этомъ же году, одновременно почти съ исторіей съ Европейцемъ, появилась въ Москвѣ напечатанная въ Университетской типографіи невиннѣйшая шуточная баллада какого-то Елистрата Фитюлькина «*Двѣнадцать спящихъ будочниковъ*», содержавшая, между прочимъ, такую строфу, изображающую пьянаго квартальнаго:

И взвидѣлъ полицейскій глазъ,
Что въ лужѣ шевелился
Какой-то пьяница; тотчасъ
Мой крюкъ остановился,
Меня къ забору, рекъ, приставь,
А этого скотину
Скорѣй на съѣзжую отправь!
Ступай!... родному сыну
Я пьянства не прощу во вѣкъ!
Какого развращенья
Достигнулъ нынѣ человѣкъ!
И все отъ просвѣщенья!

Вѣроятно, по доносу Булгарина, обидѣвшагося словами предисловія, гдѣ насмѣшливо говорилось о его романѣ *Выжигиныхъ*, книжонка вызвала чуть не цѣлую цензурную бурю, и цензоръ, ее пропу-

стившій, поплатился жестоко. «Отставили нашего благороднаго,—писалъ Погодинъ Шевыреву,—нашего добраго Аксакова. Какой-то пьяница написалъ глупую книжонку. Аксаковъ пропустилъ, ибо не могъ не пропустить, когда у насъ играютъ Ябеду и пр., а оберъ-полиціймейстеръ, человѣкъ сильный, вступился, и отецъ многочисленнаго семейства лишенъ службы». (Жизнь Погодина, Н. Барсукова, IV, 12).

Такъ кончилась эта несчастная служба, къ которой, впрочемъ, Аксаковъ относится въ старости шутливо-добродушно, представляя себя цензоромъ очень мягкимъ, не разъ спасавшимъ несчастныхъ издателей и авторовъ отъ свирѣпства предсѣдателя Комитета, князя Мещерскаго. Отъ цензорства черезъ два года перешелъ Аксаковъ въ 1834 г. къ административной педагогіи и поступилъ инспекторомъ Межеваго Константиновскаго училища, гдѣ потомъ былъ сдѣланъ и директоромъ. Но и эта служба, не оставившая никакого печатнаго слѣда въ воспоминаніяхъ Сергѣя Тимоѳеевича, была, повидимому, не особенно ему по сердцу. По крайней мѣрѣ, какъ только состояніе его упрочилось, такъ какъ по смерти родителей (мать умерла въ 1833 г., а отецъ въ 1837) онъ получилъ значительное наслѣдство, онъ оставляетъ службу совершенно, выйдя въ отставку въ 1839 г., и до самой своей смерти, т. е. цѣлыхъ двадцать лѣтъ, остается жить въ Москвѣ на покоѣ, освободившись уже окончательно отъ всѣхъ, столь мало подходившихъ къ нему, служебныхъ обязанностей.

XII.

Съ самаго переѣзда Аксаковыхъ въ Москву въ 1826 г. на постоянное жительство и до смерти главы дома въ 1859 г., слѣдовательно, цѣлыхъ

тридцать три года, домъ Сергѣя Тимоѳеевича былъ открытъ для друзей и знакомыхъ. Театръ, участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*—Погодина, а потомъ въ *Галатеѣ*—Раича и *Аѳенеѣ*—Павлова, служба, карты и Дворянскій Клубъ совсѣмъ охватили Сергѣя Тимоѳеевича. Въ этихъ театральныхъ и литературныхъ интересахъ, разсказываетъ Иванъ Сергѣевичъ, принимала участіе вся семья. Дѣти знали, напр., что такъ-то была принята публикой такая-то пьеса, такой-то остроумный куплетъ сочиненъ былъ Писаревымъ. Много возни бывало съ Вадимомъ, либретто котораго, взятое изъ поэмы Жуковскаго, сочинено было, кажется, Шевыревымъ. Новый водевиль Писарева производилъ волненіе». Другимъ живымъ интересамъ была полемика съ Полевымъ, котораго рѣзкій тонъ, взятый въ литературѣ, и особенно строгое отношеніе къ театру, затрогивавшее друзей Аксакова, крайне возмущали Сергѣя Тимоѳеевича, вмѣстѣ съ своими друзьями старавшагося печатно указывать на его, будто бы невѣжество, хотя по образованію то и самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, и многіе изъ его друзей, напр., тѣ же Шаховской и Загоскинъ, были куда ниже Полеваго. Кромѣ театральныхъ рецензій и полемическихъ статеекъ, перевелъ еще Аксаковъ для М. С. Щепкина, сдѣлавшагося частымъ гостемъ Аксаковыхъ — *Школу женщинъ* и *Скупого* Мольера. Приходили иногда совѣтоваться на счетъ ролей и Мочаловъ, и другіе актеры.

Расширился, и къ лучшему, и кругъ знакомыхъ. Кромѣ прежнихъ друзей, Сергѣй Тимоѳеевичъ пріобрѣтаетъ еще и новыхъ, напр., М. П. Погодина, Ю. П. Венелина, профессоровъ: П. С. Щепкина, М. Г. Павлова, Шевырева и Надеждина. «День, назначенный для сбора, была суббота,—когда, обыкновенно, собирались къ Аксаковымъ обѣдать и оставались до поздней ночи. Чуждый совершенно всякихъ гражданскихъ интересовъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ относился къ нимъ индифферентно и, не занимаясь вовсе политикой, жилъ по прежнему одни-

ми кружковыми интересами театра и литературы, своей семьи и своихъ гостей. Совершенное отсутствіе претензій, простота, радушіе вмѣстѣ съ пылкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, трезвость и ясность ума при возможности страстныхъ порывовъ, честность, безкорыстіе, безпечность относительно матеріальныхъ выгодъ, тонкое художественное чувство, вѣрность суда,—вотъ, по свидѣтельству сына Аксакова, Ивана Сергѣевича, отличительныя качества, которыя привлекали къ Сергѣю Тимоѳеевичу всѣхъ, кто его зналъ. Не будучи не только ученымъ, но и не обладая достаточною образованностью, чуждый науки, онъ тѣмъ не менѣе былъ какимъ но нравственнымъ авторитетомъ для своихъ пріятелей, изъ которыхъ многіе были знаменитые ученые». Если вспомнить, что говорили мы ранѣе о супругѣ Аксакова, то легко себѣ представить, какою привлекательностью пользовался въ Москвѣ этотъ хлѣбосольный и гостепріимный домъ съ такими милыми, радушными хозяевами.

Но, что особенно привлекаетъ къ этой патріархальной семьѣ—это замѣчательныя отношенія родителей къ дѣтямъ и заботы о ихъ воспитаніи. Дѣти здѣсь, особенно старшіе сыновья, Константинъ и Иванъ, не только просто дѣти, любящіе своихъ родителей,—это маленькіе равноправные члены семьи, младшіе друзья отца и матери. Въ письмахъ своихъ къ далеко еще несовершеннолѣтнимъ сыновьямъ Сергѣй Тимоѳеевичъ всегда называетъ каждаго изъ нихъ не иначе, какъ «*мой сынъ и другъ*» и самъ подписывается—*твой другъ и отецъ*, и подъ его перомъ это слово «другъ» не есть только ласковое названіе:—оно опредѣляетъ на самомъ дѣлѣ отношеніе отца къ сыновьямъ: онъ былъ для нихъ искреннимъ и истиннымъ другомъ: онъ дѣйствовалъ на нихъ не только пріемомъ внѣшняго формальнаго авторитета, но гораздо болѣе вліяніемъ нѣжнаго, разумнаго, мудраго сочувствія. Этому раннему сближенію дѣтей съ родителями, а также раннему развитію первыхъ, не мало способствовало, по мнѣнію

Ивана Сергѣевича, и то, что «въ семействѣ Аксаковыхъ совсѣмъ не существовала *дѣтская*, т. е. не существовалъ тотъ сомкнутый разгороженный уголокъ, гдѣ подъ надзоромъ наемныхъ педагоговъ возрастаетъ молодое поколѣніе въ какой-то искуственной, прѣсной, атмосферѣ, не имѣющей ничего общаго съ дѣйствительною жизнью». Въ семьѣ этой дѣти были постоянно съ родителями, со старшими, и жили ихъ интересами. Такъ, старшій сынъ, Константинъ, еще ребенкомъ, писалъ повѣсть о приключеніяхъ дружины молодыхъ людей «любившихъ древнее русское оружіе», прочитываемую, по мѣрѣ написанія, вслухъ передъ всей семьей и знакомыми, а Иванъ Сергѣевичъ съ 10 лѣтъ страстно читалъ газеты, лишеніе которыхъ было для него величайшимъ и единственнымъ наказаніемъ. Не мало заботъ было приложено родителями и къ тому, чтобы дать дѣтямъ основательное образованіе. Такъ Константинъ Сергѣевичъ учился латинскому языку у извѣстнаго Венелина, греческому у Долгомостьева, а географіи у переводчика Гумбольтовскаго Космоса Фролова. Живѣйшее участіе въ его ученьи принималъ и Погодинъ, предложившій, когда Константинъ Сергѣевичъ поступилъ въ 1833 году въ Московскій Университетъ, для болѣе успѣшныхъ занятій, помѣстить его въ своемъ пансіонѣ. Весьма характеренъ отрывокъ изъ письма къ Погодину Сергѣя Тимоѳеевича, на это не согласившагося и въ письмѣ объяснившаго своему другу причины такого несогласія. «Мнѣ казалось странно, что мой старшій сынъ (это важно для братьевъ) въ то время, когда долженъ поступить въ друзья мнѣ, будетъ жить не подъ одною кровлею со мною! Мы непремѣнно, хотя безотчетно, будемъ грустить о немъ и безпокоиться о его здоровьѣ. Смѣшно, а правда. У васъ набралось уже мальчиковъ много, наберется еще больше, могутъ попасться всякіе (ихъ пороковъ не разгадаешь съ перваго взгляда), жить съ ними подъ одною кровлею не то, что сходиться въ ауди-торіи, вы не безпрестанно дома, или работаете, Юрій

Ивановичъ Венелинъ также. Что если мой сынъ приметъ отъ кого нибудь изъ товарищей дурныя впечатлѣнія, или привычки? Чѣмъ я могу оправдать себя передъ собою? Я здѣсь живу самъ и крайности не имѣю удалить его изъ дома родительскаго» (Жизнь и труды М. П. Погодина. Н. Барсукова, кн. IV стр. 181—182.)

Говоря о супругѣ Сергѣя Тимоѳеевича, Ольгѣ Семеновнѣ, мы уже упоминали объ ея особенномъ пристрастіи ко всему русскому, родному, отечественному. Это направленіе, какъ нельзя болѣе, сходилось съ характеромъ и мужа, не разъ говорящаго о себѣ въ воспоминаніяхъ, какъ о великомъ руссофилѣ, и весьма уважавшаго, напр., Загоскина именно за русскій патріотическій духъ его романовъ. Такой характеръ супруговъ отражался и на всемъ домашнемъ строѣ семьи, гдѣ тщательно соблюдались русскіе обычаи и откуда даже совершенно былъ изгнанъ изъ употребленія французскій языкъ, — такъ что дѣти постоянно слышали одну русскую рѣчь и съизмальства усвоивали себѣ пристрастіе ко всему отечественному, преимущественно, въ духѣ нетронутой европеизмомъ старины и патріотической гордости и исключительности. Этотъ патріотизмъ естественно отражался и на дѣтяхъ. Еще въ Надеждинѣ, до переѣзда Аксаковыхъ въ Москву, семилѣтній Константинъ Сергѣевичъ отказывается звать отца иностраннымъ словомъ «*папаша*», а называетъ его уменьшительными именами отъ слова *отецъ* — «*отецинька*» «*отесинька*». Эти своеобразныя имена остаются за Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ до самой его кончины, и не иначе, какъ съ этими именами обращаются къ нему сыновья въ письмахъ. Въ дѣтствѣ Константинъ Сергѣевичъ видитъ во снѣ Красную площадь и Минина въ цѣпяхъ, а переѣхавъ въ Москву, которую уже любилъ, по разсказамъ родителей и патріотическимъ стихамъ, все болѣе и болѣе привязывается къ ней, дойдя впослѣдствіи до того, что сталъ считать Москву лучшимъ городомъ во всемъ мірѣ.—Свое патріотическое направленіе мальчикъ,

начитавшійся къ тому же исторіи Карамзина и другихъ книгъ по русской исторіи, передалъ и всѣмъ братьямъ и сестрамъ. Онъ читалъ эту исторію и имъ, а лѣтъ двѣнадцати установилъ въ семьѣ праздникъ въ честь нѣкоего князя Вячки, который, сражаясь съ нѣмцами при осадѣ Куксгавена, не захотѣлъ имъ сдаться и, выбросившись изъ башни, погибъ 30-го ноября. Въ честь этого событія, Константинъ Сергѣевичъ наряжался съ братьями въ желѣзныя латы и шлемы, а маленькія сестры въ сарафаны, и всѣ вмѣстѣ водили хороводъ и пѣли особую, сочиненную на этотъ случай Константиномъ Сергѣевичемъ, пѣсню, начинавшуюся словами:

«Запоемте, братцы, пѣсню славную,
«Пѣсню славную, старинную,
«Какъ бывало храбрый Вячка нашъ.....

а затѣмъ слѣдовало угощеніе, — непремѣнно русское:—пился медъ, ѣлись орѣхи, пряники и смоквы. Устроилъ Константинъ Сергѣевичъ изъ братьевъ и знакомыхъ мальчиковъ и особую дружину, причемъ, подъ руководствомъ извѣстнаго К. Ѳ. Калайдовича, при помощи крѣпостнаго столяра, приготовлялось, по театральнымъ моделямъ, оружіе; старинными же стальными палашами изъ амбаровъ села Новаго Аксакова украсилась комнатка Константина Сергѣевича, а, вмѣсто игрушекъ, служили дѣтямъ корабли изъ сахарной бумаги, составлявшіе два флота,— *русскій* и *вражескій*, т. е. англійскій или французскій, изъ которыхъ составлялись цѣлыя сраженія. Розыгрывались дѣтьми и сцены, но опять таки изъ *старинныхъ русскихъ* же комедій Княжнина и др. Увлеченіе народностью доходило до того, что дѣти даже прокалывали ножами французскія записки, присылаемыя матери знакомыми дамами, а потомъ торжественно сжигали ихъ съ пѣсней, сочиненной Константиномъ Сергѣевичемъ:

Заклубился дымъ проклятый....

Патріотическій духъ этой оригинальной семьи поднялся наконецъ такъ, что не только сынъ, Кон-

стантинъ Сергѣевичъ, по выходѣ изъ Университета, но даже и самъ отецъ перестали брить бороды и стали ходить въ русскомъ платьѣ, что считалось тогда признакомъ величайшаго либерализма и вызвало полицейское преслѣдованіе: даже самъ Погодинъ, который также отличался немалымъ патріотизмомъ, шутя говаривалъ: «Петръ Великій прорубилъ окно въ Европу, а Аксаковъ его забилъ.»

Впрочемъ, патріотизмъ Сергѣя Тимоѳеевича никогда не имѣлъ характера настоящаго славянофильства, въ смыслѣ школы, или партіи, противуположной заладничеству: семья Аксаковыхъ подготовила только почву для славянофильскаго увлеченія теоретика и мечтателя Константина, а отчасти, и Ивана Сергѣевича. Да и славянофильство Константина было больше какое то мѣстное, «московское», ограничивавшее Россію едва ли не одной Москвой съ ея святынями и мѣстнымъ, излюбленнымъ характеромъ. Народъ же русскій, не въ смыслѣ отвлеченномъ, платоническомъ, но въ дѣйствительномъ, реальномъ его положеніи, а тѣмъ болѣе современная внутренняя политика Россіи, были совершенно чужды не только отцу, но и энтузіасту сыну Константину, воспитавшемуся въ тѣсномъ кругу семьи, на книгахъ, а не на знаніи дѣйствительной русской жизни.—Но, оставивъ мало прочнаго слѣда въ литературѣ, не смотря на всѣ свои способности, энтузіазмъ, высокую чистоту души, столь рано умершій, Константинъ Сергѣевичъ, особенно любимый отцомъ, а позднѣе, и братъ его Иванъ Сергѣевичъ, имѣли вмѣстѣ съ Гоголемъ, о которомъ скажемъ въ особой главѣ, громадное вліяніе на отца, и изъ него, посредственнаго литератора любителя во вкусѣ отжившаго ложноклассицизма, на старости лѣтъ сдѣлали писателя, которымъ справедливо гордится наша литература. Сохранивъ до зрѣлыхъ лѣтъ, не смотря на всѣ недостатки своего воспитанія и образованія, рѣдкую трезвость ума и душевную чистоту вмѣстѣ съ необыкновенною воспріимчивостью, Сергѣй Тимоѳеевичъ на пятомъ

десяткѣ лѣтъ какъ-бы преображается подъ вліяніемъ поступившаго въ Университетъ старшаго сына и, въ тѣсной дружбѣ съ послѣднимъ, начинаетъ жить вмѣстѣ съ нимъ интересами кружка Станкевича и Бѣлинскаго, гдѣ вращался его сынъ. Правда, этотъ кружокъ пользуется симпатіей Сергѣя Тимоѳеевича только до отъѣзда Станкевича за границу и до пріобрѣтенія особеннаго вліянія на кружокъ со стороны Бакунина, и даже возбуждаетъ въ семьѣ «опасенія», какъ-бы Костя не развратился «философіей», но члены этого кружка, а въ томъ числѣ и Бѣлинскій, у Аксаковыхъ бывали, и всѣ эти безконечные споры о философскихъ и иныхъ «вопросахъ» болѣе или менѣе, повліяли на Сергѣя Тимоѳеевича, столь близко стоявшаго къ дѣтямъ и отзывчиваго на ближайшіе интересы тѣхъ людей, среди коихъ ему приходилось вращаться. Во всякомъ случаѣ, слѣдя за сыномъ, по мѣрѣ его умственнаго роста, Сергѣй Тимоѳеевичъ и самъ росъ умственно и невольно, болѣе или менѣе, выходилъ изъ замкнутаго круга театральныхъ, мелко литературныхъ и карточныхъ интересовъ, проводя время среди даровитой и горячей студенческой молодежи и въ новомъ кругу дѣйствительно образованныхъ, и даже ученыхъ, людей, какъ хоть-бы тѣже Погодинъ и Шевыревъ, а тѣмъ болѣе профессора Павловъ, Фроловъ и мн. друг.

Что къ семьѣ Аксаковыхъ такъ горячо относился напр. ближайшій другъ Сергѣя Тимоѳеевича, Погодинъ, называвшій Ольгу Семеновну своей «командиршей», можно еще объяснить и многими общими чертами характера друзей, отличавшихся взаимно извѣстной патріархальностью; но вотъ что разсказываетъ объ этой семьѣ молодой человѣкъ, петербуржецъ, уже совсѣмъ другаго общества и вкусовъ, Ив. Ив. Панаевъ, отрывки изъ *Литературныхъ воспоминаній* котораго и приводимъ въ сокращеніи.

Панаевъ посѣтилъ Москву въ апрѣлѣ 1839 г., слѣдовательно въ тотъ моментъ, когда Бѣлинскій и

его друзья, совершенно отдавшись гегелевской философіи, искали во всемъ примиренія: и въ литературѣ, и въ жизни, строго признавая принципъ «искусства для искусства». К. С. Аксаковъ еще не разрывалъ своей дружбы съ Бѣлинскимъ, и послѣдній бывалъ у Аксаковыхъ, хотя, по большей части, только собственно у Константина, такъ какъ въ семьѣ уже начинали молодаго критика за рѣзкость мнѣній не долюбливать. Познакомившись съ Бѣлинскимъ и его друзьями, Панаевъ черезъ два дня по пріѣздѣ въ Москву счелъ своимъ долгомъ отрекомендаваться и Сергѣю Тимоѳеевичу, который воспитывался въ Казанскомъ университетѣ вмѣстѣ съ его отцомъ и дядей. Оба Аксакова, и отецъ и сынъ, приняли гостя съ необыкновеннымъ радушіемъ. «Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ большой хлѣбосолъ и гордился этой московской добродѣтелью. Аксаковы жили тогда въ большомъ отдѣльномъ деревянномъ домѣ, на Смоленскомъ рынкѣ. Для многочисленнаго семейства Аксаковыхъ требовалась многочисленная прислуга. (Любуясь семейнымъ счастіемъ своихъ друзей, еще въ 1834 г., Погодинъ съ умиленіемъ записываетъ, по обыкновенію лаконически, въ своемъ дневникѣ: «*Девять человѣкъ дѣтей около стола!*») Домъ былъ биткомъ набитъ дворнею. Это была не городская жизнь въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ её теперь, а *патріархальная, широкая, помѣщичья жизнь*, перенесенная въ городъ. Домъ Аксаковыхъ и снаружи, и внутри, по устройству и расположенію совершенно походилъ на деревенскіе барскіе дома; при немъ были: обширный дворъ, людскія, садъ и даже баня въ саду. Сергѣю Тимоѳеевичу было въ это время съ небольшимъ 50 лѣтъ. Онъ былъ высокъ ростомъ, крѣпкаго сложенія и не обнаруживалъ ни малѣйшихъ признаковъ старости. Выраженіе его лица было необыкновенно симпатично, онъ говорилъ всегда звучно и сильно, особенно, когда декламировалъ стихи, а декламировать онъ былъ великій мастеръ. Любимымъ занятіемъ его было уженье, и онъ очень часто съ ночи отправлялся удить въ окрестности Москвы.

По вечерамъ онъ любилъ играть въ карты. Между прочими партнерами его были тогда И. Е. Великопольскій и Н. Ф. Павловъ. Тогда еще Сергѣй Тимоѳеевичъ не пользовался тою блестящею литературною извѣстностью, которую онъ пріобрѣлъ впослѣдствіи.... Я съ перваго взгляда привязался къ Сергѣю Тимоѳеевичу и скоро сошелся съ Константиномъ. У Аксаковыхъ я бывалъ почти всякій день.» Съ Константиномъ видался Панаевъ и у Бѣлинскаго, но «молодой Аксаковъ уже стоялъ на полдорогѣ между Бѣлинскимъ, представителемъ западничества, и Хомяковымъ, представителемъ зарождающагося славянофильства, склоняясь, впрочемъ, болѣе къ послѣднему; между *Московскимъ наблюдателемъ* – Бѣлинскаго, въ которомъ Константинъ Сергѣевичъ даже принималъ участіе, и между новымъ журналомъ Шевырева и Погодина—*Москвитянином*ъ, на который начиналъ смотрѣть уже съ участіемъ». Единственно, что связывало Константина Аксакова съ Бѣлинскимъ и его друзьями, была Гегелевская философія, нашедшая себѣ почву въ изолированности отъ міра общественнаго и въ примирительномъ характерѣ Аксаковской семьи. Потомъ, когда литературу стало занимать уже не исключительно «чистое искуство», но и вопросы общественные, и рѣзко обозначились двѣ партіи, славянофильская и западная, связь между Бѣлинскимъ и Константиномъ порвалась окончательно, а вмѣстѣ съ тѣмъ и во всей Аксаковской семьѣ явилось даже враждебное отношеніе къ петербургскому критику. Впрочемъ, уже и въ этотъ пріѣздъ Панаева въ Москву въ 1839 г. Константинъ съ негодованіемъ говорилъ о Петербургѣ и всячески старался возбудить въ гостѣ энтузіазмъ къ Москвѣ. «—Домъ Аксаковыхъ, — продолжаетъ Панаевъ, — съ утра до вечера былъ полонъ гостями. Въ столовой ежедневно накрывался длинный и широкій семейный столъ, по крайней мѣрѣ, на 20 кувертовъ. Хозяева были такъ просты въ обращеніи со всѣми посѣщавшими ихъ, такъ безцеремонны и радушны, что къ нимъ нельзя было не привязаться. Я, по край-

ней мѣрѣ, полюбилъ ихъ всею душою. Между отцомъ и сыномъ существовала тогда самая нѣжнѣйшая привязанность, обратившаяся впослѣдствіи въ несокрушимую дружбу, когда отецъ подъ вліяніемъ сына постепенно принималъ его убѣжденія, со всѣми ихъ крайностями.»

Черезъ Аксаковыхъ Панаевъ познакомился и съ ихъ друзьями, Н. Ф. Павловымъ, директоромъ московскихъ театровъ М. Н. Загоскинымъ, извѣстнымъ московскимъ богачомъ И. Е. Великопольскимъ, М. П. Погодинымъ и др., и всѣ они очень любезно отнеслись къ нему особенно потому, что онъ былъ такъ хорошо принятъ Аксаковыми; самъ же Сергѣй Тимоѳеевичъ, видя, что его новый петербургскій знакомый всѣмъ нравится, и самъ восхищается Москвой, былъ въ восторгѣ, а восторженная статейка Панаева о Москвѣ, напечатанная въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, доставила петербургскому писателю еще большее расположеніе со стороны всѣхъ Аксаковыхъ. Видѣлъ у Сергѣя Тимоѳеевича, уже передъ своимъ отъѣздомъ, Панаевъ и Гоголя, пріѣхавшаго туда вмѣстѣ съ М. С. Щепкинымъ обѣдать и обѣщавшаго прочитать первую главу Мертвыхъ душъ. Интересно отношеніе къ Гоголю Аксаковыхъ. «Нечего говорить, разсказываетъ Панаевъ,—съ какимъ восторгомъ былъ принятъ пріѣхавшій писатель. Константинъ Аксаковъ, видѣвшій въ немъ русскаго Гомера, внушилъ къ нему энтузіазмъ во всемъ семействѣ. Для Аксакова же отца сочиненія Гоголя были откровеніемъ. Они вывели его изъ рутины старой литературной школы и пробудили въ немъ новыя свѣжія силы для будущей дѣятельности. Безъ Гоголя Аксаковъ едва-ли написалъ-бы «Семейную Хронику». «Чувство глубокаго, безпредѣльнаго уваженія семейства Аксаковыхъ къ таланту Гоголя проявлялось во внѣшнихъ знакахъ, съ ребяческой наивной искренностью, доходящей до комизма. Передъ его приборомъ, за обѣдомъ, стояло не простое, а розовое стекло; съ него начали подавать кушанье; ему под-

несли любимыя макароны для пробы, которыя онъ не совсѣмъ одобрилъ и сталъ самъ мѣшать и посыпать ихъ сыромъ».

Тоже общее ухаживаніе за Гоголемъ проявилось и послѣ обѣда, когда Гоголь развалился на диванѣ въ кабинетѣ Сергѣя Тимоѳеевича, и всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили шепотомъ, чтобъ не нарушить послѣобѣденнаго покоя генія, относившагося, впрочемъ, ко всѣмъ этимъ знакамъ благоговѣнія довольно небрежно. Общій восторгъ возбудило чтеніе Гоголемъ «*Тяжбы*»; впечатлѣніе же отъ первой главы «*Мертвыхъ душъ*» было потрясающее. «Когда онъ окончилъ,—разсказываетъ Панаевъ, и остановился, нѣсколько утомленный, обведя глазами своихъ слушателей... на лицахъ всѣхъ ясно выражалось глубокое впечатлѣніе... Всѣ были и потрясены, и удивлены... У насъ даже мурашки пробѣгали по тѣлу отъ удовольствія.»

«Послѣ чтенія Сергѣй Тимоѳеевичъ въ волненіи прохаживался по комнатѣ, подходилъ къ Гоголю, жалъ ему руки и, значительно посматривая на всѣхъ насъ, повторялъ: «геніально! геніально!»

Таковъ былъ, по разсказамъ современниковъ, патріархальный домъ Аксаковыхъ, и таковы были отношенія Сергѣя Тимоѳеевича и его семейства къ Гоголю, къ болѣе подробному ознакомленію съ которыми и перейдемъ.

XIII.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ, съ 1832 г., т. е. съ того времени, когда Гоголь еще начиналъ только свою дѣятельность «Вечерами на хуторѣ близь Диканьки», и по самую смерть, въ февралѣ 1852 года, продолжалось знакомство Сергѣя Тимоѳеевича съ Гоголемъ, перешедшее въ тѣсную дружбу, о которой оставилъ Аксаковъ любопытнѣйшія посмертныя

записки «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ», изданныя со включеніемъ переписки обоихъ лицъ отдѣльно въ 1890 г. Знакомство возникло черезъ Погодина, привезшаго Гоголя къ Аксакову въ одну изъ субботъ 1832 г., какъ автора «Вечеровъ», извѣстныхъ уже всему семейству; но дружескія отношенія стали образоваться позже, съ 1834 г., когда уже талантъ Гоголя сказался въ полной силѣ въ «Миргородѣ» и «Арабескахъ». «Въ нихъ, говоритъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, уже явился великій художникъ съ глубокимъ и важнымъ значеніемъ. Мы съ Константиномъ, моя семья и всѣ люди, способные чувствовать искусство, были въ полномъ восторгѣ отъ Гоголя. Но, надобно сказать правду, что, кромѣ присяжныхъ любителей литературы во всѣхъ слояхъ общества, лучше и скорѣе оцѣнили Гоголя молодые люди. Московскіе студенты всѣ пришли отъ него въ восхищеніе, и первые распространили въ Москвѣ громкую молву о новомъ великомъ талантѣ». Это то высокое мнѣніе семьи Аксаковыхъ о талантѣ Гоголя и горячая любовь къ его произведеніямъ, кажется, болѣе всего и сблизили писателя съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, уваженіе котораго къ нему возросло еще болѣе съ появленіемъ «Ревизора»; насколько же былъ великъ восторгъ Аксаковыхъ отъ «Мертвыхъ душъ», видно изъ приведеннаго выше разсказа Панаева.

Съ этого времени, т. е. съ 1839 г., и начинаются, собственно, близкія отношенія Аксакова къ Гоголю, но, по признанію Сергѣя Тимоѳеевича, не столько, какъ къ человѣку, сколько какъ къ художнику, въ которомъ онъ видѣлъ высочайшую славу Россіи. Это было какое то особое благоговѣніе, поклоненіе генію, доходящее, такъ сказать, до идолопоклонства, — поклоненіе, исключавшее всякую спокойную критику Гоголя не только какъ писателя, но даже какъ человѣка, между тѣмъ какъ самъ Гоголь держалъ себя съ Аксаковымъ не только небрежно, но и въ высшей степени неоткровенно, что и подавало не разъ поводъ къ возни-

кавшимъ между ними недоразумѣніямъ. Чего только не дѣлалъ Сергѣй Тимоѳеевичъ для Гоголя: и помогалъ ему крупными денежными суммами, которыхъ, кажется, такъ и не получалъ обратно, и исполнялъ множество его порученій, въ бытность его за границей, и возился съ постановкой его пьесъ, и съ печатаніемъ его сочиненій, и отзывы то собиралъ о его произведеніяхъ,—словомъ, дѣлалъ для него все, что только можетъ сдѣлать другъ для друга и братъ для брата, а тотъ, принимая все это какъ должное, не удостоивалъ друга даже самой обыкновенной откровенности, и только посылалъ изъ своего «далека» назидательныя наставленія и холодныя утѣшенія резонера проповѣдника. Можно сказать даже такъ, что Гоголь, слишкомъ занятый своею творческою дѣятельностью и развивающейся постепенно маніей величія, своими болѣзнями и вѣчными заботами о матерьяльномъ обезпеченіи, весьма мало интересовался собственно Аксаковымъ, хотя, повидимому, онъ натолкнулъ Аксакова писать «*Хронику*», замѣчая въ письмѣ отъ 12 декабря 1847 года, между прочимъ, что, можетъ быть, «больше полюбилъ бы Сергѣя Тимоѳеевича, если бы онъ написалъ записки своей жизни, которыя бы *мнѣ* напоминали, какихъ людей слѣдуетъ не пропустить въ *моемъ* твореніи, и какимъ чертамъ русскаго характера не дать умереть въ народной памяти».

Какой задушевностью и сердечностью вѣетъ отъ писемъ Сергѣя Тимоѳеевича и отъ всего, что только онъ ни говоритъ о своемъ другѣ, и какъ холодны, подчасъ даже насмѣшливы, сухи, большая часть писемъ къ нему Гоголя. Нужно было имѣть всю незлобивость этой дѣтски чистой натуры Аксакова, чтобы безконечно прощать все своему другу, котораго онъ мѣрилъ не мѣркой обыкновеннаго смертнаго, а видѣлъ въ немъ только генія съ причудливыми нервами и особенной организаціей. Это то искусственное, не простое отношеніе къ Гоголю, излишняя щепетильная деликат-

ность, опасенія, какъ бы его ни оскорбить, ни раздражить,—словомъ, вся эта возня съ геніемъ, уже носившимъ въ себѣ и безъ того великое самомнѣніе, какъ намъ кажется, принесла Гоголю не мало вреда, и едва ли не была одной изъ ближайшихъ причинъ столь ранней его гибели. Сергѣй Тимоѳеевичъ признается самъ, но уже, къ сожалѣнію, поздно, послѣ смерти Гоголя, что друзьямъ слѣдовало бы отнестись къ нему не столь осторожно, а прямѣе, энергичнѣе, не щадя подчасъ его болѣзненное самолюбіе, и рядомъ съ художникомъ видѣть въ немъ и человѣка, котораго во время необходимо было бы просто взять въ руки. И если бы, вмѣсто поклоненій и удивленій передъ геніемъ, эти друзья, и прежде всѣхъ, какъ болѣе любившій Гоголя, самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, настойчиво извлекли болѣющаго писателя изъ за границы и изъ общества Жуковскаго, барынь въ родѣ кающейся Магдалины, калужской губернаторши А. О. Смирновой, всякихъ ханжей въ родѣ А. П. Толстаго и т. п., общество коихъ опять таки признавалъ для Гоголя гибельнымъ самъ Аксаковъ; если бы поселился Гоголь въ Москвѣ, среди любящихъ писателя образованныхъ, свободномыслящихъ людей, онъ, можетъ быть, и не погибъ бы, и «Мертвыя души» были спасены. Непривычною силой негодованія и трезвой правдой звучатъ прекрасныя письма Аксакова къ Гоголю, послѣ его присылки въ подарокъ друзьямъ книжки Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», и особенно, письмо о «Перепискѣ съ друзьями», едва ли не лучшее, послѣ знаменитаго «Письма Бѣлинскаго», изъ всего написаннаго объ этой несчастной книгѣ,—но было уже поздно... Не поклоненіе, доходившее до комизма, а здоровая, спокойная критика, которой такъ настойчиво требовалъ самъ писатель у своихъ друзей, была нужна Гоголю, а этой то критики и не было даже у такого вѣрнаго друга, какъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, слишкомъ мягко, боязливо относившійся къ писателю. Гоголь, при всей своей геніальности, былъ человѣкъ, развившійся болѣз-

ненно, и безъ достаточнаго серьезнаго образованія, къ тому же, по собственнымъ словамъ Аксакова, выбитый изъ колеи смертью Пушкина: все это нужно было во время принять къ свѣдѣнію, и не выпускать Гоголя изъ Россіи, по крайней мѣрѣ, во второй разъ. Сергѣю Тимоѳеевичу слѣдовало вмѣшаться только въ отношенія Гоголя къ Погодину, и во что-бы то ни стало перетащить друга къ себѣ; но этого сдѣлано, такъ или иначе, не было, и предчувствіе Аксакова при разставаньи съ Гоголемъ въ 1842 году оправдалось: художникъ погибалъ.

Судя по отношеніямъ къ Гоголю, Сергѣй Тимоѳеевичъ едва-ли не болѣе всѣхъ литературныхъ москвичей оцѣнилъ этотъ огромный талантъ, придавая ему значеніе не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Никто изъ нихъ не сокрушался такъ глубоко о его поведеніи, никто такъ горько не оплакивалъ ранней смерти писателя и не почтилъ его въ Москвѣ такимъ теплымъ некрологомъ, какъ Аксаковъ. Почему же Сергѣю Тимоѳеевичу, воспитанному на преданіяхъ ложнаго классицизма, такъ полюбился именно этотъ писатель ультра-реальной школы, и въ какой мѣрѣ понималъ онъ его? Рѣшеніе этого вопроса, какъ намъ кажется, слѣдуетъ искать какъ въ самомъ характерѣ Аксакова, такъ, отчасти, и въ тѣхъ гегеліанскихъ взглядахъ на литературу, какъ на «искусство для искусства», которые царили въ то время въ семьѣ Аксакова. Мы уже видѣли, какимъ исключительно русскимъ, патріотическимъ направленіемъ отличался Аксаковъ во всю свою жизнь и какъ даже Карамзинъ не пользовался его любовью. Дѣти его воспитывались не на Жуковскомъ, Батюшковѣ, Грибоѣдовѣ и Пушкинѣ, подвергшихся вліянію запада, а на писателяхъ старыхъ. Пушкина хоть Сергѣй Тимоѳеевичъ и цѣнилъ за «силу и точность изображеній, и особенно—чувствительность, не говоря уже объ искусствѣ составленія стиховъ», хотя и читалъ семьѣ еще въ Надеждинѣ присылаемаго по тетрадкамъ «Онѣгина», и даже восхищался напечатанной въ

Московскомъ Вѣстникѣ Погодина *Сценой въ Чудовомъ монастырѣ;* но особенной любовью въ семьѣ Аксаковыхъ, повидимому, Пушкинъ, какъ западникъ и петербуржецъ, не пользовался. По крайней мѣрѣ, Погодинъ, посѣтившій, вскорѣ по полученіи въ Москвѣ страшной вѣсти о гибели поэта, Аксаковыхъ, гдѣ много говорили о Пушкинѣ, замѣчаетъ, что «*въ этомъ семействѣ истинно горько сожалѣютъ о Пушкинѣ только одна Ольга Семеновна*». (Жизнь Погодина, Барсукова, IV, 437.) Тѣмъ менѣе могъ нравиться Аксаковымъ мрачный русскій Байронъ—Лермонтовъ. Точно также не видно, чтобы семья особенно интересовалась великими писателями западными. И вотъ, въ эту исключительно русскую семью попадаетъ писатель самородокъ, непосредственный изобразитель народной жизни, съ безобиднымъ заразительнымъ юморомъ, и «Вечера» сразу привлекаютъ къ себѣ общія симпатіи и трактуются молодежью съ точки зрѣнія «искусства для искусства». Личное знакомство съ авторомъ, не тронутымъ «европеизмомъ», съ ироническимъ отношеніемъ къ нѣмцамъ, французамъ и англичанамъ, а главное, къ Петербургу, скрѣпляетъ симпатіи, а «Старосвѣтскіе помѣщики» съ «Тарасомъ Бульбой» приводятъ всѣхъ въ восторгъ. Пьесы Гоголя, опять таки совсѣмъ русскія, да еще удивительно прочтенныя авторомъ и разъигранныя любимыми московскими актерами, особенно любезны хозяину, завзятому театралу и декламатору; «Мертвыя же души», съ ихъ патріотическими обращеніями къ Руси должны были показаться особенно любезными сердцу Сергѣя Тимоѳеевича и его супруги. Если прибавить еще ко всему этому наклонность семьи къ экспансивности и восторги Константина, то станетъ совершенно понятнымъ такое увлеченіе со стороны Сергѣя Тимоѳеевича именно Гоголемъ, который, конечно, долженъ былъ увлечь его и силою таланта, такъ какъ въ самомъ Аксаковѣ, никогда не разрывавшемъ связи съ природой, не смотря на свои ложно-классическіе литературные вку-

сы, въ глубинѣ души таился истинный художникъ. Но на сколько все-таки не вдругъ оцѣнилъ Сергѣй Тимоѳеевичъ значеніе Гоголя, видно изъ разсказа самого Аксакова. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ начала знакомства, Гоголь хвалилъ Загоскина за веселость, но замѣтилъ, что онъ «не то пишетъ, что слѣдуетъ для театра», Аксаковъ «легкомысленно возразилъ, что у насъ писать не о чемъ, что въ свѣтѣ все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, что

даже глупости смѣшной
Въ тебѣ не встрѣтишь, свѣтъ пустой!».

«Но Гоголь посмотрѣлъ на меня—говоритъ Сергѣй Тимоѳеевичъ,—какъ то значительно, и сказалъ, что комизмъ кроется вездѣ; что, живя посереди него, мы его не видимъ; но что, если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться отъ смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его. Я былъ озадаченъ этой мыслью, потому что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя.» Такимъ образомъ, Гоголь уже при самомъ началѣ своего знакомства съ Аксаковымъ заставляетъ Сергѣя Тимоѳеевича, крайне отзывчиваго на вліяніе сходящихся съ нимъ людей, обратиться къ пониманію искусства болѣе широкому и серьезному, чѣмъ то, которое было у него до этого знакомства, а впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ все шире и шире становилось творчество Гоголя, придти, наконецъ, и самому къ литературному изображенію неукрашенной дѣйствительности, такъ оригинально и свѣжо проявившемуся въ охотничьихъ книгахъ, и особенно въ «Семейной Хроникѣ».

Тѣмъ не менѣе, хотя Сергѣй Тимоѳеевичъ и возмущался уже слишкомъ уродливыми крайностями Гоголя, какъ «*Развязкой Ревизора*» и «*Перепиской*», но трезваго критическаго пониманія Гоголя у него, повидимому, не было: изъ за великолѣпныхъ художественныхъ частностей онъ не замѣтилъ ни

слабыхъ сторонъ «*Портрета*», ни напыщенности отрывка «*Римъ*», ни даже широковѣщательныхъ обѣщаній въ «*Мертвыхъ душахъ*» удивить міръ изображеніемъ русскихъ добродѣтельныхъ героевъ,— и не видѣлъ всего того, что составляло истинное призваніе и силу Гоголя: т. е. изображенія пошлой стороны современной русской жизни и безпощадный юморъ. Иначе бы, никакъ не допустилъ Аксаковъ своего Константина напечатать въ 1842 году странную статью «*Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя—Похожденіе Чичикова или Мертвыя души*», которую благоразумно не согласился помѣстить въ Москвитянинѣ Погодинъ, но съ которой Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ согласенъ. Статья эта, прямо поставившая Гоголя наравнѣ съ Гомеромъ и Шекспиромъ и на счетъ Гоголя унижавшая всю европейскую литературу, полная изумительныхъ наивностей и курьезовъ, вызвала горячій отпоръ со стороны Бѣлинскаго (см. сочиненія Бѣлинскаго, часть VI) и, какъ говоритъ самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, принесли Гоголю не мало зла,—тѣмъ болѣе, что Аксаковъ—отецъ, ненавидѣвшій Бѣлинскаго, яко бы «обнаружившаго гнусную враждебность къ Москвѣ, къ Русскому человѣку и ко всему нашему Русскому направленію», допустилъ сына, оскорбленнаго справедливой рецензіей, напечатать еще противъ нея возраженіе, на которое Бѣлинскій отвѣчалъ уже подробно, указавъ на истинное значеніе писателя и выставивъ тѣмъ ярче его недостатки, незамѣчаемые Аксаковыми. Такимъ образомъ, тотъ же Сергѣй Тимоѳеевичъ, который писалъ Гоголю, что, послѣ своего семейства, ему, Аксакову, «Мертвыя души» всего на свѣтѣ дороже, допущеніемъ въ печать всей этой неблагоразумной, восторженной и озлобленной противъ петербургскихъ журналовъ и Бѣлинскаго болтовни своего сына, къ сожалѣнію, оказалъ Гоголю услугу очень плохую, съ одной стороны отуманивъ его неумѣренными похвалами, съ другой—возстановивъ писателя противъ истиннаго его почитателя и безпри-

страстнаго критика—Бѣлинскаго. Читая теперь, черезъ пятьдесятъ лѣтъ, эти восторженныя статьи московскихъ поклонниковъ Гоголя, К. Аксакова и Шевырева, одного изъ друзей Сергѣя Тимоѳеевича, и сравнивая съ этими статьями то, что говорилъ о Гоголѣ Бѣлинскій, нельзя не подивиться ихъ наивному идолопоклонству передъ писателемъ, только сбивавшему его съ толку, и той, по истинѣ, комической, упрямой ненависти, съ которой относились всѣ эти москвичи къ великому петербургскому критику, осмѣлившемуся, вмѣсто слѣпаго поклоненія передъ народившимся геніемъ, указать на ошибочность и опасность того пути, по которому Гоголь пошелъ.

XIV.

Скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ двадцати годахъ жизни Аксакова. Выйдя въ отставку въ 1839 г., Сергѣй Тимоѳеевичъ продолжаетъ, какъ мы сказали раньше, жить въ Москвѣ, выѣзжая только на лѣто на дачу. Въ 1840 г. умираетъ мужъ сестры Сергѣя Тимоѳеевича, Карташевскій, а въ 1841 г. четвертый сынъ Аксакова, Михаилъ. Въ 1842 г., окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія, пріѣзжаетъ къ родителямъ въ Москву второй сынъ, Иванъ Сергѣевичъ, опредѣлившійся на службу въ Московскій 6-й Департаментъ Сената, а затѣмъ въ Декабрѣ 1843 г. уѣзжаетъ на службу въ Астрахань, откуда потомъ переводится въ Калугу. Съ этого времени начинается между нимъ и родителями постоянная переписка, доставлявшая Сергѣю Тимоѳеевичу великую отраду. Эти письма сына, который описываетъ въ нихъ подробно свою службу, встрѣчи съ разными лицами и, вообще, все съ нимъ происходящее, съ интересомъ и любовью читались всѣмъ семействомъ, и на каждое слѣдовалъ нѣжный отвѣтъ отца, видимо радовавшагося службѣ и

литературнымъ дарованіямъ сына. Многолѣтняя переписка эта, часть которой послѣ смерти самого Ивана Сергѣевича издана въ двухъ томахъ, какъ намъ кажется, значительно способствовала возбужденію въ Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ вниманія къ интересамъ, выходившимъ изъ круга его семьи и замкнутаго московскаго кружка, и, вообще, расширила его знакомство съ тогдашнимъ положеніемъ Россіи. Иванъ Сергѣевичъ, въ противуположность неисправимому теоретику и крайнему идеалисту Константину, былъ человѣкъ жизни, которую и старался изучить непосредственно изъ наблюденій и опыта. Константину Сергѣевичу, когда уѣхалъ Иванъ Сергѣевичъ, было уже лѣтъ 27, и онъ возился съ своей диссертаціей о Ломоносовѣ, а Григорій Сергѣевичъ, пошедшій было въ военную службу, но потомъ перешедшій въ статскую, былъ очень занятъ пріобрѣтеніемъ для семьи подмосковной деревни, такъ какъ Оренбургскій край опротивѣлъ Сергѣю Тимоѳеевичу. Кромѣ Константина, въ семьѣ жило еще шесть дочерей: старшая Вѣра, годомъ моложе Константина, личность весьма даровитая; постоянно больная какою то сложною нервною болѣзнью, Ольга, предметъ самыхъ нѣжныхъ и постоянныхъ родительскихъ заботъ и любимица братьевъ, и четыре, тогда еще малолѣтнихъ, сестеръ — Любовь, Надежда, Марія и Софія.

Къ концу 1843 года поиски Григорія Сергѣевича относительно имѣнія увѣнчались наконецъ успѣхомъ. Пріобрѣтено было для семьи Аксаковыхъ сельцо Абрамцево, прелестный уголокъ на берегахъ рѣки Вори, близь Хотьковскаго монастыря, верстахъ въ 13 отъ Троицко—Сергіевской Лавры. Это имѣніе соединяло въ себѣ все, что могло особенно понравиться Сергѣю Тимоѳеевичу: и прелестное мѣстоположеніе, и удобный старинный домъ среди прекраснаго парка, и громадный прудъ съ мельницей, съ богатой рыбной ловлей, и хорошее купанье въ рѣкѣ, и обширные лѣса, изобилующіе грибами, сборъ которыхъ производился Сергѣемъ

Тимоѳеевичемъ съ артистическими пріемами. О количествѣ найденныхъ грибовъ велся дневникъ, и всѣ замѣчательные экземпляры срисовывались и сохранялись. Въ этомъ Абрамцевѣ Сергѣй Тимоѳеевичъ заживался подолгу, предаваясь со страстью своимъ любимымъ занятіямъ, особенно—уженью; здѣсь же писались всѣ его произведенія, которыя онъ посылалъ на просмотръ сыну Ивану, получая отъ него и принимая во вниманіе всѣ его замѣчанія; сюда же наѣзжали изъ Москвы и ближайшіе друзья и знакомые, безъ которыхъ Сергѣй Тимоѳеевичъ, привыкшій къ обществу, скучалъ. Такъ, бывало здѣсь не мало и дѣятелей литературныхъ, напр., Хомяковъ, Самаринъ, Тургеневъ и мн. др. Здѣсь же гостилъ въ свой пріѣздъ лѣтомъ въ 1849 г. и желанный гость Гоголь, прочитавшій, къ общему восторгу семьи, четыре главы изъ 2-й части Мертвыхъ душъ, и былъ еще три раза въ 1851 г. Здѣсь же, наконецъ, произошло послѣднее его свиданіе съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, оставшимся по болѣзни въ Абрамцевѣ на зиму. Гоголь пріѣхалъ сюда изъ Оптиной пустыни 30-го сентября 1851 г. грустный и болѣзненный; но 1-го октября, въ день рожденія своей матери, за обѣдомъ развеселился, вечеромъ даже забавно пѣлъ малороссійскія пѣсни, а 3-го октября, уѣзжая въ Москву, простился съ Аксаковымъ навсегда. Точно предчувствуя вѣчную разлуку, по словамъ Сергѣя Тимоѳеевича, — Гоголь, прощаясь съ нимъ, какъ то просвѣтлѣлъ, и лицо его не только прояснилось, но сдѣлалось лучезарнымъ... Онъ благодарилъ Бога за встрѣчу на землѣ съ нимъ и его семействомъ и, протянувъ обѣ руки, крѣпко сжалъ руку друга и въ послѣдній разъ посмотрѣлъ на него такими глазами, которыхъ Аксаковъ не могъ забыть никогда.

Всегда крѣпкій и здоровый физически, Сергѣй Тимоѳеевичъ съ 1845 года начинаетъ хворать. Сначала онъ сталъ худо видѣть лѣвымъ глазомъ и лишился его совсѣмъ, а затѣмъ ослабѣлъ и правый, такъ что больной долго не могъ самъ писать, что

страшно его тяготило. Его перевезли въ деревню, гдѣ осенью болѣзнь усилилась, но духомъ онъ не падалъ. «Живемъ мы въ деревнѣ, писалъ онъ Гоголю, тихо, мирно и уединенно; даже не предвидимъ, чтобы могла зайти къ намъ скука». «Отъ утренняго чая до завтрака и потомъ до поздняго обѣда, всѣ заняты своими дѣлами: играютъ, рисуютъ, читаютъ; Константинъ что нибудь пишетъ, а я диктую. Я затѣялъ написать книжку объ уженьи не только въ техническомъ отношеніи, но и въ отношеніи къ природѣ вообще; страстный рыбакъ у меня также страстно любитъ и красоты природы; однимъ словомъ, я полюбилъ свою работу и надѣюсь, что эта книжка не только будетъ пріятна охотнику удить, но и всякому, чье сердце открыто впечатлѣніямъ ранняго утра, поздняго вечера, роскошнаго полдня и пр. Тутъ займетъ свою часть чудная природа Оренбургскаго края, какою я зналъ ее назадъ тому 45 лѣтъ. Это занятіе освѣжило и оживило меня. Послѣ обѣда мы уже не расходимся по своимъ угламъ: весь вечеръ продолжается уже общее чтеніе. Каждый вечеръ мы читаемъ что нибудь ваше (т. е. Гоголя) по порядку выхода. Вчера кончили все; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ станемъ опять читать».

Въ 1846 году Сергѣй Тимоѳеевичъ захворалъ еще какимъ то мучительнымъ недугомъ. Но онъ мужественно борется съ нимъ, и, среди страданій, пишетъ энергическія письма къ больному Гоголю съ просьбой остановить печатаніе «*Развязки къ Ревизору*», а къ Плетневу съ убѣжденіемъ отказаться отъ изданія «*Переписки*».

Насколько, не смотря на болѣзнь, былъ бодръ духъ Аксакова, видно изъ продиктованныхъ имъ въ 1847 г. писемъ къ Гоголю и сыну Ивану, увлекшемуся было «Перепиской», что глубоко возмущало отца, горячо старавшагося вразумить сына на счетъ глубокаго паденія Гоголя, проявившагося въ этой книгѣ. Поправившись нѣсколько весной 1848 г., Сергѣй Тимоѳеевичъ, обрадовавшись теплу, пере-

ѣхалъ изъ Москвы въ Абрамцево 2-го мая, а 6-го, посидѣвъ, легко одѣтый, съ удочкой на пруду подольше, въ тотъ же вечеръ получилъ воспаленіе въ груди и въ печени, и его увезли въ Москву, гдѣ, однако, удалось старика спасти.

Такъ, то въ Москвѣ, то въ Абрамцевѣ, проходили годъ за годомъ, среди почти постоянныхъ старческихъ недуговъ Сергѣя Тимоѳеевича, не мѣшавшихъ ему однако находить отраду въ писаніи своихъ воспоминаній. Послѣднія сочиненія Аксакова «Дѣтскіе годы» (1858), «Разныя сочиненія» (1858), «Встрѣча съ Мартинистами» (въ началѣ 1859) и «Собираніе бабочекъ», писаны въ промежуткахъ тяжкихъ болѣзненныхъ припадковъ, обратившихся въ жестокую хроническую болѣзнь, и нельзя не изумляться живучести этого, такъ долго таившагося въ Сергѣѣ Тимоѳеевичѣ, творческаго духа, столь неожиданно проявившагося съ такой поразительной силой только въ старости. «Нельзя безъ умиленія вспомнить,—пишетъ одинъ изъ тогдашнихъ друзей Аксакова,—какъ за мѣсяцъ до кончины послѣдняго старшій сынъ его Константинъ Сергѣевичъ читалъ въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности отрывокъ изъ повѣсти своего умирающаго отца «*Наташа*», поражающій свѣжестью красокъ, живостью и необыкновенной художественной простотой; предсмертное же произведеніе «*Собираніе бабочекъ*», вышедшее въ печати уже послѣ смерти автора въ сборникѣ въ пользу бѣдныхъ студентовъ Казанскаго университета, и послѣдній отрывокъ «*Очеркъ зимняго дня*» полны такой свѣжести и чутья природы, что кажется, будто они писаны не больнымъ 68 лѣтнимъ старцемъ, а двадцатилѣтнимъ юношей».

Не перемѣнился, не смотря на недуги хозяина, и общій порядокъ гостепріимнаго дома. Какъ только больному становилось полегче, опять являлись гости, слышались въ домѣ веселый смѣхъ и живыя рѣчи, въ которыхъ принималъ участіе и хозяинъ.

Ранѣе мы привели разсказъ о домѣ Аксаковыхъ

Панаева въ 1839 г.; вотъ что разсказываетъ позднѣйшій знакомый Сергѣя Тимоѳеевича, Лонгиновъ, объ этомъ же домѣ въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ: «Домъ Аксакова былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ Москвѣ. Нравственное вліяніе Сергѣя Тимоѳеевича было ощутительно не въ одномъ его семействѣ. Примѣрный супругъ, отецъ, братъ, онъ былъ и образцемъ друзей, къ которому смѣло шли за совѣтомъ и помощью его многочисленные друзья. Онъ умѣлъ съ перваго раза пріобрѣтать любовь и довѣріе всякаго и никому не отказывалъ въ своемъ содѣйствіи или участіи, а напротивъ—самъ вызывался на услуги. Это была душа чистая, исполненная христіанскихъ чувствъ, и, въ тоже время, умъ свѣтлый, прямой, соединенный съ характеромъ откровеннымъ и возвышеннымъ. Онъ сохранилъ до глубокой старости, среди тяжкихъ недуговъ, участіе ко всему прекрасному и силу воли съ какою то младенческою ясностью души».

Самъ сохранивъ до старости младенчески-чистую душу, Сергѣй Тимоѳеевичъ съ трогательною нѣжностью относился къ дѣтямъ, и особенно любилъ свою внучку, дочь сына, Ольгу Григорьевну. Еще въ 1854 году обѣщалъ онъ написать своей маленькой любимицѣ книжку, о чемъ и увѣдомлялъ внучку слѣдующимъ стихотвореньицемъ, писаннымъ сплошь собственноручно, гдѣ поздравляетъ ее съ днемъ рожденія:

26-го Декабря 1854-го года.

Шестилѣтней Олѣ.

Рано дѣдъ проснулся,
Крякнулъ, потянулся,
Давши мыслямъ волю,
Вспомнилъ внучку Олю.
Семь часовъ пробило;
Затопили печку,
Темно очень было
И зажегъ онъ свѣчку,

И дѣдушка хилый
Къ внучкѣ своей милой
Пишетъ поздравленье
Съ днемъ ея рожденья.
Пишетъ понемногу,
Часто отдыхая,
Самъ молится Богу,
Олю вспоминая:
«Дай Богъ, чтобы снова
«Олинька была
«Весела, здорова—
«Какъ всегда мила;
«Чтобъ была забавой
«Матери съ отцомъ:
«Кроткимъ, тихимъ нравомъ
«Сердцемъ и умомъ!»
Если Богъ дастъ силы,
Ровно черезъ годъ,
Олѣ, внучкѣ милой,
Дѣдушка пришлетъ
Книжку небольшую
И разскажетъ въ ней:
Про весну младую,
Про цвѣты полей,
Про малютокъ птичекъ,
Про гнѣздо яичекъ,
Бабочекъ красивыхъ,
Мотыльковъ игривыхъ,
Про лѣснаго Мишку,
Про грибочекъ бѣлый,
И читать день цѣлый
Станетъ Оля книжку.

Дѣдушка Сергѣй Аксаковъ.

Эту книжку онъ и принялся было писать тогда же, но вышла она совсѣмъ не такой, какъ онъ сначала предполагалъ. Увлекшись старыми воспоминаніями, Сергѣй Тимоѳеевичъ написалъ, вмѣсто нея, «*Дѣтскіе годы Багрова-внука*», но все же посвятилъ книгу любимой внучкѣ. Черезъ два года, 26 декабря 1856 года, онъ пишетъ ей:

Милая моя Оля!

Два года тому назадъ я стихами обѣщалъ тебѣ прислать черезъ годъ книжку; но дай Богъ, чтобы

къ будущему дню твоего рожденія она была готова. Да и книжка выходитъ совсѣмъ не такая, какую я обѣщалъ тебѣ.

Цѣлую и поздравляю съ девятымъ годочкомъ

С. Аксаковъ».

Окруженный въ послѣдніе годы жизни, какъ и прежде, самыми нѣжными заботами всей семьи, Сергѣй Тимоѳеевичъ на закатѣ дней своихъ могъ быть утѣшенъ и общимъ вниманіемъ, которымъ почтили его за сочиненіе общество и критика, единодушно и справедливо признававшія его однимъ изъ первыхъ русскихъ писателей. Этого мало,— художественныя достоинства его произведеній были такъ ярки, что обратили вниманіе и на его нравственныя качества и доставили ему всеобщее уваженіе уже просто, какъ человѣку. Казанскій университетъ, праздновавшій въ 1854 г. свой пятидесятилѣтній юбилей, почтилъ особымъ вниманіемъ своего «перваго студента», а студенты петербургскіе, задумавъ издавать свой сборникъ ученыхъ трудовъ, сочли своимъ долгомъ испросить на это его одобреніе. Повсюду въ Россіи гремѣло имя новаго писателя, этого юнаго старца, котораго превозносили за «Семейную Хронику» всѣ, независимо отъ литературныхъ партій и взглядовъ на искусство, а писатель уже быстро приближался къ могилѣ.

Послѣдняя болѣзнь Сергѣя Тимоѳеевича длилась года полтора. Вынужденный сидѣть въ четырехъ стѣнахъ, удручаемый недугомъ, онъ чутко прислушивался къ тѣмъ новымъ вѣяніямъ, которыя несло наступившее для Россіи свѣтлое время новаго царствованія. Родные, навѣщавшіе старика друзья, газеты, которыя ему читали, знакомили его съ вѣстями о великихъ реформахъ, и съ изумленіемъ и любовью взиралъ этотъ ветеранъ прошлаго столѣтія, переживающій пятое царствованіе, мысленнымъ окомъ на пробуждающееся сознаніе всегда столь дорогой ему Россіи. Особенно занимали его,

патріархальнаго помѣщика-барина и человѣка земли, слухи о готовящемся освобожденіи крестьянъ. Всѣ эти разнообразные толки о томъ, какъ то совершится такое грандіозное, неслыханное дотолѣ, событіе, долженствующее потрясти весь организмъ страны, не могли не наводить на Сергѣя Тимоѳеевича глубокаго раздумья. Выросшій въ глухомъ краю, въ деревнѣ, среди патріархальныхъ, нерѣдко очень суровыхъ, отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ, и рабскихъ и фальшивыхъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ; вспоминая слышанные въ дѣтствѣ разсказы о пугачевщинѣ, о жестокостяхъ куролесовыхъ, онъ, понимая необходимость уничтоженія крѣпостнаго права и желая родинѣ добра, естественно, думалъ и о томъ, какъ то воспользуется самъ народъ этою свободой. И вотъ, когда до слуха Сергѣя Тимоѳеевича, во время уже послѣдней болѣзни, въ концѣ 1857 года, дошло обнародованіе Высочайшихъ рескриптовъ дворянству трехъ западныхъ губерній, онъ въ январѣ 1858 г. пишетъ послѣднее свое стихотвореніе «*При вѣсти о грядущемъ освобожденіи крестьянъ*», гдѣ призываетъ родную страну принять величайшій Божій даръ—свободу въ духѣ любви и кротости:

Жребій брошенъ... Роковое
Слово выслушалъ народъ...
Слово страшное, святое
Произнесъ минувшій годъ.

И смутилась Русь святая,
И задумалась она...
Чѣмъ же ты, страна родная,
Глубоко потрясена?

Иль, не вѣруя въ свободу,
Ты не смѣешь говорить?
Иль боишься, что народу
Тяжелѣе будетъ жить?

Съ плечъ твоихъ спадаетъ бремя,
Докажи, что не рабой
Прожила ты рабства время,
А смирялась предъ судьбой,

Передъ Божіимъ посланьемъ,
Въ духѣ кротости, любви,
Жизнь считая испытаньемъ:
Бунта нѣтъ въ твоей крови.

Покажи намъ, какъ оковы
Скинешь ты съ могучихъ ногъ,
Какъ пойдешь ты въ путь свой новый,
Какъ шагнешь черезъ порогъ,

О который спотыкались
Люди тысячу вѣковъ,
Гдѣ мечты изобличались
Человѣческихъ умовъ.

Какъ проснется жизнь народа,
Какъ прервется тяжкій сонъ?
Тихая-ль взойдетъ свобода
И незыблемый законъ?

Въ церковь ли пойдешь съ смиреньемъ,
Иль, начавши кабакомъ,
Всѣ свои недоумѣнья
Порѣшишь ты топоромъ?

Какъ узнать? Судебъ народныхъ
Не проникнуть въ мракъ и даль,
Не постичь путей исходныхъ,
Богомъ вписанныхъ въ скрижаль.

«Весной 1858 г. болѣзнь Сергѣя Тимоѳеевича приняла оборотъ опасный и стала причинять ему самыя тяжкія страданія, но ихъ переносилъ онъ съ чрезвычайной энергіей и терпѣніемъ. Послѣднее лѣто провелъ онъ на дачѣ близь Москвы и, несмотря на тяжелую болѣзнь, все еще имѣлъ силу въ рѣдкія минуты облегченія наслаждаться природою и диктовать новыя свои произведенія, которыя ничѣмъ не напоминаютъ того, въ какія тяжелыя минуты они созданы». Осенью 1858 года его перевезли въ городъ во вновь нанятый для него домъ на Кисловкѣ. «Какая у насъ приходская церковь»?—спросилъ онъ. Ему отвѣчали: «Бориса и Глѣба». «Въ этомъ домѣ я и умру,—сказалъ Сергѣй Тимоѳеевичъ,—въ этомъ приходѣ отпѣвали Писарева, тутъ и меня будутъ отпѣвать». Предчув-

ствіе не обмануло его. 30-го апрѣля 1859 года, въ 3-мъ часу по полуночи тихо скончался Сергѣй Тимоѳеевичъ на рукахъ столь любимой имъ семьи.

«Въ воскресенье, 3-го мая,—разсказываетъ М. Н. Лонгиновъ,—церковь св. Бориса и Глѣба наполнилась множествомъ народа; многочисленные друзья покойнаго, почти всѣ здѣшніе литераторы и ученые, наконецъ люди всѣхъ званій пришли проститься съ бездыханнымъ тѣломъ, которое оживлялъ безсмертный духъ, оставившій неизгладимые и благотворные слѣды посѣщенія своего въ здѣшнемъ мірѣ. Всѣ прощались съ чѣмъ то роднымъ, дорогимъ сердцу. Гробъ Аксакова на рукахъ былъ принесенъ въ Симоновъ монастырь и внесенъ въ ворота при пѣніи торжественной пѣсни: «Христосъ Воскресе!» Весеннее солнце освѣщало едва зазеленѣвшія деревья и поля; въ воздухѣ чувствовалось первое дыханіе весны, оживляющей природу, съ обновленіемъ которой скрылся отъ насъ навѣкъ тотъ, кто такъ умѣлъ любить и понимать чудную красоту великаго Божьяго міра.

Такая общая скорбь, которая высказалась на похоронахъ Аксакова, лучше всякихъ похвальныхъ словъ. Дай Богъ всякому, кончивъ жизненный путь, оставить по себѣ такое чистое имя, такую добрую славу и столькихъ людей, которые бы такъ искренно повторяли: «Вѣчная память!»

XV.

Въ началѣ нашего очерка указали мы на необычайно позднее проявленіе художественнаго таланта Сергѣя Тимоѳеевича, который, воспитавшись на ложноклассическихъ образцахъ, и ничѣмъ рѣшительно не выдаваясь въ своихъ литературныхъ трудахъ надъ заурядною посредственностью, на шестомъ десяткѣ лѣтъ вдругъ выступаетъ въ 1847

г. съ «Записками объ уженьѣ рыбы», а черезъ девять лѣтъ, въ 1856 г. достигаетъ апогея своей славы въ Семейной Хроникѣ, благодаря простотѣ, естественности, народности,— словомъ, именно тѣмъ качествамъ, которыми всего менѣе отличаются почти всѣ его, появлявшіеся дотолѣ въ печати, литературные опыты. Постараемся же, по возможности, объяснить кажущуюся странность.

Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ несомнѣнный и крупный художникъ по натурѣ, обнаруживавшейся еще въ дѣтствѣ. Съ отдаленнаго младенчества, когда онъ начинаетъ себя помнить, въ сообщенныхъ впослѣдствіи въ «Дѣтскихъ годахъ», обрывкахъ смутныхъ воспоминаній онъ уже является ребенкомъ крайне воспріимчивымъ, чувствительнымъ, привязчивымъ и съ сильнымъ воображеніемъ. Вспомнимъ его дѣтскія отношенія къ матери, сестрѣ, собачкѣ, играмъ, впечатлѣніе отъ первыхъ, прочитанныхъ еще на пятомъ, шестомъ году, книгъ, способность всецѣло проникаться прочитаннымъ пытливые вопросы, которые онъ задаетъ родителямъ; вспомнимъ, какое сильное впечатлѣніе производитъ на него первая поѣздка въ деревню, рыбная ловля, слышанныя въ дѣтствѣ сказки, Шехерезада; какъ нравятся ему стихи, какъ поражаетъ его декламація дядей, которой онъ тотчасъ же начинаетъ подражать самъ, и своимъ чтеніемъ, еще ребенкомъ, удивляетъ окружающихъ. Но всего болѣе художественность этой натуры обнаруживается въ отношеніяхъ къ природѣ, во всѣхъ этихъ уженьяхъ, ловлѣ птицъ, собираніи бабочекъ, насѣкомыхъ, грибовъ, растеній. Эта природа наполняетъ, главнымъ образомъ, духовный міръ ребенка, давая ему на всю жизнь множество разнообразныхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній, дѣлаетъ его до конца дней самымъ страстнымъ и неизмѣннымъ своимъ поклонникомъ. Къ этой природѣ постоянно рвется онъ изъ гимназіи, мечтая до галлюцинацій о деревнѣ и любимыхъ занятіяхъ; въ ней находитъ и впослѣдствіи радость и утѣшеніе, и ждетъ не дождется, когда удастся

вырваться изъ города на широкій ея просторъ. «Мнѣ ли, страстному поклоннику вѣчныхъ красотъ природы и моего чуднаго, родимаго края, свободы его полей и лѣсовъ, его роскошнаго простора и приволья,—восклицаетъ Аксаковъ въ своихъ «*Литературныхъ и театральныхъ воспоминаніяхъ*», удивляясь грусти, съ которой онъ уѣзжалъ изъ Москвы въ 1821 г.,—мнѣ-ли, безумному охотнику, грустить, разставаясь съ неволей и шумомъ городской жизни, съ пыльной и душной Москвой? Всегда весело разставался я съ обѣими столицами, всегда съ радостнымъ волненіемъ спѣшилъ въ благословенную деревню». Это то здоровое чувство природы, всегда составлявшее, такъ сказать, часть души Аксакова, его «святую святыхъ», и уберегло въ немъ художника, который и сказался прежде всего именно въ разсказахъ о природѣ. Можно, кажется, сказать съ полною увѣренностью, что деревня то, гдѣ провелъ Сергѣй Тимоѳеевичъ свое дѣтство и столько лѣтъ безвыѣздно потомъ, и гдѣ, наконецъ, живалъ подолгу почти до самой смерти, больше всего и сохранило въ немъ талантъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя, какъ мы видѣли, условія его развитія.

Художникъ жилъ въ Аксаковѣ съ юности и въ его страсти къ драматическому искусству, которому отдаться вполнѣ, въ качествѣ присяжнаго артиста, ему не пришлось, но къ которому обнаруживалъ онъ талантъ недюженный и рѣдкій вкусъ въ оцѣнкѣ игры такихъ артистовъ, какъ М. С. Щепкинъ, Мочаловъ и др., обращавшихся къ нему за совѣтомъ и проходившихъ съ нимъ роли. И какъ ни напыщенъ и ни искусственъ былъ петербургскій и московскій репертуаръ первой четверти нашего столѣтія, но стремленіе къ простотѣ и естественности, какъ первое условіе истиннаго искусства, уже отличали нѣкоторыхъ лучшихъ нашихъ артистовъ. Можетъ быть, тотъ же Шушеринъ, отнявшій у юноши столько непроизводительнаго времени, своей естественной игрой и декламаціей болѣе или менѣе способствовалъ образованію его художествен-

наго вкуса. Этотъ вкусъ сказывается даже и въ театральныхъ рецензіяхъ и въ воспоминаніяхъ писателя, который всегда придаетъ въ игрѣ артиста особенное значеніе той же простотѣ и естественности. Говорить ли еще о также присущихъ художнику качествахъ: простотѣ, сердечности, задушевности, вообще отличавшихъ Сергѣя Тимоѳеевича въ отношеніяхъ къ людямъ? Эти качества составляютъ наиболѣе рѣзкія черты его характера, всегда привлекавшія къ нему всѣхъ, кто бы съ нимъ ни встрѣчался.

Такимъ образомъ, не смотря на увлеченіе ложнымъ классицизмомъ и всякими литературными и театральными пустяками, въ Аксаковѣ всегда и до появленія въ 1834 г. въ сборникѣ Максимовича «*Денница*» перваго художественнаго произведенія «*Буранъ*» таился истинный художникъ, но только еще не обрѣтшій своей настоящей дороги. Разсказикъ, напечатанныой безъ подписи автора, написался случайно, между работой надъ преобразованіемъ въ Институтѣ Константиновскаго Межеваго Училища, гдѣ Аксаковъ служилъ инспекторомъ. Не зная, чтобы такое дать въ книжку пріятеля, неотступную просьбу котораго хотѣлось исполнить, Сергѣй Тимоѳеевичъ попробовалъ вспомнить о слышанномъ еще въ дорогомъ ему Оренбургскомъ краѣ разсказѣ о пострадавшемъ въ метель обозѣ, и вотъ явилась статейка, съ которой и начинается художественная дѣятельность писателя. Интересно при этомъ то обстоятельство, что статейку первый, не зная, кто ее написалъ, замѣтилъ и оцѣнилъ по достоинству никто иной, какъ редакторъ Московскаго Телеграфа, Н. А. Полевой, котораго Сергѣй Тимоѳеевичъ такъ не любилъ, и даже «прижималъ», будучи цензоромъ. Вотъ что, какъ вспоминаетъ самъ Аксаковъ, приблизительно писалъ рецензентъ Телеграфа, расхвалившій сборникъ, и особенно статейку: «Буранъ» — мастерское изображеніе зимней вьюги въ степяхъ Оренбургскихъ, и если это отрывокъ изъ

романа или повѣсти, то можно поздравить публику съ художественнымъ произведеніемъ.»

Успѣхъ разсказика, понравившагося и Гоголю, увлеченіе сочиненіями послѣдняго, повѣсти Пушкина, новые взгляды на искусство, проникшіе съ поступленіемъ Константина въ Университетъ въ аксаковскую семью, наконецъ, побужденія писать, шедшія отъ самаго Гоголя,—все это вмѣстѣ, конечно, имѣло вліяніе на выступленіе Сергѣя Тимоѳеевича на свою настоящую литературную дорогу; но, какъ совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, объясняетъ А. С. Хомяковъ, первое крупное произведеніе «Записки объ уженьѣ рыбы» вызвано не какими нибудь особыми художественными цѣлями, а прихотью страстнаго рыболова, «лишеннаго случайностями жизни привычнаго наслажденія». «Сергѣй Тимоѳеевичъ просто захотѣлъ вспомнить старые годы, прежнія тихія радости, а вслѣдствіе въ высшей степени общительнаго нрава пожелалъ передать ихъ, объяснить ихъ другимъ,—и написалась книга, о которой авторъ никогда и не мечталъ, чтобы она доставила ему литературную извѣстность».

Читатель тоже принялся за книгу безъ всякихъ художественныхъ ожиданій или требованій, просто въ надеждѣ узнать кое что объ искусствѣ уженья... и вдругъ оказалось, что отъ книги нельзя оторваться; что всѣ эти потоки, разливы озеръ и прудовъ, всѣ эти рыбы и рыбки живутъ, согрѣтыя необыкновенной симпатіей автора, и вся книга есть совсѣмъ оригинальное художественное произведеніе. Книгу прочли, критика оцѣнила ее по достоинству, и литературная извѣстность была сдѣлана. А тамъ, подъ вліяніемъ успѣха, похвалъ Гоголя, одобреній любимыхъ сыновей, Сергѣй Тимоѳеевичъ далъ своимъ воспоминаніямъ уже полную волю и, охваченный вдохновеніемъ художника, такъ долго въ немъ таившагося, перешелъ отъ уженья къ охотѣ, и наконецъ, къ изображенію въ «Семейной Хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ» человѣческой жизни. Болѣе полвѣка таившійся въ человѣкѣ художникъ

не только воспрянулъ для всѣхъ совершенно неожиданно, но и развернулъ, хотя и на закатѣ жизни, свой талантъ во всю ширь и глубь въ кругу матерьяла, близко знакомаго автору и столь любимаго имъ съ дѣтства.

Посмотримъ же, въ чемъ заключается художественность творчества Аксакова. Прежде всего отличаетъ ее удивительный *языкъ*, дѣлающій Сергѣя Тимоѳеевича писателемъ положительно образцовымъ, котораго съ этой стороны необходимо изучать. Всякое впечатлѣніе, всякій предметъ, будь это природа, рыба, птица, звѣрь, человѣкъ, всякое чувство съ его малѣйшими оттѣнками находятъ въ немъ совершенно точное, ясное, и притомъ, поразительно простое, мѣткое, выраженіе именно въ такомъ словѣ, которое врѣзывается въ память и даетъ читателю вполнѣ опредѣленное представленіе даннаго предмета. Какъ ни прекрасенъ, напримѣръ, языкъ Тургенева въ описаніяхъ природы; но языкъ Аксакова еще проще и ярче. Разнообразіе, богатство чисто народныхъ русскихъ словъ и оборотовъ у него поразительное. Для малѣйшаго оттѣнка въ рисовкѣ самыхъ различныхъ пейзажей разнаго характера и разныхъ временъ года, для всѣхъ этихъ мелкихъ характеристикъ разнообразнѣйшаго животнаго царства, рыбъ, дичи, звѣрушекъ, для означенія ихъ движеній, издаваемыхъ ими звуковъ,—для всего этого есть у Аксакова обильнѣйшій словесный запасъ, откуда онъ беретъ всегда именно только то, что въ данномъ случаѣ наиболѣе умѣстно, необходимо. С. А. Венгеровъ (критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ т. I, 187), приводя случайно взятый отрывокъ въ восемь строкъ изъ охотничьихъ записокъ, изображающій птичьи крики въ лѣсу, справедливо указываетъ на разнообразіе употребленныхъ для этого изображенія глаголовъ, которыхъ насчитывается до одиннадцати по особому глаголу для каждой птицы. «На подобное словесное богатство, говоритъ г. Венгеровъ, читатель натыкается буквально на каждой страницѣ

охотничьихъ записокъ» (мы бы прибавили, что и въ другихъ художественныхъ произведеніяхъ Аксакова), «и если когда нибудь Академія Наукъ вздумаетъ издать словарь языка Сергѣя Тимоѳеевича, то этотъ словарь будетъ одинъ изъ самыхъ полныхъ, одинъ изъ самыхъ обильныхъ тонкими и разнообразными оттѣнками, и притомъ, не отвлеченными словами, а конкретными, нужными для точной обрисовки реальныхъ качествъ и свойствъ». Языкъ Аксакова, самъ по себѣ, даже независимо отъ содержанія, представляетъ собой идеальный образецъ пластичности и простоты, которыхъ достигали только величайшіе писатели. «Это, по выраженію И. С. Тургенева, настоящая русская рѣчь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая».

Вторая стихія творчества Сергѣя Тимоѳеевича, это *вымыселъ*,—не тотъ вымыселъ, который является въ созданіи образовъ и картинъ, хотя бы и возможныхъ, но въ дѣйствительности несуществующихъ, а тотъ, который, пользуясь реальнымъ содержаніемъ, дѣйствительными фактами и лицами, съ особымъ искусствомъ сжато выставляетъ существенное, выдающееся, наиболѣе присущее, свойственное предмету, опуская случайное, добавляя недостающее, сопоставляя, комбинируя въ одно стройное цѣлое черты разрозненныя, разбросанныя, такъ что подъ перомъ писателя все, что онъ ни изображаетъ, пейзажъ ли, птицу ли, человѣка,—все выходитъ такъ ярко и типично, что нельзя ничего ни прибавить, ни убавить. Степи, лѣса, воды, метели, все это у него общія, типическія формы *русской* природы, дающія полное знакомство съ ней вообще, конечно, по преимуществу съ природой Оренбургскаго края. Всѣ эти рыбы, птицы, звѣри, начиная съ наружнаго ихъ вида, и кончая нравами—опять таки типическія изображенія *русскихъ* животныхъ, представляемыя такъ, что всѣ онѣ живутъ передъ читателемъ, раскрываясь ему во всей полнотѣ своей сущности; и кажется, что онъ, читатель, точно самъ живетъ между ними. «Когда я прочелъ, напри-

мѣръ, статью о тетеревѣ, — восклицаетъ восторгающійся «Записками ружейнаго охотника» И. С. Тургеневъ, посвятившій имъ прекрасную статью; — мнѣ, право, показалось, что лучше тетерева жить невозможно... Еслибъ тетеревъ могъ разсказать о себѣ, онъ бы, я въ томъ увѣренъ, ни слова не прибавилъ бы къ тому, что о немъ повѣдалъ намъ авторъ. Тоже самое можно сказать о гусѣ, уткѣ, вальдшнепѣ, — словомъ, обо всѣхъ птичьихъ породахъ, съ которыми онъ васъ знакомитъ.

Тотъ же творческій вымыселъ на твердой почвѣ дѣйствительности, вымыселъ, какъ сила выдвиженія существеннаго и концепсія въ цѣльномъ образѣ, врѣзывающемся въ память, видна и въ воспоминаніяхъ Аксакова. Всѣ эти лица, Шушеринъ, Державинъ, Шишковъ, мартинистъ Романовскій, обрисованы съ рельефностью необыкновенною и вводятъ читателя въ кругъ интимной жизни этихъ интересныхъ представителей русскаго общества начала нынѣшняго столѣтія. Но наибольшая сила этого творческаго вымысла проявилась въ «Семейной хроникѣ», гдѣ матерьяломъ художнику служили уже не его близкіе знакомые или родители, и не собственныя, какъ въ «Дѣтскихъ годахъ», воспоминанія пережитаго, а фамильныя преданія. Здѣсь Аксаковъ уже прямо возвышается до созданія *общихъ, крупныхъ русскихъ типовъ*, и имена дѣдушки Багрова и Куролесова стали у насъ нарицательными, наравнѣ съ безсмертными типами Гоголя.

Третья творческая стихія Сергѣя Тимоѳеевича— «то *чувство*, то отношеніе къ изображаемому, которымъ проникнуты его произведенія. Какъ, повидимому, ни спокойно, ни объективно ведется безхитростный разсказъ старика о давно минувшемъ; но повсюду, между строкъ, вы видите любящую душу, проникнутую самою широкою гуманностью. Какою то трезвою, трогательною жизнерадостностью, чѣмъ то милымъ, сердечнымъ, вѣетъ отъ этихъ успокаивающихъ душу разсказовъ. Любъ

этому старику и весь міръ Божій съ его природой, съ которой «дышетъ онъ одною жизнью», со всякою тварью,—этотъ міръ населяющей, съ дорогой родиной, которую онъ такъ любитъ безъ всякой задней мысли, за нее самое, какъ любитъ мать своего ребенка; любъ ему и человѣкъ въ этомъ мірѣ: кто бы онъ ни былъ, баринъ, или мужикъ, всякаго опишетъ Аксаковъ съ любовью и вниманіемъ, безъ раздраженія или осужденія, хотя бы то былъ самъ Куролесовъ съ его возмутительнымъ безобразіемъ, или жалкія эгоистки тетеньки. Онъ знаетъ, что пороки и слабости изображаемыхъ имъ лицъ въ значительной степени зависѣли отъ вѣка и условій жизни, и потому относится къ нимъ, подобно бытописателю, лѣтописцу, вспоминающему подъ старость то, что сохранила ему память, снисходительно и спокойно. Но особенной теплотой дышатъ тѣ страницы, гдѣ онъ говоритъ о людяхъ, ему дорогихъ: дѣдушкѣ, матери, сестрѣ, своихъ воспитателяхъ, обо всѣхъ, кто его любилъ, кому онъ былъ обязанъ чѣмъ нибудь въ дѣтствѣ, напр., о нянѣ, дядькѣ, или съ кѣмъ находилъ отраду, дѣлилъ дружбу въ своей молодости. Это то любовное, широко гуманное чувство, то трогательно благодарное, то всепрощающее,—чувство, не заслоняющее отъ читателя самихъ изображеній и позволяющее каждому дѣлать изъ нихъ свободный выводъ, дѣлаетъ Сергѣя Тимоѳеевича писателемъ особенно симпатичнымъ.

Указавъ на особенности творчества Сергѣя Тимоѳеевича, скажемъ въ заключеніе очерка, какое же его значеніе въ нашей литературѣ, и что онъ въ нее внесъ.

Въ ряду крупнѣйшихъ классическихъ нашихъ писателей девятнадцатаго вѣка Аксаковъ представляетъ собою явленіе совершенно особое не только по позднему проявленію таланта, но и по характеру и содержанію сочиненій. Это, подобно Гоголю, писатель вполнѣ *оригинальный*, *русскій*, *непосредственный*, *самородный*. Точно также, какъ и Гоголя, его мало коснулось европейское образованіе, да и

то, такъ сказать, заднимъ числомъ. Въ то время, какъ въ русской литературѣ уже господствовалъ романтизмъ, байронизмъ, въ двадцатыхъ годахъ являются Пушкинъ и Грибоѣдовъ, оба воспитавшіеся на просвѣтительныхъ западныхъ вліяніяхъ, Аксаковъ все еще остается ложно-классикомъ, однимъ изъ многочисленныхъ посредственныхъ литераторовъ-любителей, пописывавшихъ незначительныя статейки въ журналахъ да кое что переводившихъ. Является и Лермонтовъ, и успѣваетъ сойти въ могилу, не произведя на Аксакова впечатлѣнія; ведутся ожесточенные споры между москвичами-славянофилами и петербуржцами-западниками, съ Бѣлинскимъ во главѣ. Цѣлая исторія славянофильства и западничества проходитъ, по выраженію одного критика, предъ глазами Аксакова; въ литературу выступаютъ новыя силы, Герценъ, Григоровичъ, Тургеневъ, а онъ, Аксаковъ, замкнувшись въ тѣсномъ кругу семьи и московскихъ друзей, остается совершенно въ сторонѣ отъ новыхъ литературныхъ движеній, не примыкая ни къ одной изъ партій, ни къ славянофиламъ, ни къ западникамъ. Между тѣмъ, подъ вліяніемъ родственнаго ему по непосредственности самородка Гоголя и другими вліяніями, о которыхъ мы уже говорили, онъ совершенно освобождается отъ прежнихъ литературныхъ традицій и создастъ совсѣмъ новую, свою литературу, черпая содержаніе прямо изъ русской природы и русскаго быта, почти нетронутаго никакой цивилизаціей, и рисуя эту природу и эту жизнь безъ малѣйшаго рефлекса.

Такимъ образомъ, Аксаковъ, подобно Гоголю, писатель вполнѣ оригинальный, только въ совершенно другой, противоположной ему области. Если Гоголь касается природы только попутно, для обрисовки мѣста дѣйствія, у Аксакова эта природа становится единственной темой трехъ книгъ: «Записки объ уженьѣ рыбы» (1847), «Записки ружейнаго охотника» (1852) и «Разсказы и воспоминанія охотника» (1855) и не мало занимаетъ мѣста въ

«Семейной Хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ». Если Гоголь изображаетъ помѣщиковъ современныхъ, тронутыхъ внѣшностью цивилизаціи, и притомъ, пошляковъ и чудаковъ, относясь къ нимъ съ горькимъ юморомъ; Аксаковъ, напротивъ, рисуетъ помѣщичью старину глухой окраины, гдѣ наиболѣе полно сохранились формы патріархальнаго помѣщичьяго быта, характеры, такъ сказать, стихійные, непосредственные, въ которыхъ рядомъ съ дикимъ произволомъ и самодурствомъ, какъ въ старикѣ Багровѣ, уживаются и многія прекрасныя качества, возбуждающія въ авторѣ сочувствіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ помѣщиками, у Аксакова въ обоихъ главнѣйшихъ произведеніяхъ, «Семейной Хроникѣ» и «Дѣтскихъ годахъ», находится и изображеніе народа съ его тяжелымъ трудомъ, великимъ терпѣніемъ и незлобіемъ. И если Гоголь показалъ намъ помѣщичью жизнь во всей пошлости ея содержанія, Григоровичъ и Тургеневъ, давшій себѣ аннибаловскую клятву борьбы съ крѣпостнымъ правомъ, выдвинули именно крѣпостныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ, а позднѣе Салтыковъ въ «Пошехонской старинѣ» и «Головлевыхъ» ярко выставилъ весь *ужасъ* этой жизни, не пожалѣвъ для ея изображенія мрачныхъ красокъ, Аксаковъ посмотрѣлъ на этихъ помѣщиковъ взглядомъ, такъ сказать, историка, художника, для котораго событія и лица, отошедшія въ даль прошлаго, являются естественными слѣдствіями извѣстнаго порядка вещей. Всѣ герои его повѣствованій, добрые и злые, худые и хорошіе, умные и глупые, суть прежде всего люди, въ которыхъ, рядомъ со зломъ, есть, болѣе или менѣе, и добро, которое онъ и раскрываетъ, не умалчивая о злѣ, относясь къ нему спокойно и снисходительно. Художественное воссозданіе нашего стариннаго степнаго помѣщичьяго быта въ общей неодносторонней и безпристрастно спокойной картинѣ, составляетъ самое главное достоинство «Семейной Хроники», которой, вмѣстѣ съ «Дѣтскими годами», справедливо гордится рус-

ская литература. И если всякому русскому образованному человѣку обязательно знать такія вещи, какъ «Мертвыя души», «Записки охотника», «Деревню» и «Антона Горемыку», «Пошехонскую старину», то для безпристрастной и разносторонней оцѣнки русской помѣщичьей жизни необходимо знать и Аксакова, къ которому по глубокой художественности, спокойному и объективному изображенію дѣйствительности, наиболѣе подходятъ «Старосвѣтскіе помѣщики» Гоголя, Гончаровъ съ его «Обломовымъ» и «Обрывомъ» и гр. Л. Н. Толстой съ «Дѣтствомъ и отрочествомъ». По законченности же, разносторонности и широтѣ картины, гдѣ все строго сосредоточено на изображеніи помѣщичьяго быта, безъ всякихъ примѣсей вродѣ романической интриги, или изображеній сценъ изъ другаго быта, «*Семейная хроника*» въ русской литературѣ произведеніе единственное, съ котораго слѣдуетъ начинать изученіе помѣщичьей Руси. Значительно слабѣе нѣсколько растянутые «*Дѣтскіе годы*», гдѣ многое повторяется изъ того, что такъ ярко и сжато было сказано въ «Хроникѣ»; но зато здѣсь также много прекрасныхъ картинъ природы, сценъ и лицъ, и все произведеніе представляетъ самую полную и художественную, дѣтскую психологію, съ которой у насъ можетъ быть сравнено только «Дѣтство и отрочество» гр. Л. Н. Толстаго.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ объ Аксаковѣ, какъ *мемуаристѣ*. Если упреки въ излишней мелочности фактовъ и личномъ и анекдотическомъ характерѣ справедливы по отношенію къ «*Литературнымъ и театральнымъ воспоминаніямъ*», то отнюдь нельзя сказать этого про такія статьи, какъ «Воспоминанія о Шишковѣ», «Знакомство съ Державинымъ», «Я. Е. Шушеринъ» и «Встрѣча съ мартинистами». Какъ уже сказано ранѣе, онѣ, отличаясь всѣми качествами таланта писателя, даютъ яркія картины времени и художественные портреты замѣчательныхъ людей эпохи начала девятнадцатаго столѣтія, изображенныхъ съ мельчай-

шими подробностями ихъ домашняго быта, и читаются съ величайшимъ интересомъ. Что же касается «Исторіи знакомства съ Гоголемъ» и «Воспоминаній о гимназіи и университетѣ», то интересъ ихъ ужъ не художественный, а чисто біографическій.

Кромѣ нами указаннаго, есть у Сергѣя Тимоѳеевича довольно много и другихъ статей, какъ относящихся къ раннему періоду его дѣятельности, такъ и позднѣйшихъ журнальныхъ, но мы не будемъ говорить о нихъ, отсылая интересующихся къ полному собранію сочиненій Аксакова, гдѣ собрано все, что когда либо было имъ напечатано. Не въ этихъ статьяхъ слава писателя и интересъ для потомства, которое будетъ наслаждаться только тѣмъ, что создалось Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ, начиная съ «*Записокъ объ уженьи рыбы*» и особенно «*Семейной Хроникой*» и «*Дѣтскими годами*», какъ разсказами о живыхъ людяхъ. Не считая указанныхъ воспоминаній, до настоящаго времени дожили и будутъ жить въ русской литературѣ всегда только пять его книгъ: «Записки объ уженьѣ», «Записки ружейнаго охотника», «Разсказы и воспоминанія охотника», «Семейная хроника» и «Дѣтскіе годы», но за то, къ этимъ книгамъ будутъ обращаться съ чувствомъ національной гордости всѣ, въ комъ не заглохло чутье правды, красоты, добра, любви къ родинѣ, природѣ, человѣку. И если бы попросили насъ сказать въ нѣсколькихъ словахъ, въ чемъ заключается значеніе, какъ писателя, этого добродушнаго, симпатичнаго старика, чье кроткое и болѣзненное лицо привѣтливо глядитъ на насъ съ портрета, мы бы сказали:

Онъ очень любилъ міръ Божій, болѣе всего родину, а въ ней природу и человѣка. Богъ далъ ему великій даръ писать просто и душевно. Долго, до старости, не чуялъ онъ въ себѣ этого дара, но, почуявъ, разсказалъ о томъ, что зналъ и любилъ. И оставилъ онъ намъ чудные разсказы о родныхъ степяхъ, рѣкахъ, озерахъ, болотахъ, лѣсахъ, поляхъ,

метеляхъ и вьюгахъ, о красѣ весны и лѣта; разсказы, какъ живетъ рыба, дичь, звѣрь, и, наконецъ, и о томъ, какъ жили, или, вѣрнѣе, прозябали среди этой природы въ сытомъ бездѣльи, на готовомъ хлѣбѣ, добытомъ тяжелымъ крестьянскимъ трудомъ, старинные простые русскіе люди, по своему, непосредственно, стихійно чувствуя, не задаваясь никакими вопросами, не мучаясь никакими сомнѣніями. Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ,— нашъ вполнѣ національный русскій поэтъ безъ рефлекса и пытливаго анализа, непосредственно созерцающій жизнь и дающій намъ вѣрныя ея изображенія, согрѣтыя чувствомъ теплой любви. Изображенія эти не многочисленны, не разнообразны, но за то все, что онъ далъ, исчерпано до глубины и тонкости поразительной, и притомъ, такъ, что и этой природы, и этого наивнаго изображеннаго имъ человѣка не полюбить нельзя. Вотъ въ чемъ сила этого писателя, истиннаго сына русской земли, едва тронутой плугомъ, какъ и эта земля, заключающаго въ самомъ себѣ великую творящую силу, которая при другихъ условіяхъ, болѣе благопріятныхъ, развернулась бы шире и разнообразнѣе. Но и того, что эта сила произвела, слишкомъ довольно, чтобы къ ней отнеслось съ признательностью благодарное потомство.

Викторъ Острогорскій.

С.-Петербургъ.
1 августа 1891 года.

12.63.15. Vm 3-5.

99

[1p 50]